

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА

- Новакова О.В., Симонова-Гудзенко Е.К., Ульянов М.Ю.** Роль первых европейских ученых и христианских миссионеров в развитии современных знаний в странах Восточной и Юго-Восточной Азии на примере Индонезии, Японии и Вьетнама (XVI-XVII вв.).....5
- Лим С.Ч.** История сахалинских айнов в свете русско-японского соперничества на Дальнем Востоке (XVIII в. – сентябрь 1875 г.).....21
- Хисамутдинов А.А.** Театральное и музыкальное искусство русской эмиграции в Шанхае.....33
- Бондаренко Е.Ю.** Политика советского государства по идеологическому перевоспитанию японских военнопленных на Дальнем Востоке России в послевоенные годы.....41

АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В CIRCUM-PACIFIC

- Березницкий С.В.** Фридрих Плениснер и его вклад в исследования коренного населения и природы Дальнего Востока России в XVIII в.49
- Хаховская Л.Н.** Особенности торговли на Чукотке в первые советские десятилетия: опора на кулака, самоснабжение и избирательный «потлач».....60

РАКУРСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

- Лихарев Д.В., Симоненко Е.С.** Эдвард Хаттон и его концепция модернизации канадской милиции (1898-1900 гг.).....68
- Максим А.А.** Функции СМИ и их реализация в эфире общенациональных теленовостей (на примере материалов о Курильских островах).....78

ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

- Кискидосова Т.А.** Сведения о городах и городском населении Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. в научном архиве Русского географического общества.....84
- Ширина Д.А.** Развитие золотодобычи на северо-востоке страны и Олекминско-Витимская экспедиция 1866 г.90
- Еланцева О.П., Плохих С.В., Ковалева З.А.** «Здесь непочатый край возможностей, здесь великое будущее»: к истории выездной сессии ОИИ АН СССР во Владивостоке (1956 г.).....95
- Тихий К.Т.** История советского Дальнего Востока 1920-х – середины 1940-х гг. в американской историографии и воспоминаниях американских современников.....105

PHILOSOPHIA PERENNIS

- Катунин А.В.** Когнитивное бессознательное: некоторые аспекты неосознаваемого познания.....111
- Аполлонов И.А.** Логос Гераклита как мера личностной самоидентификации.....120
- Небольсин Д.И.** Интеграция аналитических и феноменологических теорий визуальной репрезентации в философском проекте Пола Кроутера.....126
- Чалый В.А.** Критическая теория Канта как «аналитический аргумент» в трактовке П.Ф. Стросона.....133

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ф.Е. АЖИМОВ – доктор философских наук, профессор,
директор Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г.В. АЛЕКСЕЕВА	доктор искусствоведения, профессор кафедры изобразительного искусства Школы искусства, культуры и спорта Дальневосточного федерального университета
Н.Н. КРАДИН	член-корреспондент Российской академии наук, доктор исторических наук, заведующий Центром политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук
М.Г. ЛЕБЕДЬКО	доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, заслуженный деятель науки РФ
А.В. ЛЫСОВА	доктор социологических наук, PhD, профессор Школы криминологии Университета Саймона Фрейзера (Simon Fraser University)
Б.И. ПРУЖИНИН	доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии Российской академии наук, главный редактор журнала «Вопросы философии»
Н.Е. ХАРЛАМЕНКОВА	доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией психологии посттравматического стресса Института психологии Российской академии наук
Т.Г. ЩЕДРИНА	доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета
С.Е. ЯЧИН	доктор философских наук, профессор, директор Департамента философии и религиоведения Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, заслуженный работник высшей школы РФ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

К.С. ЕРЕМЕНКО – кандидат исторических наук,
доцент Департамента истории и археологии Школы гуманитарных наук

Компьютерная вёрстка Е.А. ПРУДКОГЛЯД

Полное или частичное воспроизведение материалов
допускается только с разрешения редакции.
Ссылка на журнал обязательна.

Полнотекстовые версии номеров с 2008 г.
размещены в сети Интернет по адресам:
ДВФУ: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_humanities/publication/
РНЭБ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28209

Подписано в печать ???.?.2017.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 16,04. Уч.-изд. л. 16,39.
Тираж 500 экз. Заказ

Адрес редакции:
690950, Россия, г. Владивосток, ул. Суханова, 8.
Тел. (423) 245 77 48.
E-mail: gisdv@dvfu.ru

Отпечатано в типографии
Дальневосточного федерального университета
690950, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

HUMANITIES RESEARCH in the Russian Far East

ISSN 1997-2857 (Print)
ISSN 2076-8575 (Online)

ACADEMIC JOURNAL

№ 3 (41) 2017

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2017-3

Sertificate
ПИ № ФС 77 32359
09.06.2008

TABLE OF CONTENTS

HISTORY AND CULTURE OF THE EAST

Novakova O.V., Simonova-Gudzenko E.K., Ulyanov M.Yu. The role of the first European scholars and Christian missionaries in distributing modern knowledge in Eastern and Southeastern Asia in the XVI-XVII century (the case of Indonesia, Japan and Vietnam).....	5
Lim S.Ch. The history of the Sakhalin Ainu and the Russian-Japanese rivalry in the Russian Far East (XVIII century – September, 1875).....	21
Khislamutdinov A.A. Theatre and musical art of Russian emigrants in Shanghai.....	33
Bondarenko E.Yu. Soviet indoctrination of Japanese war prisoners in the Russian Far East in the post-Second World War period.....	41

ARCHAEOLOGY, ANTHROPOLOGY AND ETHNOLOGY IN CIRCUM-PACIFIC

Berezniysky S.V. Friedrich Plenisner and his contribution to the study of the indigenous population and the nature of the Russian Far East in the XVIIIth century.....	49
Khakhovskaya L.N. The trade in Chukotka in the first Soviet decades: reliance on the kulaks, self-supply and selective «potlatch».....	60
<i>ANGLES OF SOCIAL DYNAMICS</i>	
Likharev D.V., Simonenko E.S. Edward Hutton and his Canadian militia modernization concept, 1898-1900.....	68
Maksim A.A. The functions of mass media and their implementation in national TV news programs (the case of the Kuril Islands).....	78

HISTORY OF RUSSIAN REGIONS

Kiskidosova T.A. Documents with information about the cities and urban population of Eastern Siberia of the late XIXth – early XXth century in the archives of the Russian Geographical Society.....	84
Shirina D.A. The development of gold mining in the northeast of Russia and the Olekma-Vitim expedition of 1866.....	90
Elantseva O.P., Plokikh S.V., Kovaleva Z.A. "There is no end to possibilities, there is a great future here": the visiting session of the Department of Historical Sciences of the USSR Academy of Sciences in Vladivostok (1956).....	95
Tikhiy K.T. The history of the Soviet Far East of the 1920s – mid-1940s in the American historiography and memoirs.....	105

PHILOSOPHIA PERENNIS

Katunin A.V. The cognitive unconscious: on some aspects of unconscious cognition.....	111
Apollonov I.A. The logos of Heraclitus as a measure of personal self-identity.....	120
Nebolsin D.I. Integrating analytic and phenomenological approaches to pictorial representation: Paul Crowther's philosophical project.....	126
Chaliy V.A. Kant's critical theory as an «analytical argument» in P.F. Strawson's interpretation.....	133

FOUNDED
IN 2008

FOUNDER:
FAR EASTERN FEDERAL UNIVERSITY

PUBLISHED
QUARTERLY

EDITOR-IN-CHIEF

F.E. AZHIMOV – Doctor of Sc. (Philosophy), professor,
Director of the School of Humanities, Far Eastern Federal University

EDITORIAL STAFF

G.V. ALEKSEEVA	Doctor of Sc. (Arts), Far Eastern Federal University
N.N. KRADIN	Doctor of Sc. (History), Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, corresponding member of Russian Academy of Sciences
M.G. LEBEDKO	Doctor of Sc. (Philology), Far Eastern Federal University
A.V. LYSOVA	Doctor of Sc. (Sociology), Ph.D., Simon Fraser University
B.I. PRUZHININ	Doctor of Sc. (Philosophy), Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
N.E. KHARLAMENKOVA	Doctor. Of Sc. (Psychology), Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences
T.G. SHCHEDRINA	Doctor of Sc. (Philosophy), Moscow State Pedagogical University
S.E. YACHIN	Doctor of Sc. (Philosophy), Far Eastern Federal University

EXECUTIVE SECRETARY

K.S. EREMENKO – Candidate of Sc. (History), associate professor,
School of Humanities, Far Eastern Federal University

Editorial office address:
8, Suhanova str., Vladivostok, Russia, 690950
Tel. (423) 245 77 48.
E-mail: gisdv@dvfu.ru

Website:
DVFU: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_humanities/publication/
E-LIBRARY: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=28209>

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА

УДК 94(5)

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2017-3/5-20

О.В. Новакова, Е.К. Симонова-Гудзенко, М.Ю. Ульянов*

РОЛЬ ПЕРВЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ УЧЕНЫХ И ХРИСТИАНСКИХ МИССИОНЕРОВ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННЫХ ЗНАНИЙ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ НА ПРИМЕРЕ ИНДОНЕЗИИ, ЯПОНИИ И ВЬЕТНАМА (XVI-XVII вв.)

В статье рассматриваются первые контакты европейцев со странами Восточной Азии в начальный период Новой истории, их роль в распространении европейских знаний о новых научных открытиях и новой для региона религии – христианстве. Указанные темы представляют значительный интерес для востоковедов, поскольку их изучение позволяет по-новому увидеть некоторые малоизвестные до настоящего времени вопросы, связанные с контактами народов Восточной и Юго-восточной Азии с европейцами на рубеже Нового времени.

Ключевые слова: Индонезия, Япония, Вьетнам, христианство, миссионеры, научные знания

The role of the first European scholars and Christian missionaries in distributing modern knowledge in Eastern Asia in the XVI-XVII century (the case of Indonesia, Japan and Vietnam). OKSANA V. NOVAKOVA, EKATERINA K. SIMONOVA-GUDZENKO, MARK Yu. ULYANOV (Lomonosov Moscow State University)

The article focuses on the first contacts of the Europeans – especially missionaries – with the peoples of East Asia in the early modern period of modern history and their role in spreading scientific knowledge and a new religion – Christianity in such countries as Indonesia, Japan and Vietnam. These topics may be of great interest to orientologists since their study allows us to see the little-known details of the contacts of the East and West at that time in a new light.

Keywords: Indonesia, Japan, Vietnam, Christianity, missionaries, scientific knowledge

* НОВАКОВА Оксана Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: oksana_novakova@mail.ru

СИМОНОВА-ГУДЗЕНКО Екатерина Кирилловна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культуры Японии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: eksimonova@mail.ru

УЛЬЯНОВ Марк Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: ulm@mail.ru

© Новакова О.В., Симонова-Гудзенко Е.К., Ульянов М.Ю., 2017

В XVI в. наступил новый период в истории человечества – это было время естественнонаучных открытий и технологического прорыва, эпоха формирования абсолютистских монархий, а вместе с этим зарождения буржуазии и рыночной экономики в Западной Европе. Появление первых европейцев в странах Востока было связано с экспансией стран Запада, начатой Португалией и Испанией и продолженной Голландией. Произошла встреча двух цивилизаций – европейской и азиатской, ранее практически не соприкасавшихся друг с другом.

Появление европейцев в странах Восточной и Юго-Восточной Азии (ЮВА) зачастую имело вид военной и политической экспансии, в ходе которой были затронуты местные государственные и политические институты, региональные экономические и политические связи, национальные традиции, представления о мироздании. Поэтому XVI в. можно рассматривать как переломный этап в истории этих регионов Азии.

Перелом был связан не только с нарушением существовавшего ранее соотношения сил, но и с трансформацией всей системы традиционных ценностей и политических приоритетов [5, с. 45]. Эти процессы зафиксированы в многочисленных письменных документах, созданных европейцами, в сочинениях на португальском, испанском, голландском, французском языках.

Важнейшей составляющей эпохи стало миссионерство. Наряду с буддизмом и исламом в странах Азии появилась еще одна мировая религия – христианство (сначала католицизм, а затем и протестантизм). В результате распространения христианства в странах Юго-Восточной и Восточной Азии происходили значительные культурно-идеологические изменения. Христианство привносило новые идеи и ценности, создавая альтернативный традиционному взгляд на мир.

Утверждение европейцев в Нусантаре (островной части ЮВА) в португальских источниках (1511-1609 гг.)

В каком-то смысле европейская экспансия – это одно из последствий уникального развития культуры и научно-технической мысли в Европе эпохи Возрождения. В конце XV в. проявилась новая особенность европейского мышления – готовность действовать в пределах всей планеты. После того, как в 1492 г. генуэзец Христофор Колумб (1451-1506) достиг Американского континента, в 1493 г. Римский

папа Александр VI издал буллу с целью урегулирования испано-португальских отношений, согласно которой все вновь открытые земли были разделены на сферы влияния Португалии и Испании. Окончательно линия раздела была определена испано-португальским договором в Тордесильясе (1494 г.). Она проходила приблизительно в 2 тыс. км западнее самого западного из островов Зеленого Мыса. В сферу влияния Португалии была включена территория Африки и большая часть Азии, а к Испании отошла почти вся Америка и острова Тихого океана [11]. Островная часть Юго-Восточной Азии, которую принято называть Нусантарой, также была поделена. В течение XVI в. ее «открывали» португальцы, переплывая мировой океан с запада, и испанцы – с востока.

В 1510 г. португальцы закрепились на юге Индии. Столицей Португальской Индии стал Гоа. Уже на следующий год флот второго португальского вице-короля Индии Афонсу де Албуркерки (1453-1515) захватил столицу Малаккского султаната город Малакку. Это событие стало отправной точкой европейской экспансии в регион. Захватив Малакку, португальцы устремились к «Островам пряностей». В то время на востоке Нусантары основную политическую и экономическую роль играл султанат Бруней, расположенный в северо-западной части Калимантана. Сильное влияние в регионе имели правители островов Тернате и Тидоре, входящих в Молуккский архипелаг. Это были мировые центры производства гвоздики и ряда других пряностей, которые пользовались особым спросом на всех мировых рынках. Контроль над ними сулил колоссальные выгоды.

Расположенная на западе Нусантары Малакка стала оплотом португальцев в ЮВА. В центральной Нусантаре они закрепились на западе о. Ява в государстве Бантен, а на востоке – на Молуккских островах (на островах Амбон и Тернате) и на Тиморе. К северу от них, на Лусоне и Висайских островах господствовали испанцы [13].

Специфика проникновения в ЮВА португальцев заключалась в том, что они не создавали здесь колониальных владений, сопоставимых по размерам с испанскими и позже голландскими. Они шли по пути основания факторий – укрепленных поселений в крупнейших портах. В центре их устремлений в Азии оставалась Индия.

В российской историографии португальские источники описаны и изучены еще далеко не

достаточно, существует мало переводов. Тем не менее, научная ценность данных источников очень велика. В истории португальского описания Нусантары можно выделить три крупных этапа: 1) 1511-1550 гг. – время написания первых трудов, большинство из которых увидело свет либо с большим запозданием, либо в XIX-XX вв.; 2) 1550-1609 гг. – время, когда страны ЮВА, в том числе отдельные районы Нусантары, описывались в официальных трудах придворными историографами в контексте португальской экспансии в других частях Азии, Латинской Америке и в Африке, а также теми, кто занимал официальные должности в Нусантаре, в трудах общего и частного характера; 3) 1609-1639 гг. – время подведения итогов [25; 35].

Предтечей всех европейских трудов о Нусантаре стала работа итальянца Людовико ди Вартеме (ум. 1517 г.) [44]. В самом начале XVI в., с 1502 по 1507 гг., он побывал на Ближнем Востоке, в Индии, а также в ЮВА. Так, добравшись до Индии, он всего за один месяц совершил вояж в Малакку, а оттуда к Молуккским островам и обратно. Он первым ознакомил европейцев с Малаккой, описал Суматру, Яву, острова Банда и др. Его книга была издана в 1510 г., то есть за год до захвата Малаккского султаната португальцами.

Уже в первые пять лет после захвата Малакки появился человек, который смог осмыслить и изложить значительный объем сведений о Нусантаре. Это был Том Пиреш, автор «Сумы [представлений о] Востоке, в которой рассказано о [землях] от Красного моря до Китая» (*Suma Oriental que trata do Mar Roxo até aos Chins*) (1515 г.). Большая часть этого сочинения была создана в Малакке, где Пиреш прожил два года и семь месяцев. Книга так и не была издана при жизни автора. Одна из двух сохранившихся копий рукописи была обнаружена в 1944 г. в парижской библиотеке Национального собрания Франции. В том же году она была опубликована на английском языке в переводе Армандо Кортесао [27].

Труд состоит из шести книг. В третьей содержатся описания Бенгалии, а также стран ЮВА (Аракана, Пегу, Сиам, Бирмы, Камбоджи, Чампы, Кохинхины); в четвертой говорится о Китае, Японии, а также об острове Борнео (Калимантан); также здесь содержится первое в европейских источниках упоминание Лусона. Пятая книга включает описания Суматры, Явы, юго-восточных островов, Банды, Молуккских

о-вов и др., а шестая – подробное изложение истории Малаккского султаната. Особенно интересна шестая книга, поскольку она позволяет воссоздать политическую историю Малаккского султаната. В ее основе лежит версия, явно яванского происхождения, отличная от официальной малайской, отраженной в «Малайских родословиях» (*Sejarah Melayu*). Автор начинает излагать историю возникновения султаната, ссылаясь на известную ему яванскую хронику. Большое значение имеет описание системы управления султанатом. Пиреш обсуждает многие реалии, связанные с придворными обычаями и ритуалом, перечисляет товары, которые здесь можно было приобрести, рассказывает о налогах и пошлинах, о денежном обращении и пр.

Следующей по времени была работа Дуарте Барбоза (ум. 1521), португальского чиновника, который в 1500-1516 гг. служил в Португальской Индии на Малабарском побережье (в Кочине или Каннуре). Он владел языком малайлам, служил переводчиком второго вице-короля Португальской Индии и завоевателя Малакки А. де Албуркерки. Во время службы он написал труд, получивший название «Книга Дуарте Барбозы» (*O livro de Duarte Barbosa*), который содержит описание ряда стран Азии [34, р. 199-219]. Автор вернулся в Португалию в 1517 г. Его книга была завершена в 1518 г.¹, но так и не была издана. Она хранилась в виде рукописи в Лиссабоне и была обнаружена только в начале XIX в. Большая часть его труда посвящена описанию стран Западной и Южной Азии, а также приведены сведения и о различных государствах ЮВА: Пегу, Ава (в совр. Мьянме), Малакке (в основном, после захвата португальцами), о государствах на Суматре, о Сунде на западной Яве, о центральной Яве, об о. Тимор, о-вах Банда, Молуккских о-вах, Сулавеси, Калимантане, а также о Чампе (центральная часть Вьетнама) и о Китае.

Сведения о пребывании португальцев на Суматре и на Малаккском п-ве в 1522 и 1524 гг. содержатся в анонимном произведении «Воспоминания о событиях в Индии» (*Lembrança de causas da India*) (1525 г.).

В изданной в 1546 г. «Копии письма о девяти Индиях Востока» (*Copia di una littera di Nove Delle Indie Orientale*) дается первое описание

¹ Д. Барбоза уехал в Испанию. В 1519 г. принял участие в испанской экспедиции Фернана Магеллана, который был женат на его сестре. Погиб после смерти Ф. Магеллана в 1521 г. на острове Себу в стычке с воинами местного правителя.

результатов миссионерской деятельности португальских священников в ЮВА. В ней также приведены отрывки из письма священника Антонио де Пайвы о попытках обращения в христианскую веру жителей Сулавеси.

Начиная с середины века, появляются официальные исторические труды, написанные чиновниками, служившими в Азии, а также официальные хроники португальских королей. Важное место принадлежит труду Гаспара Коррейя (1495 – после 1561) «Легенды Индии» (*Lendas da Índia*) (ок. 1550 г.) [26]. Автор служил секретарем А. де Албукерки в последние три года его жизни (1512-1515). Он был убит в Малакке наемным убийцей. Его сочинение содержит сообщения об открытии морского пути в Индию, а также обо всех португальских губернаторах в Индии вплоть до Жоржи Кабрала. Деятельности каждого из них посвящена отдельная «легенда». Книга была впервые издана в 1858 г. (первая часть) и в 1864 г. (вторая часть) [15, с. 150].

Первостепенное значение имеет труд Браза де Албукерки (1500-1580), сына завоевателя Малакки, который занимал высокие посты в правление короля Жоана III и был очень хорошо информирован, хотя ни разу не бывал в Азии. Его работа называется «Пояснения [деяний] гранда Афонсу де Албукерки» (*Commentarios do grande Afonso Dalboquerque*), она была издана в 1557 г. и переиздана еще при жизни автора в 1576 г. В ней приведены важные сведения о жизни и деяниях второго вице-короля Индии в период с 1509 по 1515 гг., рассказано о завоевании Малакки и о его пребывании там в 1511-1512 гг. Эти сведения особенно ценны, поскольку официальные документы о событиях этих лет неизвестны. Автор поместил в книгу краткое изложение истории Малаккского султана, привел сведения об обычаях и нравах жителей. В труде есть сведения о контактах португальцев с Сиамом, Китаем, государствами на Суматре, Яве, отдельно описывается Паханг на Малаккском полуострове.

Молуккским островам посвящено написанное в 1559 г. сотрудником администрации Португальской Индии Габриэлем Ребело «Сообщение о Молуккских островах, поднесенное в 1559 г. Константину де Браганса» (*Informação das Cousas de Maluco, dada em 1559 a D. Constantino de Bragança*) – большой отчет о Молуккских островах, который был предназначен для седьмого вице-короля Индии Константина де Браганса (1558-1561 гг.) [40]. Позже в 1566 г.

Габриэль Ребело был назначен начальником форта на острове Тидоре.

Значительным трудом, в котором есть упоминания о Нусантаре, стала книга еще одного сотрудника аппарата Португальской Индии Фернандо де Каштаньеды (1500-1559) «История открытий и завоеваний португальцев в Индии» (*História do Descobrimento e Conquista da Índia pelos Portugueses*). Сам он провел в Азии 10 лет. «История» Каштаньеды – один из наиболее важных и полных источников по истории португальской экспансии. Она охватывает время от первого путешествия Васко да Гамы и до окончания правления губернатора Гарсия де Менезиша в 1540 г. Труд выходил частями с 1551 по 1561 гг. [15, с. 140-141].

К числу трудов, в которых затронуты частные вопросы истории Малакки, можно отнести работу Симао Ботело «Приходная книга государства Индии» (*Tombo do Estado da India*) (1554 г.). В ней содержатся сведения о налогах, собиравшихся в Малакке в правление последнего султана и в течение последующих сорока лет португальского правления. Автор бывал здесь, выполняя задачу по реформированию налогообложения, а затем с 1544 по 1545 гг. занимал должность Капитана в Малакке.

Тогда же появляются официальные исторические труды придворных хронистов, в которых говорится о португальских завоеваниях. Наиболее масштабным является фундаментальный труд придворного историка Жуана ди Барруша (1496-1570) «Азия Жуана ди Барруша: деяния, совершённые португальцами при открытии и завоевании морей и земель Востока» (*Ásia de Ioam de Barros, dos feitos que os Portuguezes fizeram na conquista e descobrimento dos mares e terras do Oriente*). Этот труд кратко называют «Азиатскими декадами» (*Décadas da Ásia*). Первые три «декады» были опубликованы в 1552, 1553 и 1563 гг. Занимаемые Баррушем должности открывали ему доступ к важнейшим документам. Он был знаком и со многими очевидцами событий. С точки зрения изучения ЮВА наиболее интересна третья декада [15, с. 142-145]. В его труде дано описание Сиам, суматранских государств Аче и Пасэй. Он также описал о. Тернате [15, р. 218-219].

Большую ценность представляют две работы высокопоставленного члена португальской администрации в ЮВА Антонио Гальвао (1490-1557). С 1536 по 1540 гг. он занимал должность губернатора Тернате. После его смерти остались две рукописи. Одна из них была опублико-

вана в 1563 г. Это его основной труд: «Трактат, составленный благородным и знатным капитаном Антонио Гальвао...» (*Tratado que compôs o nobre & notauel capitão Antonio Galvão, dos diuersos & desuayrados caminhos, por onde nos tempos passados a pimenta & especearia veyo da India às nossas partes, & assi de todos os descobrimentos antigos & modernos, que são feitos até a era de mil & quinhentos & cincoenta*) [9]. Он создал первое обобщенное описание всех основных экспедиций, которые произошли к 1550 г. Вторая рукопись имела отношение к описанию Молуккских островов: «История Молукк, их природа и открытие островов, разделенная на 10 книг» (*Historia das Molucas, da natureza, e descobrimento daquellas terras dividida em 10 livros*). Она была обнаружена в 1928 г. в Севилье, в Архиве Индий, и опубликована в 1971 г. [31].

Еще одним автором, описавшим ЮВА, был португальский хронист, дипломат и ученый Дамьян де Гойш (1502-1574). Его основной труд – «Хроника короля дон Мануэла Счастливого» (*Crónica do felicissimo Rei D. Emanuel da gloriosa memória*) (1567 г.). В том же году была издана его «Хроника принца дон Жуана». В них приведены сведения о португальских заморских экспедициях конца XV – начала XVI вв. Для изучения истории ЮВА особенно важна первая хроника. Автор использует материалы из неопубликованной рукописи Антонио Гальвао, а также из труда Каштаньеды. Некоторые сведения о временах правления Жуана III (1521-1557) представляют собой вольный пересказ Барруша [15, с. 145-148].

В конце 1560-х гг. стали появляться труды миссионеров. Большое значение имеет «Трактат о делах в Китае» монаха-доминиканца Гаспара да Круза (1520-1570) (*Tractado em que se cõtam muito por estêso au cousas da China*, или *Tratado das cousas da China*) (1569 г.). Это первый труд в Европе после работы Марка Поло, посвященный в значительной части Китаю. Но в нем есть и описания стран ЮВА. В 1554-1555 гг. и в 1557 г. да Круз находился в Малакке по делам ордена.

Сведения о ЮВА есть и в труде епископа Иеронимо Осорио (1506-1580), придворного историка-хрониста, составившего хронику правления короля Эмануэла (*De rebus Emmanuelis Regis*) (1571 г.). Он использовал материал Дамьяна де Гойша, а также свидетельства хранившихся в королевском архиве документов, присланных из Гоа.

Большой интерес представляет труд Хорхе де Лемоса (ум. 1593) «История времен Антонио Боретто» (*Historia dos cercoc que em tempo de Antonio Moniz Baretto, Governador que foi dos estados da India, os Achens e laos puserao a fortaleza de Malacca, sendo Tristao Vaz da Veiga capitao della*) (1585 г.). В нем описывается история пребывания на посту вице-короля Португальской Индии Антонио Баретто (1530–1600 гг.) в 1573-1576 гг. Особую ценность имеют описания событий в Малакке в 1574-1575 г., а также сведения о смерти султана Аче в 1579 г.

В 1580 г. Португалия вошла в состав Испании. В 1581 г. от Испании отложились объединенные Утрехтской унией (1579 г.) голландские провинции (Голландия, Зеландия, Гельдерн, Цютфен, Утрехт и фризские области Овер-Иссель и Гронинген). Так, в начале XVII в. ситуация в Нусантаре изменилась, появился новый крупный игрок – голландцы, которые, борясь за независимость от испанцев в Европе, в Нусантаре составили конкуренцию обоим иберийским государствам. Первый флот голландской Ост-Индской Компании вышел в плавание 18 декабря 1603 г. Следующие экспедиции состоялись в 1605, 1606 и 1607 гг. Неудачно испытывав на прочность положение испанцев на Филиппинах, голландцы уже в 1609 г. вытеснили португальцев и испанцев с Молукк, а затем существенно потеснили португальцев и в других районах Нусантары.

С этого времени важнейшими источниками становятся голландские. Но и тогда продолжают создаваться труды на португальском языке, среди которых можно выделить труды миссионеров. Таковы «Эфиопия восточная» (*Ethiopia Oriental*) (1609 г.) монаха-доминиканца Жоао дос Сантоса (ум. 1622) и «Ежегодные сообщения» (*Relação anual*) (1611 гг.) монаха-иезуита Фернао Герейро (1550-1617). Продолжали издаваться королевские хроники, в которых были описаны деяния португальцев в ЮВА. Например, работа Франциско де Андраде (1540-1614), официального историографа-хрониста и выдающегося поэта, автора хроники правления Жоана III (1521-1557) *Crónica do muito Alto, e muito Poderoso Rei destes Reinos de Portugal D. João III: deste nome. Lisboa, por Jorge Rodrigues* (1613 г.)

Исключительно важен написанный между 1597 и 1600 гг. труд Мануэля Годиньо де Эредиа (1563-1623) «Сообщение о Малакке и Южной Индии из Катгэя» (*Declaracam de Malaca e da India Meridional com Cathay*) (1613 г.). Он родился в Малакке, служил в Гоа, занимая

должность космографа. Его отец был высокопоставленным португальским чиновником, а мать принадлежала к туземной знати с острова Сулавеси. В этом труде содержатся описания и уникальные карты Явы, Суматры и Восточной Индонезии.

Среди источников, изданных в начале XVI в., видное место занимает труд Мендиша Пинту (1509-1583) «Странствия» (*Peregrinaçam*)². В 1539 г. автор попал в Малакку. Затем побывал в некоторых государствах на Суматре, а также в Сиаме (Таиланде), Бирме, на Яве, в Кохинхине, Китае и Японии. Он находился в Азии в течение 21 года, и в 1558 г. вернулся в Лиссабон, где и работал над воспоминаниями. Они написаны блестящим языком, книга порой напоминает захватывающий приключенческий роман, в ней описаны события 1538-1558 гг. Она была настолько хорошо написана, что ее рукопись готовил к печати сам королевский историк Франсишку де Андраде. Книга увидела свет только в 1614 г. Считается, что в этом произведении правда совмещена с вымыслом, но что касается исторических реалий и основных событий в истории стран ЮВА, то их достоверность чаще всего не вызывает сомнений.

Крупнейший автор начала XVII в. – Диого де Коуту (1542-1616). Он продолжил традицию ди Барруша по составлению «Азиатских декад». Им были составлены с 5-й по 11-ю Декады, которые выходили в свет с 1602 по 1645 гг. Этот труд описывает деяния португальцев в Азии с 1526 г. по 1599 г. В шестой декаде упоминаются Камбоджа, Малакка, большую ценность имеют сведения о султанате Джохор (на юге Малаккского полуострова).

Представителем той же традиции был Антонио Бокарро (1594-1642), служивший хранителем архива в Гоа. Он добавил еще одну Декаду, 13-ю, описав время правления вице-короля Иеронима де Азведо, пришедшееся на 1612-1617 гг. В работе много сведений о деяниях португальцев в Нусантаре. Все Декады целиком были изданы только в 1778-1788 гг. Этот же автор создал труд, посвященный истории Молуккских островов в период с 1565 по 1575 гг. (*História de Moluco no tempo de Conçalo Pereira Marramaque e Sancho de Vasconcellos*) (1635 г.), который и завершил собрание португальских памятников, описывающих славный XVI век.

Как видим, португальские сочинения разнообразны, в них описываются различные области

островной части ЮВА на протяжении столетия. Все они являются исключительно ценным и еще мало изученным у нас источником исторических данных не только о первых десятилетиях европейской экспансии в этой части мира, но и об истории, этнографии и культуре исключительно многочисленных и разнообразных государств и народов.

Христианские миссионеры в Японии:

географические и картографические знания

«Большой мир» японцы открывают дважды: в конце XIII в. после неудавшихся монгольских нашествий и во второй половине XVI в., когда на архипелаге появились первые европейцы. В обоих случаях знакомство с окружающим миром происходило не столько в силу стремления к этому жителей островов, сколько вследствие воздействия извне. Таким образом, восприятие японским обществом внешнего мира как враждебного было до некоторой степени предопределено. Одним из следствий такого восприятия была необходимость внутренней консолидации, что в свою очередь способствовало этнической самоидентификации и росту национального самосознания.

Если в XIV в. новый окружающий мир описывается и картографируется в известных японцам категориях, складывавшихся под влиянием буддийских пространственных представлений, то начиная с XVI–XVII вв. сложный островной комплекс пространственных представлений дополняется европейскими знаниями.

Первые европейцы в Японии появились в 1542 г. или в 1543 г., а в 1613 г. сёгун Токугава Иэясу издал указ о запрете христианства. Промежуток между этими датами вошел в историю как «христианский век». Сначала чрезвычайно удачная проповедь христианства, сотни и тысячи новообращенных, а затем – уровень жестокого преследования, равного которому не переживали христианские миссионеры нигде в Азии. Историография «христианского века» чрезвычайно обширна, начало ей положили сами миссионеры, затем подхватили японские, западные и отечественные исследователи, продолжающие изучение разных аспектов периода до сегодняшнего дня. В данной статье мы попытаемся рассмотреть лишь один аспект: что нового в области географических представлений и картографии европейцы принесли в Японию и чем обогатились сами.

Европейцы впервые появились на острове Танэгасима, одном из южных островов Рюкю.

Считается, что три купца (Антонио да Мота, Антонио Пейшуато, Франсиско Зеймото) потерпели кораблекрушение, и их выбросило на берег маленького японского острова. А в 1547 г. там же высадился капитан Альварез, который был не просто купцом и свободным мореплавателем, но и представителем Ордена иезуитов, в тот период расширявшего свое влияние в Азии.

К этому времени португальцы уже около тридцати лет плавали у побережья Китая. Сближению Португалии с Японией способствовало осложнение отношений с Китаем в 1560-х гг. Однако не купцы, а христианские миссионеры, главным образом иезуиты, были носителями европейских знаний, с которыми и познакомили японцев. Необходимо подчеркнуть, что обогащение знаниями было взаимным; во всяком случае, это касается географических и картографических знаний.

Первым письменным свидетельством очевидца из Японии было послание Франсиска Ксавье (1506-1552). Ксавье родился в Наварре, области басков, учился в Парижском университете и был одним из основателей Ордена иезуитов. На него была возложена миссия христианизации народов Азии. Он проповедовал в Индии, в Малакке встретился с японцем Андзиро (Ядзиро) из Кагосима. Вскоре после их знакомства Ксавье отправился в Японию. В августе 1549 г. Ксавье прибыл в Кагосима, главный порт провинции Сацума (современная префектура Кагосима), и провел год в семье Андзиро. Затем он отправился в провинцию Нагато (совр. преф. Ямагути), и в том же 1550 г. безуспешно пытался получить аудиенцию у императора Гонара (1526-1557 гг.). В Нагато миссионер вернулся в 1551 г. Ему было разрешено проповедовать князьям-даймё, но незнание языка позволило ему лишь читать вслух перевод катехизиса. И все-таки его миссия оказалась успешной, было около 2000 обращенных; в Хирано (остров недалеко от Нагасаки), Нагато и Бунго (совр. преф. Оита) были образованы христианские общины. В 1552 г. Ксавье решает вернуться в Гоа, но умирает на пути в Китай.

Необходимо отметить, что европейские миссионеры появились в Японии, когда в стране не было централизованной власти, способной контролировать всю территорию; шла междоусобная война, давшая название периоду – «эпоха воюющих провинций» (*сэнгоку дзидай*). Последователи Ксавье добились заметных успехов, особенно на острове Кюсю, и прежде всего – в портовом городе Нагасаки, куда начиная

с 1571 г. стали ежегодно приходить португальские торговые суда. Миссионеры освоили японский язык, организовали учебные заведения и типографии, внесли в японскую культуру множество новаций, в том числе и вне религиозной сферы [4, с. 179-207; 7, с. 71].

Пожалуй, самой значительной фигурой в истории христианизации Японии был Алессандро Валиньяно (1539-1605) [6, с. 218-305], неаполитанец, окончивший университет в Падуе. Он приезжал в Японию неоднократно: привез на острова первый европейский печатный станок и обучил японцев обращению с ним; включил в состав католической миссии в 1590-1592 гг. картографа Игнасиу Морейра, чья карта стала основой всех последующих изображений Японского архипелага в Европе вплоть до начала XIX в.; организовал отправку первой миссии японских христиан в Европу в 1580-х гг. [4; 17; 10]. Письма миссионера, его рукопись «История христианской церкви в Японии» являются ценнейшими источниками по истории Японии середины XVI – середины XVII вв.

Европейские миссионеры познакомили японцев с новыми географическими сведениями и методами картографирования. В то же время они интересовались японскими достижениями в этих областях. География – как физическая, так и описательная – входила в обязательную программу обучения в иезуитских семинариях и университетах повсеместно в Европе [29, р. 333]. Слушателей семинарий знакомили и с различными техническими приборами, такими, например, как астролябия. Один из слушателей Высшей коллегии в Мадриде в XV-XVI вв. описывал занятия по математике следующим образом: «...утром преподаватель рассказывал о небесной сфере, астрологии, астрономии, астролябии, перспективе и знаменьях. Во второй половине дня другой преподаватель объяснял геометрию, географию, гидрографию и часы» [37, р. 333]. Можно предположить, что программы обучения в семинариях, создаваемых в Азии, были аналогичными, хотя сведений о них недостаточно.

Если представлениями и изображением большого мира японцы в значительной степени обязаны европейцам и, видимо, не в последнюю очередь о. Маттео Риччи (1552-1610), то изображение архипелага восходит к японским картам Гёки XIV-XV вв.

В «Истории Японии» Валиньяно писал: «Государство Япония состоит из нескольких островов, но в действительности больших всего три.

² Это единственный португальский источник, переведенный на русский язык [14].

Описания островов до сего дня различаются. С древних времен японцы имели карты всех этих островов, но поскольку они ничего не знали о градусах и расположении полюсов, у них нет достоверных и хороших изображений. Кроме того, они не знали точного расположения и формы островов» [43, р. 123]. И в то же время, как далее отмечает автор, знания японцев об их собственной стране были необходимы при создании точной карты Японии.

До начала XIX в. японский архипелаг на европейских географических картах имел самую разную, подчас причудливую форму. Как отмечает Дж. Киш, со времени появления в 1553 г. острова под названием 'Giaram' на карте Дж.Б. Рамузио (1485-1557), к реальному изображению подходили очень медленно. Сначала рисовали один остров, затем три основных – Хонсю, Сикоку и Кюсю, однако кроме географического расположения островов и нескольких топонимов, заимствованных из текстов иезуитов, эти карты не содержат никаких сведений; их нельзя сравнить с картами, которые делали в это же время японцы [32, р. 41]. Тем не менее в европейской науке до первой трети XX в. было распространено мнение, что авторами первых карт Японии были португальские миссионеры; превосходство европейской картографии в сравнении с дальневосточной не вызывало сомнений [36, р. 102].

Считается, что первая карта Японии, наиболее адекватно изображавшая архипелаг и получившая распространение в Европе, была нарисована Тесейрой и издана Ортелием в 1595 г. (*Iaponiae Insulae Descriptio*). Историки картографии отмечают, что карта Тесейры основывалась на португальских и японских данных, причем последние преобладали. Впервые в европейской картографии были изображены три острова в отдельности и восточная часть страны, недоступная европейцам в то время [46, р. 41].

Однако более ранней считается карта, сделанная португальским картографом Игнасиу Морейрой из Лиссабона. Он сопровождал Валиньяно во время путешествия из Нагасаки в Киото и присутствовал на аудиенции у Тоётоми Хидэёси (1537-1598) [43, р. 119]. Морейра не был профессиональным картографом, но «обладал хорошим почерком, был сведущ в арифметике; ...свободно чувствовал себя в географии... и, кроме того, знал латынь» [43, р. 118]. Вероятно, он покинул родную страну и отправился в Индии или на Дальний Восток в 1560-х

или 1570-х гг., несколько лет прожил в Макао и сопровождал посольство иезуитов в Японию в 1590-1592 гг. Не вполне ясно, была ли это его первая или уже вторая поездка на Японские острова. Однако понятно, что во время путешествия он передвигался по стране гораздо больше, чем любой другой португалец, которые, как правило, не выезжали далее окрестностей торговых портов. Валиньяно характеризовал его, как «португальца, знакомого с космографией, который делал очень тщательные исследования, чтобы подготовить точное [географическое] описание Японии» [43, р. 118]. Исследования Дж. Ф. Шютта раскрывают многое о методах Морейры, в которых топографические измерения сочетались с использованием сведений из местных источников. Топографические измерения охватывали те области острова Кюсю и западной части острова Хонсю, которые Морейра посетил сам. Полагают, что он пользовался современными для того времени инструментами, в частности, астролябией. Он также, вероятно, отмечал расстояния и направления передвижения в своих поездках, особенно во время путешествия в Киото. Что касается сведений об остальной части архипелага, то картограф использовал информацию, полученную от японцев.

Топографическое обследование и достоверные сведения о территориях, где он сам не был, позволили Морейре сделать карту Японии [43, р. 85]. Работа картографа произвела такое впечатление на Валиньяно, что уменьшенная копия карты была включена в его рукопись «История Церкви в Японии» (1601 г.). Однако сегодня ни одна из сохранившихся копий сочинения не содержит географической карты. Поскольку карта многократно копировалась, историки картографии еще в середине прошлого века сохраняли надежду, что ее где-нибудь удастся обнаружить (подробнее см.: [12]).

Таким образом, представляется, что история создания карты Игнасиу Морейры подтверждает взаимодействие и взаимовлияние европейцев и японцев в освоении окружающего пространства и его последующего изображения.

Деятельность Морейры по картографированию японского архипелага явилась поводом для почти тридцатилетней дискуссии между двумя основоположниками истории картографии в Японии, Накамура Хироси (1891-1974) и Окамото Ёситомо (1900-1972). Основным камнем преткновения была твердая убежденность Накамуры, что сходство очертаний Япо-

нии на ширмах *намбан бёбу*, на морских картах Госюин-сэн и карте Японии Л. Тесейры стало возможно потому, что существовала более ранняя карта Японии, сделанная в эпоху «воюющих провинций» (1467-1568 гг.). Окамото же утверждал, что очертания Японии стали более близкими к реальности, потому что на основе карты Игнасиу Морейры в семинарии иезуитов в Нагасаки были созданы более совершенные карты Японии и мира [21, р. 216; 20]. Таким образом, Окамото Ёситомо подтверждает, что в семинарии в Нагасаки слушатели учились географии и картографированию.

Одним из наиболее распространенных предметов убранства японского дома, при ограниченном списке предметов мебели, были ширмы *бёбу*. На ширмы обращали внимание все европейцы, попадавшие на острова. Так, Гаспар Вилела (1525-1572) в описании своего путешествия в столицу сравнивал ширмы с европейскими гобеленами: «Эти *бёбу* имели золотые накладки по углам и были разрисованы картинами на разные темы с цветами, обозначающими один из сезонов – лето, зиму, осень, а также птиц, игры, цветы, деревья и другие предметы, которые появляются в каждое время года. Все они нарисованы так правдиво, что зрителю кажется, будто он видит подлинные вещи, здесь переданные...» [10, с. 23].

Контакты с европейцами дали рождение особому направлению изобразительного искусства *намбан бидзюцу* (искусство южных варваров), в котором *намбан бёбу* занимают особое место. На ширмах этого типа изображали жанровые сцены с участием европейцев, а также, что важно для нашего исследования, географические карты, копировавшие как карты мира работы европейских мастеров, так и карты архипелага работы японских художников. Вероятно, первое время европейские карты служили японцам образцами живописи, однако довольно быстро пришло их сущностное понимание, что вызвало интерес к изображению на ширмах и самого архипелага [18, с. 173-174; 4]. Бывало, что на ширмы переносились картуши с европейских карт. На двух четырехстворчатых ширмах, некогда принадлежавших главе клана Айдзу, а ныне находящихся в коллекциях музеев Сантори и Кобэ, изображены конные портреты «европейских королей-рыцарей». В основу изображений была положена карта мира Виллема Блау (1571-1638), изданная в Амстердаме в 1606-1607 гг. со множеством иллюстраций и украшений на полях. На верхнем поле карты были помещены двенадцать

картушей с изображениями всадников, включая Московского князя, Хана Татарского, Рудольфа Второго и других правителей. На основе этих небольших гравюр были нарисованы крупноформатные портреты королей-всадников. Не только изображения, но и техника исполнения темперой были европейскими, что преподавалось в семинарии и мастерских Нагасаки. Атрибуции того, кто из христианских «королей-рыцарей» и их «нечестивых» противников изображены на портретах, посвящено несколько исследований (см., напр.: [3]).

Если картографирование трех больших островов японского архипелага было выполнено в большей мере благодаря совместным усилиям японцев и европейцев, то первое картографирование Хоккайдо – заслуга миссионера Джеронимо де Анджелиса (1567-1623).

В XV в. японцы основали первое поселение на полуострове Осима, самом южном полуострове Хоккайдо, и дом Мацумаэ получил исключительные права на торговлю с айну, исконными жителями острова. При сёгунате Токугава (1603–1867) в южной части второго по величине острова архипелага было образовано княжество Мацумаэ. В те времена остров назывался Эдзоти, дословно – «земля эдзо» (айнов).

Анджелис прибыл в Японию в 1602 г. Около десяти лет он служил в церкви в Фусими (Киото), в 1613 г. был выслан в Нагасаки, но в 1615 г. получил приглашение христианского даймё Гото Дзюан отправиться в северо-восточную часть страны, Сэндай (город в совр. преф. Мияги). В 1618 г. Анджелис впервые отправился на Эдзо, объясняя свое путешествие необходимостью разузнать о возможности проповеди среди айнов, а также исповедать живших на острове христиан. В 1621 г. миссионер вновь направился на северный остров, цель поездки заключалась в сборе более точных сведений об Эдзо и айну и составление карты айнских земель³. Карта была сделана на основе собственных обследований и измерений миссионера, а также на основе сведений, полученных от японцев, живших в Мацумаэ, и от айну, знавших японский язык. Кроме острова Эдзо на карте изображены Тартария (южная Сибирь), Корея и Северная Америка. Изображение дополнено обширными текстовыми вставками [33, р. 110-114; 42]. И хотя в этой первой карте района Охотского моря обнаруживаются ошибки, она заложила основу более чем двухсотлетней истории картографирования этого региона.

³ Подробно о христианских миссионерах на Хоккайдо см. [16].

Научная и просветительская деятельность миссионеров Ордена Иисуса во Вьетнаме

На начальном этапе (XVI в.) главную роль в проникновении в Восточную Азию сыграли миссионеры: францисканцы, доминиканцы и августинцы. Миссионеры XVI в. были первыми проповедниками христианства на земле Азии в истории Нового времени. Наиболее успешно задача распространения христианства в странах Восточной и Юго-Восточной Азии была выполнена новым отрядом миссионеров, принадлежавших созданному в 1534 г. Ордену иезуитов, или Обществу Иисуса, известному также под названием Ордена ученых. Северный Вьетнам был известен миссионерам и путешественникам XVII в. под названием Тонкин, а Центральный Вьетнам – Кохинхина.

Католическая церковь не имела более могущественного ордена, чем Орден иезуитов. Деятельность таких миссионеров-иезуитов, как М. Риччи и А. Шалль в Китае, А. де Род и К. Борри во Вьетнаме, была беспрецедентным опытом пересмотра доминировавших в ту эпоху в Европе идеологических позиций, возникших в эпоху Реформации и Контрреформации. Для воплощения этих новых идей и был создан Орден иезуитов – государственно-политический орган с четкими политическими задачами, в которые зачастую входили разведка и специальные операции.

Миссионеры этого ордена были современниками новых естественных наук, зарождавшихся в то время в Европе, – математики, химии, физики, астрономии, ботаники. Многие из них являлись друзьями и учениками знаменитых ученых того времени. Так, о. Маттео Риччи был учеником иезуита о. Клавиуса, профессора Римского колледжа, реформатора европейского календаря. А. де Род был свидетелем памятного сеанса Галилея в Риме в 1611 г. К. Борри был профессором математики в Римском колледже. Миссионеры в XVI-XVII вв. привозили в страны Востока образцы достижений науки и искусства того времени в качестве подарков правителям. Так, только что изобретенный в Европе телескоп в 1615 г. был привезен в Китай, молодой император Канси получил в подарок от французского короля Людовика XIV набор астрономических инструментов [1, с. 30].

Деятельность иезуитских миссий во Вьетнаме, Японии и Китае в XVI-XVII вв. повлияла на культуру этих стран. Кроме того, благодаря ей жители Западной Европы могли знакомиться с

реалиями ранее почти не известных восточных стран. Этому во многом способствовал новый литературный жанр – «Описание» (*Relation*), впервые примененный иезуитскими миссиями. К. Борри, иезуит из Милана, был первым, кто дал жизнь этому жанру [24]. Работа была переведена на французский язык, в ней впервые подробно описано княжество Дангчаунг⁴. Впоследствии «Описанию» К. Борри будут подражать другие европейские миссионеры и путешественники – и не только подражать, но и сверяться по его работе при описании миссии Кохинхины.

Все это сыграло большую роль в том, какой прием был оказан миссионерам в различных странах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Порой их научные знания производили большее впечатление, чем их религиозное рвение. Достаточно сказать, что в Пекине и во Вьетнаме миссионеры ассоциировались прежде всего с такими науками, как математика, астрономия и медицина. У некоторых просвещенных китайцев, тесно соприкасавшихся с миссионерами, создалось впечатление, что математика и христианство неразрывно связаны между собой и представляют единое «небесное учение». Миссионеров называли в Пекине «математиками короля» [2, с. 106, 228, 229].

Население зачастую воспринимало миссионеров как магов и волшебников за их медицинские познания. К их помощи прибегали и некрещеные вьетнамцы. Такому восприятию способствовала необычность этих людей – их внешность, одежда, язык, обычаи и т.д. Большое впечатление производили необыкновенные корабли «людей океана» и их мощные пушки.

Особенным влиянием пользовались иезуиты, официально работавшие в Пекине, в Императорском бюро астрономии, получавшие доступ к астрологической службе двора и его «информационно-аналитическим» центрам [2, с. 232]. Популярность иезуитов сильно возросла, когда они точнее, чем китайские астрономы, предсказали сроки солнечного затмения в 1629 г. в Пекине. После этого им доверили работы по исправлению китайского лунного календаря, что было высшим знаком уважения и расположения китайских властей.

Китайская календарная система летосчисления по фазам движения Луны, а не Солнца, носила для китайцев и вьетнамцев подлинно

⁴ В XVI-XVII вв. Вьетнам был разделен на две части: южная (имеется в виду Центральный Вьетнам) называлась Дангчаунг, северная – Дангнгоай.

универсальный и сакральный характер, для них в ней был воплощен принцип движения времени по спирали, символизовавшей циклическое свертывание и разворачивание вселенной. Если календарь был не точный, с ошибками, император не мог править в соответствии с нормами Дао (Великого пути), или космического порядка. Поэтому календарные исчисления в Китае и Вьетнаме были окутаны покровом тайны; календарь являлся значимым фактором в религиозной жизни. Во Вьетнаме внедрить григорианский календарь впервые попытка после 1615 г. К. Борри. Попытки введения европейского, солнечного календаря в странах Восточной Азии вызвали ожесточенное сопротивление правящего класса чиновников и ученых-конфуцианцев.

Во Вьетнаме, как и в Китае, внимание к европейским миссионерам привлекали их познания в области астрологии и астрономии. Особенное внимание уделялось таким явлениям, как солнечное и лунное затмения. Но во Вьетнаме при расчетах движения Солнца и Луны часто возникали ошибки в два или три часа, а иногда и в целый день по сравнению с григорианским календарем. То же самое можно сказать и о затмениях. Расчеты европейских миссионеров были точны. Затмения Луны и Солнца происходили точно по их предсказаниям, и авторитет миссионеров серьезно возрастал в глазах окружающего населения. К. Борри пишет: «Наш успех был полный, все говорили, что отцы-иезуиты обладают истинным учением и книгами, так как они с большой точностью предсказали лунное затмение, которого нет в их книгах, и их (вьетнамские – прим. авт.) ученые ничего не знали об этом затмении. И многие крестились, в том числе знаменитые ученые и другие видные лица города» [24, р. 376-377].

Мы не знаем, каким образом миссионеры, находясь во Вьетнаме, производили астрономические наблюдения, какие инструменты им удавалось привозить с собой, но очевидно, что они делали расчеты очень точно. Другой случай, уже с солнечным затмением, произошел, когда придворные вьетнамские астрологи ошиблись в расчетах на один день, и двор правителя Кохинхины был предупрежден миссионером Ф. де Пина́. Это также способствовало повышению авторитета и утверждению положения миссионеров, в результате чего де Пина́ смог крестить большое количество людей; при этом он заставлял их отказываться от многоженства [45, р. 386].

Большая работа была проведена миссионерами в Китае и во Вьетнаме по картографии и ознакомлению дворов правителей с географическими реалиями земного шара. В 1582 г. о. М. Риччи составил знаменитый «Атлас стран планеты Земля» (*Mappemonde*), который он позже лично представил китайскому императору. Спустя некоторое время итальянский иезуит Джулио Алени (1582-1649) по приказу китайского императора подготовил разъяснения к «Атласу», ставшие основой его знаменитого сочинения «Поземельная опись заморских стран» [1, с. 26-27].

По словам самого М. Риччи, до этого времени китайцы напечатали много карт мира с заголовками типа «Описание всего мира», где Китай с его пятнадцатью провинциями занимал мир полностью. «...По краю изображалось небольшое море, на котором были написаны названия всех государств, о которых когда-либо слышали в Китае; все эти государства, сложенные вместе, не равнялись по размеру и одной из китайских провинций... Когда они увидели, что мир так велик и Китай находится в его углу, то некоторые невежественные люди стали насмеяться, но более умные, увидев упорядоченное устройство линий долгот и широт... не могли противиться чувству, что вся картина верна... Карта была напечатана вновь и вновь, и весь Китай был наводнен копиями» [2, с. 78-79]. Наиболее известная карта Риччи была сделана в 1602 г. Печатные копии карты показывают, что Китай все же занимает центр проекции, в чем проявился применявшийся «метод адаптации» Риччи. В Чжаоцине Риччи изготовил несколько глобусов для китайцев. В демонстрации шарообразности Земли заключался основной вклад о. Риччи в географические познания китайцев.

В географические представления об Индокитае и окружающих морях большой вклад внесли первые португальские мореходы XVI в. Многие термины и географические названия, а также картография того времени вошли в дальнейшем в исторический и практический обиход. Так, например, карты морских маршрутов Южно-китайского моря и выхода в Индийский океан использовались капитанами морских судов разных стран еще в конце XVIII в. Во Вьетнаме миссионером А. де Родом также были составлены первые карты вьетнамского государства Дайвьет. Они были изданы в Европе в 1650 и 1653 гг. [11, с. 121].

Благодаря миссионерам латинский язык стал выполнять функцию дипломатического языка на

Дальнем Востоке. Иезуиты были постоянными переводчиками при китайском правительстве на международных переговорах, в том числе и с Россией. Основной текст Нерчинского договора 1689 г. был составлен на латинском языке. Одной из первых книг, привезенных из Китая в Петербург, был латинско-китайский словарь, купленный у католических миссионеров.

В XVII-XVIII вв. миссионеры (в основном иезуиты) перевели на китайский язык и издали в Пекине 67 европейских книг. Они познакомили китайцев с европейской нотной грамотой, европейской военной наукой, устройством механических часов, технологией изготовления современного огнестрельного оружия, с живописью масляными красками на холсте [1, с. 32].

Знаменитый китайский ученый, член Императорской Академии Хайлинь Павел Сюй Гуанци (1562-1633), ученик и соратник о. Маттео Риччи во время пребывания в Нанкине, предлагал в 1630 г. создать для своей страны энциклопедию, в которой были бы сведены в системном виде все научные открытия Запада в области математики, астрономии, гидравлики, горного дела, а также в области искусства, музыки, живописи [22, р. 22].

Миссионеры-иезуиты были практически единственными, кто применил новый метод проповеди христианства в странах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии – метод «культурной адаптации». Они старались найти в жизни и нравах разных народов некие точки соприкосновения, которые могли бы стать со временем опорой в восприятии нового вероучения. Такой метод давал наилучшие результаты при применении в Китае, Японии и странах конфуцианского мира в целом. Пример Вьетнама это подтверждает. Метод адаптации был успешно применен А. де Родом в миссии Тонкина. Проповеди на вьетнамском языке де Род начинал не с критики существующих вьетнамских обычаев и обрядов, но старался объяснять христианское учение с самых простых положений [41, р. 25].

В конце XVI – начале XVII в. М. Риччи создал для китайских христиан Катехизис, названный им «Подлинный смысл Небесного Господа» [8, с. 85]. Это сочинение стало ключевым для христианского миссионерства Нового времени, оно представляет собой уникальный памятник христианской литературы. Первые миссионеры-иезуиты, прибывшие в Тонкин в начале XVII в., обнаружили там книги Риччи – Катехизис и Атлас. (Когда посольство, снаряженное одним из вьетнамских императоров династии Ле в Пекин,

в 1585 г. проходило через местечко Чжаоцин, рядом с Гуанчжоу, где в то время находился М. Риччи, он передал свои книги вьетнамским послам [23, р. 18]).

Во Вьетнаме (Тонкине) большое количество вьетнамцев, принявших христианскую веру, убедили А. де Рода в необходимости создания Катехизиса. Он был обширным, на каждый день недели, на вьетнамском языке с переводом на французский. Впервые его напечатали в европейской типографии латинским алфавитом [41, р. 87-88]. О том, насколько удачным было сочинение А. де Рода, говорит тот факт, что с 1563 по 1582 гг. Катехизис переиздавался 22 раза в различных странах Европы и был переведен на основные западноевропейские языки при широком его распространении в иезуитских школах [39, р. 109-110].

Различие в методах «адаптации», примененных в Китае и во Вьетнаме, было следствием различных позиций самих миссионеров-иезуитов в отношении этих двух стран, в частности, по вопросу о роли и значимости той модели государства в Китае, которая получила в наши дни название имперской [9, с. 252, 275].

В период маньчжурского завоевания китайская мысль как бы остановилась, замкнувшись на формальных литературных формах и ритуализации всей жизни в атмосфере философии чжусианства. Китайские ученые-конфуцианцы отвернулись от миссионеров. К сожалению, вьетнамская интеллигенция (в лице своих ученых-конфуцианцев) последовала примеру китайской, и вьетнамский образованный класс отказался, сам того не подозревая, от процесса модернизации мышления. Но в начале XVII в. во Вьетнаме был небольшой период открытости общественной мысли в пору пребывания там А. де Рода. Развитию вьетнамской мысли способствовали также группы китайских ученых конца эпохи Мин, бежавших во Вьетнам. Миссионеры Ордена иезуитов оказывали им помощь.

Миссионерами Ордена иезуитов впервые была разработана новая латинизированная письменность для стран, где использовалось иероглифическое письмо. Введение новой письменности стало существенным элементом модернизации не только системы образования, но и всей системы мышления. Эта идея полностью вписывалась в формат «культурной адаптации». Начиная с 1591 г. миссионерами было издано 26 книг религиозного содержания, из них 15 книг – латинским алфавитом, а остальные – иероглифами [38].

Заслуга распространения новой письменности во Вьетнаме также принадлежит А. де Роду. Он кодифицировал, обобщил уже имевшийся опыт и приложил много усилий, чтобы эта письменность стала популярной во Вьетнаме. В 1651 г. он издал в Риме знаменитый «Аннамитско-португальско-латинский словарь» (*Dictionarium Anamiticum Lusitanum et Larinum*), а также свой Катехизис. Эти работы де Рода, особенно «Словарь», стали культурной и научной сенсацией еще при его жизни. Книгу рассматривали не только в ряду лингвистических работ, но и как энциклопедию, в которой впервые в Европе читающая публика могла найти сведения по географии, истории, религии, обычаям Вьетнама. С точки зрения лингвистики (в первую очередь – фонетики вьетнамского языка) эта работа также оценивается очень высоко, так как в ней документально закреплено состояние вьетнамского языка первой половины XVII в. Из всех стран Восточной Азии только во Вьетнаме была создана латинизированная письменность в полном объеме и законченном виде. С 1945 г. эта письменность «кюок нгы» является государственной письменностью Вьетнама.

Миссионерские труды, духовные семинарии, колледжи, типографии, издание книг, карт, переводы и распространение Евангелия – всё это создало целый мир западной культуры и религии – христианства – в еще большем мире Азии, от Индии до Японии и Китая, включая страны Юго-Восточной Азии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дацьшен В.Г. Христианство в Китае: история и современность. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007.
2. Дубровская Д.В. Миссия иезуитов в Китае. М.: Крафт+, 2001.
3. Ермакова Л.М. «Великий князь Московии» и «Проспект вниз по Неве-реке» в японском искусстве периода Эдо // Вестник истории, литературы и искусства. Т. 4. М.: Собрание; Наука, 2007. С. 154-165.
4. Ермакова Л.М. Лист красной бумаги под стеклом... (Епископ Мацевский, псалмы Давида и японская каллиграфия XVI в.) // Казус 2004. Индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 6. М.: ОГИ, 2005. С. 179-207.
5. Иванов Н.А. Цивилизации Востока и Запада на рубеже нового времени // История Востока. Т. 3. Ч. I. М.: Восточная литература, 2000. С. 28-45.

6. Ким Э.Г. Япония глазами иезуитов // Книга японских обыкновений / Сост. А.Н. Мещеряков. М.: Наталис, 1999. С. 218-305.

7. Климов В.Ю. Христианство в Японии во второй половине XVI – начале XVII вв. // Миссионеры на Дальнем Востоке. Материалы международной научной конференции. СПб: РХГА, 2014. С. 41-52.

8. Ломанов А.В. Христианство и китайская культура. М.: Восточная литература, 2002.

9. Никитин А.В. Универсальные характеристики традиционной вьетнамской мысли // Универсалии восточных культур. М.: Восточная литература, 2001. С. 244-289.

10. Николаева Н.С. Япония – Европа. Диалог в искусстве. М.: Изобразительное искусство, 1996.

11. Новакова О.В. Крест и Дракон. У истоков вьетнамской католической церкви. XVI-XVII вв. М.: Ключ, 2012.

12. Симонова-Гудзенко Е.К. Первая отдельная карта Японии в европейской науке. Атлас Абрахама Ортелиа (1595 г.) // История и культура традиционной Японии 8. *Orientalia et Classica*. Труды Института восточных культур и античности. СПб.: Гиперион, 2015. С. 216-233.

13. Ульянов М.Ю. К вопросу о периодизации испанского проникновения на Филиппины в XVI в. // Губеровские чтения. Вып. 3. Страны Юго-Восточной Азии и Запад: многообразие форм взаимодействия. История и современность. М.: ИСАА МГУ, 2013. С. 353-368.

14. Фернан Мендес Пинто. Странствия. М.: Художественная литература, 1972.

15. Хазанов А.М. Путешествие Васко де Гамы. М., 2000.

16. Щепкин В.В. Первые миссионеры в землях айнов (1618-1622) // Миссионеры на Дальнем Востоке. Материалы международной научной конференции. СПб: РХГА, 2014. С. 112-116.

17. Мацуда Киити. Ситан Тэнсё: кэнъю: сисэцу (Историческая сага. Миссия в Европу эры Тэнсё). Токио, 1977.

18. Миёси Тадаёси. Оранда-но тамаваримонно. Эйко-но оранда кайга то Нихон (Дары из Голландии. Прославленная голландская живопись и Япония). Кобэ: Кобэ сирицу хакубуцукан, 1993.

19. Намбан бидзюцу сэрэкусэн (Выставка избранных произведений искусства «южных варваров»). Кобэ: Кобэ-си хакубуцукан, 1998.

20. Такахаси Тадаси. Сэйдзэн сэру сёки ни-хон тидзу ни цуйтэ. И. Морейра кэй тидзу о тюсин ситэ (О первых картах Японии, сделанных

европейцами. В основном, о картах типа И. Мо-рейра) // Нихон гакухо. 1985. №4. С. 1-33, 63.

21. Aihara, R., 1976. Ignacio Moreira's cartographical activities in Japan (1590-2), with special reference to Hessel Gerritsz's hemispheric world map. *Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko*, no. 34, pp. 240-241.

22. Bernard, H., 1935. L'apport scientifique du Père Mathieu Ricci à la Chine. Tientsin.

23. Bernard, H., 1939. Pour la compréhension de l'Indochine et de l'Occident. Hanoi.

24. Borri, Ch., 1631, Relation de la nouvelle missions des Pères de la Compagnie de Jesusau royaume de la Cochinchine. Lille.

25. Boxer, Ch.R., 1965. Some Portuguese sources for Indonesian historiography. In: *An introduction to Indonesian historiography*. Ithaca: Cornell University Press, pp. 217-233.

26. Correia, G., 1975. Lendas da Índia (introdução e revisão de M. Lopes de Almeida). Porto: Lello.

27. Cortesão, A. ed., 1944. The 'Suma Oriental' of Tomé Pires: an account of the East, from the Red Sea to Japan, written in Malacca and India in 1512-1515, and The book of Francisco Rodrigues, rutter of a voyage in the Red Sea, nautical rules, almanack and maps, written and drawn in the East before 1515, translated from the Portuguese MS in the Bibliothèque de la Chambre des Députés. In 2 vol. London: Hakluyt Society.

28. *Dictionarium Latino Lusitanicum ac japonicum ex Ambrosii Calepini*. Amacusa, 1595.

29. Feingold, M. ed., 2003. *Jesuit science and the Republic of Letters*. Cambridge: MIT Press.

30. Galvão, A., 1862. The discoveries of the world, from their first original unto the year of Our Lord 1555. London.

31. Jacobs, H. ed., 1971. A treatise on the Moluccas (c. 1544). Probably the preliminary version of António Galvão's lost *Historia das Moluccas*. Rome: Loyola Press.

32. Kish, G., 1949. Some aspects of the missionary cartography of Japan during the sixteenth century, *Imago Mundi*, Vol. 6, pp. 39-48.

33. Kitagawa, K., 1950. The map of Hokkaido of G. de Angelis, ca 1621, *Imago Mundi*, Vol. 7, pp. 110-114.

34. Livro em que dá relação de que viu e ouviu no Oriente Duarte Barbosa. Lisboa, 1946.

35. Macgregor, I.A., 1964. Some aspects of Portuguese historical writing of the Sixteenth and Seventeenth centuries of South East Asia. In: Hall, D.G.E. ed., 1964. *Historians of South East Asia*. London, pp. 172-199.

36. Nakamura, H., 1939. Les cartes du Japon qui servaient de modèle aux cartographes européens au début des relations de l'Occident avec le Japon, *Monumenta Nipponica*, Vol. 2, no. 1, pp. 100-123.

37. Navarro, V., 2003. Tradition and scientific change in early modern Spain: the role of the Jesuits. In: Feingold, M. ed., 2003. *Jesuit science and the Republic of Letters*. Cambridge: MIT Press, pp. 331-388.

38. Nguyễn Hồng L.M., 1959. Lịch sử truyền giáo ở Việt Nam. Quyển I (1615-1665) (*История католицизма во Вьетнаме. Книга I (1615-1665)*). Saigon.

39. Phan, P.C., 1998. *Mission and Catechesis: Alexandre de Rhodes and inculturation in seventeenth – century Vietnam*. Maryknoll: Orbis Books.

40. Rebelo, G., 1561. *Historia das ilhas de Maluco escripta no anno de 1561*. In: *Documentação para a História das Missões do Padroado Português do Oriente: Insulíndia*. Vol. 3. Lisboa, 1955, pp. 192-343.

41. Rhodes de, A., 1884. *Divers voyages et missions*. Paris.

42. Schutte, J.F., 1952. Map of Japan by Father Girolamo de Angelis, *Imago Mundi*, Vol. 9, pp. 73-78.

43. Schutte, J.F., 1962. Ignacio Moreira of Lisbon, Cartographer in Japan 1590-1592, *Imago Mundi*, Vol. 16, pp. 116-128.

44. Varthema di, L., 2001. The travels of Ludovico di Varthema in Egypt, Syria, Arabia Deserta and Arabia Felix, in Persia, India, and Ethiopia, A.D. 1503 to 1508 by Lodovico de Varthema. London: Adamant Media Co.

45. *Voyages et travaux des missionnaires de la Compagnie de Jesus, publié par des Pères de la meme Compagnie pour servir de complement aux Lettres Edifiantes*. Vol. 2. Mission de la Cochinchine et du Tonkin. Paris: Charles Dunoi, 1858.

46. Walter, L., 1994. A typology of maps of Japan printed in Europe (1595-1800). In: Walter, L. ed., 1994. *Japan, a cartographic vision: European printed maps from the early 16th to the 19th century*. Munich: Prestel, pp. 40-47.

REFERENCES

1. Datsyshen, V.G., 2007. *Khristianstvo v Kitae: istoriya i sovremennost'* [Christianity in China: history and modernity]. Moskva: Nauchno-obrazovatel'niy forum po mezhdunarodnym otnosheniyam. (in Russ.)

2. Dubrovskaya, D.V., 2001. *Missiya iezuitov v Kitae [Jesuit mission in China]*. Moskva: Kraft +. (in Russ.)

3. Ermakova, L.M., 2007. «Velikiy knyaz' Moskovii» i «Prospekt vniz po Neve-reke» v yaponskom iskusstve perioda Edo ["Grand Duke of Muscovy" and "Prospect down the Neva River" in the Japanese art of the Edo period]. In: *Vestnik istorii, literatury i iskusstva*. T. 4. Moskva: Sobranie; Nauka, pp. 154-165. (in Russ.)

4. Ermakova, L.M., 2005. List krasnoy bumagi pod steklom... (Episkop Matseevskiy, psalmy Davida i yaponskaya kalligrafiya XVI v.) [A sheet of red paper under the glass ... (Bishop Matseevsky, David's psalms and Japanese calligraphy of the 16th century)]. In: *Kazus 2004. Individual'noe i unikal'noe v istorii*, no. 6. Moskva: OGI, pp. 179-207. (in Russ.)

5. Ivanov, N.A., 2000. *Tsivilizatsii Vostoka i Zapada na rubezhe novogo vremeni* [The civilizations of the East and West at the turn of the modern time]. In: *Istoriya Vostoka*. T. 3. Ch. I. Moskva: Vostochnaya literatura, pp. 28-45.

6. Kim, E.G., 1999. *Yaponiya glazami iezuitov* [Japan through the eyes of the Jesuits]. In: Meshcheryakov, A.N. ed., 1999. *Kniga yaponskikh obyknoveniy*. Moskva: Natalis, pp. 218-305. (in Russ.)

7. Klimov, V.Yu., 2014. *Khristianstvo v Yaponii vo vtoroy polovine XVI – nachale XVII vv.* [Christianity in Japan in the second half of the XVIth – early XVIIth century]. In: *Missionery na Dal'nem Vostoke. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Sankt-Peterburg: RKhGA, pp. 41-52. (in Russ.)

8. Lomanov, A.V., 2002. *Khristianstvo i kitayskaya kul'tura* [Christianity and the Chinese culture]. Moskva: Vostochnaya literatura. (in Russ.)

9. Nikitin, A.V., 2001. *Universal'nye kharakteristiki traditsionnoy v'etnamskoy mysli* [Universal characteristics of the traditional Vietnamese thought]. In: *Universalii vostochnykh kul'tur*. Moskva: Vostochnaya literatura, pp. 244-289. (in Russ.)

10. Nikolaeva, N.S., 1996. *Yaponiya – Evropa. Dialog v iskusstve* [Japan – Europe. The dialogue in the sphere of art]. Moskva: Izobrazitel'noe iskusstvo. (in Russ.)

11. Novakova, O.V., 2012. *Krest i Drakon. U istokov v'etnamskoy katolicheskoy tserkvi. XVI-XVII vv.* [Cross and Dragon. The origins of the Vietnamese Catholic Church. XVI-XVII century]. Moskva: Klyuch. (in Russ.)

12. Simonova-Gudzenko, E.K., 2015. *Pervaya ot del'naya karta Yaponii v evropeyskoy nauke. Atlas Abrahama Orteliya (1595 g.)* [The first

separate map of Japan in Europe. The Atlas of Abraham Ortelius (1595)]. In: *Istoriya i kul'tura traditsionnoy Yaponii 8. Orientalia et Classica. Trudy Instituta vostochnykh kul'tur i antichnosti*. Sankt-Peterburg: Giperion, pp. 216-233. (in Russ.)

13. Ul'yanov, M.Yu., 2013. *K voprosu o periodizatsii ispanskogo proniknoveniya na Filippiny v XVI v.* [On the periodization of Spanish expansion to the Philippines in the 16th century]. In: *Guberovskie chteniya. Vyp. 3. Strany Yugo-Vostochnoy Azii i Zapad: mnogoobrazie form vzaimodeystviya. Istoriya i sovremennost'*. Moskva: ISAA MGU, pp. 353-368. (in Russ.)

14. Fernan Mendes Pinto, 1972. *Stranstviya [Voyages]*. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. (in Russ.)

15. Khazanov, A.M., 2000. *Puteshestvie Vasko de Gamy [The journey of Vasco de Gama]*. Moskva. (in Russ.)

16. Shchepkin, V.V., 2014. *Pervye missionery v zemlyakh aynov (1618-1622)* [The first missionaries in the lands of the Ainu (1618-1622)]. In: *Missionery na Dal'nem Vostoke. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Sankt-Peterburg: RKhGA, pp. 112-116. (in Russ.)

17. 松田毅一, 1997. *史譚 天正遣欧使節 [Historical saga. A mission to Europe in Tenshō Era]*. 東京: 講談社. (in Japanese)

18. 三好唯義, 1993. *オランダの賜物. 栄光のオランダ絵画と日本 [Gifts from Holland. The famous Dutch painting and Japan]*. 神戸: 神戸市立博物館. (in Japanese)

19. *南蛮美術セレクション [The exhibition of the selected pieces of art by "Southern Barbarians"]*. 神戸: 神戸市立博物館, 1998. (in Japanese)

20. 高橋正, 1985. *西漸せる初期日本地図について I. Moreira系地図を中心として [On the first European Maps of Japan. Mostly about the maps of the type I. Moreira]*, *日本学報*, Vol. 4, pp. 1-33, 63. (in Japanese)

21. Aihara, R., 1976. Ignacio Moreira's cartographical activities in Japan (1590-2), with special reference to Hessel Gerritsz's hemispheric world map. *Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko*, no. 34, pp. 240-241.

22. Bernard, H., 1935. *L'apport scientifique du Père Mathieu Ricci à la Chine*. Tientsin. (in French)

23. Bernard, H., 1939. *Pour la compréhension de l'Indochine et de l'Occident*. Hanoi. (in French)

24. Borri, Ch., 1631, *Relation de la nouvelle missions des Pères de la Compagnie de Jesusau royaume de la Cochinchine*. Lille. (in French)

25. Boxer, Ch.R., 1965. Some Portuguese sources for Indonesian historiography. In: *An*

introduction to Indonesian historiography. Ithaca: Cornell University Press, pp. 217-233.

26. Correia, G., 1975. Lendas da Índia (introdução e revisão de M. Lopes de Almeida). Porto: Lello. (in Portuguese)

27. Cortesão, A. ed., 1944. The 'Suma Oriental' of Tomé Pires: an account of the East, from the Red Sea to Japan, written in Malacca and India in 1512-1515, and The book of Francisco Rodrigues, rutter of a voyage in the Red Sea, nautical rules, almanack and maps, written and drawn in the East before 1515, translated from the Portuguese MS in the Bibliothèque de la Chambre des Députés. In 2 vol. London: Hakluyt Society. (in Portuguese)

28. Dictionarium Latino Lusitanicum ac japonicum ex Ambrosii Calepini. Amacusa, 1595. (in Latin)

29. Feingold, M. ed., 2003. Jesuit science and the Republic of Letters. Cambridge: MIT Press.

30. Galvão, A., 1862. The discoveries of the world, from their first original unto the year of Our Lord 1555. London.

31. Jacobs, H. ed., 1971. A treatise on the Moluccas (c. 1544). Probably the preliminary version of António Galvão's lost Historia das Moluccas. Rome: Loyola Press.

32. Kish, G., 1949. Some aspects of the missionary cartography of Japan during the sixteenth century, Imago Mundi, Vol. 6, pp. 39-48.

33. Kitagawa, K., 1950. The map of Hokkaido of G. de Angelis, ca 1621, Imago Mundi, Vol. 7, pp. 110-114.

34. Livro em que dá relação de que viu e ouviu no Oriente Duarte Barbosa. Lisboa, 1946. (in Portuguese)

35. Macgregor, I.A., 1964. Some aspects of Portuguese historical writing of the Sixteenth and Seventeenth centuries of South East Asia. In: Hall, D.G.E. ed., 1964. Historians of South East Asia. London, pp. 172-199.

36. Nakamura, H., 1939. Les cartes du Japon qui servaient de modèle aux cartographes européens au début des relations de l'Occident avec le Japon,

Monumenta Nipponica, Vol. 2, no. 1, pp. 100-123. (in French)

37. Navarro, V., 2003. Tradition and scientific change in early modern Spain: the role of the Jesuits. In: Feingold, M. ed., 2003. Jesuit science and the Republic of Letters. Cambridge: MIT Press, pp. 331-388.

38. Nguyễn Hồng L.M., 1959. Lịch sử truyền giáo ở Việt Nam. Quyển I (1615-1665) (The history of Catholicism in Vietnam. Book 1 (1615-1665)). Saigon. (in Vietnamese)

39. Phan, P.C., 1998. Mission and Catechesis: Alexandre de Rhodes and inculturation in seventeenth – century Vietnam. Maryknoll: Orbis Books.

40. Rebelo, G., 1561. Historia das ilhas de Maluco escripta no anno de 1561. In: Documentação para a História das Missões do Padroado Português do Oriente: Insulíndia. Vol. 3. Lisboa, 1955, pp. 192-343. (in Portuguese)

41. Rhodes de, A., 1884. Divers voyages et missions. Paris. (in French)

42. Schutte, J.F., 1952. Map of Japan by Father Girolamo de Angelis, Imago Mundi, Vol. 9, pp. 73-78.

43. Schutte, J.F., 1962. Ignacio Moreira of Lisbon, Cartographer in Japan 1590-1592, Imago Mundi, Vol. 16, pp. 116-128.

44. Varthema di, L., 2001. The travels of Ludovico di Varthema in Egypt, Syria, Arabia Deserta and Arabia Felix, in Persia, India, and Ethiopia, A.D. 1503 to 1508 by Lodovico de Varthema. London: Adamant Media Co.

45. Voyages et travaux des missionnaires de la Compagnie de Jesus, publié par des Pères de la meme Compagnie pour servir de complement aux Lettres Edifiantes. Vol. 2. Mission de la Cochinchine et du Tonkin. Paris: Charles Duniol, 1858. (in French)

46. Walter, L., 1994. A typology of maps of Japan printed in Europe (1595-1800). In: Walter, L. ed., 1994. Japan, a cartographic vision: European printed maps from the early 16th to the 19th century. Munich: Prestel, pp. 40-47.

УДК 94(5)

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2017-3/21-32

С.Ч. Лим*

ИСТОРИЯ САХАЛИНСКИХ АЙНОВ В СВЕТЕ РУССКО-ЯПОНСКОГО СОПЕРНИЧЕСТВА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (XVIII в. – сентябрь 1875 г.)

Айнский народ, состоявший из хоккайдских, сахалинских и курильских групп, в XIX в. был вовлечен в пограничный спор между Россией и Японией на Дальнем Востоке. Япония насильно переселяла курильских и сахалинских айнов на свою территорию, чтобы в споре с Россией использовать этнический фактор. В итоге курильские айны исчезли как группа в 1940-е гг., а сахалинские остались без родины. Автор анализирует историю сахалинских айнов до их первого насильственного переселения на Хоккайдо в 1875 г.

Ключевые слова: сахалинские айны, насильственное переселение, Япония, Россия, ишикари-айну, Карафутто, Эдзо

The history of the Sakhalin Ainu and the Russian-Japanese rivalry in the Russian Far East (XVIII century – September, 1875). SOFYA Ch. LIM (Far Eastern Federal University)

In the XIX century the Ainu people, consisting of Hokkaido, Sakhalin and Kuril groups, were involved in the border dispute between Russia and Japan. The latter forcibly resettled the Kuril and Sakhalin Ainu to the Japanese territory in order to use ethnicity in the dispute with Russia. As a result, the Kuril Ainu disappeared as a group in the 1940s and the Sakhalin Ainu were left without their homeland. The article focuses on the history of the Sakhalin Ainu before their first forced relocation to Hokkaido in 1875.

Keywords: Sakhalin Ainu, forced relocation, Japan, Russia, Ishikari-Ainu, Karafuto, Ezo

До 1868 г. территорией проживания айнов были Эдзо (Хоккайдо), Курильские острова (Тисима или Восточный Эдзо) и южная часть острова Сахалин (Карафутто или Северный Эдзо), сами сахалинские айны называли свою родину *энтиу* (エンチウ) [38, с. 42]. Известно, что и на севере острова Хонсю сохранились многие признаки пребывания айнов, героически сражавшихся с японцами и постепенно отступавших на север [23, с. 74-78].

В контексте исторических событий XIX и XX вв. существование коренного народа Дальнего

Востока – айнов – полностью зависело от соперничества крупных держав: России и Японии, отчасти и США, и Англии [19, с. 295]. И особенно это соперничество сказалось на судьбе курильских и сахалинских айнов. Проводя разрушительную для традиционной айнской культуры политику японизации, правительство Мэйдзи пыталось установить границу между Россией и Японией на основе «чисто национальной (японской) идентичности», пишет Д. Хаувелл [22, с. 186].

Старшее поколение сахалинских айнов, вынужденных покинуть Южный Сахалин и пере-

* ЛИМ Софья Чунуновна, доктор исторических наук, профессор Департамента истории и археологии Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: lim.sch@dvfu.ru

© Лим С.Ч., 2017

селиться в Японию в 1940-е гг., еще говорило на сахалинском диалекте айнского языка. Но после смерти Асаи Такэ (1902-1994)¹ на нем никто больше не говорит [35, с. 169]. Политика ассимиляции, проводимая японскими властями по отношению к наиболее многочисленной группе айнов – хоккайдской, также привела к тому, что среди них не осталось тех, кто может вести повседневное общение на родном языке [31, с. 71].

Трагическая история сахалинских айнов связана с историей противостояния России и Японии в вопросе о границах на Дальнем Востоке, в которой выделяются следующие этапы:

1-й этап (1867-1875 гг.) – период русско-японского совместного владения южной частью Сахалина, когда айнское население оказывается заложником противостояния двух держав;

2-й этап (1875-1905 гг.) – остров Сахалин по Санкт-Петербургскому русско-японскому договору полностью становится владением России, уступившей Японии Курильские острова. Этот период наиболее трагичен для сахалинских айнов, часть которых была насильственно переселена японскими властями на Хоккайдо (*исикари-айну*, сахалинские мигранты²);

3-й этап (1905-1945 гг.) – поражение России в войне с Японией и переход Южного Сахалина в японские владения создали условия для возвращения на родину почти всем *исикари-айну*. Тем не менее им, как и всем сахалинским айнам, не удалось избежать постепенной утраты этнической идентичности;

4-й этап (с 1945 г.) – Южный Сахалин и Курильские острова по результатам Второй мировой войны становятся территорией СССР. Уже «японизированные» айны Южного Сахалина заявляют о желании репатрироваться³, и в 1948 г., получив разрешение, вслед за японцами покидают свою родину [11, с. 27].

Формат статьи не позволяет раскрыть детали истории сахалинских айнов на вышеуказанных этапах, поэтому здесь мы ограничимся кратким обзором истории XIII–XVIII вв. и периода активного русско-японского соперничества в

XIX в. вплоть до сентября 1875 г., когда процесс насильственного переселения части сахалинских аборигенов завершился.

С. Эмори в своей капитальной работе «История айнского народа» разделяет историю подчинения айнов на Сахалине на три основных периода [28, с. 309-315]. В ходе первого периода (XIV в. – 1643 г.) туземные народы Сахалина были данниками Китая. Второй период (с 1635 г. по 1680-е гг.) отмечен продвижением России на Дальний Восток, в том числе на Сахалин, и снижением китайского влияния. Третий период начинается в 1733 г., с распространением влияния японского княжества Мацумаэ на торговлю сахалинских айнов и *сантан*⁴.

Айны Сахалина издавна вели успешную торговлю на территории Нижнего Амура или с *сантан*, которые приезжали в Сирануси (Крильон), обменивая меха на стеклянные бусы и «эдзоскую парчу». Р. Мамия в 1809 г., совершая путешествие вдоль западного побережья Сахалина, вышел на побережье Нижнего Амура и в деревне Дерен наблюдал церемонию уплаты туземцами дани цинским чиновникам, а также оживленный торговый обмен [32, с. 77]. Фактически часть сахалинских айнов с начала XIV в. была данниками Китая, которому прежде пришлось с трудом их усмирять в течение почти 40 лет [17, с. 68]. Первое упоминание об айнах (骨崑 – скорее всего, на нивхском языке; позднее в китайских хрониках слово обозначалось другими иероглифами: 苦兀) встречается в летописях династии Юань в 1264 г. В 1991 г. недалеко от мыса Крильон археологи обнаружили следы земляной крепости, которая, по мнению японских ученых, по типу напоминает военные конструкции династии Юань. Здесь в течение трех лет, примерно с 1284 г., юаньские войска сдерживали айнов. По мнению К. Накамура, конфликт юаньской империи с айнами носил приграничный характер: империи необходимо было защитить своих данников-нивхов от воинственных сахалинских айнов. Последние хотели сами покупать у соседнего народа пушнину, которой нивхи платили дань [32, р. 81-82, 85]. В фольклоре соседних народов, уйльта и нивхов, можно найти свидетельства того, что их отношения с айнами не всегда были мирными [6, с. 41-45].

Р. Симадани считает, что в Японии о Сахалине узнали в 1635 г., а с 1792 г. «сведения о Карафуто появляются в отчетах клана Мацумаэ...

⁴ Сантан – представители тунгусских народов Нижнего Амура, торговцы.

Причем эти записи были сделаны в то время, когда на острове Карафуто еще не было ни одного русского. ... Что же касается центрального правительства, то оно постоянно оттягивало сроки посылки на Карафуто своих представителей. Только появление вблизи японских владений русских заставило японское правительство в 4 году Кансэй (1792 г.) впервые серьезно отнестись к вопросу изучения Западного Эдзо» [16, с. 9].

В 1805-1807 гг. экспедиции И.Ф. Крузенштерна, Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова на юге Сахалина выявили, что 40 японских рыбопромышленников нещадно эксплуатируют 400 айнов, заставляя их летом работать на своих промыслах, а зимой – охотиться и отдавать всю пушнину за долги. Выполняя инструкции Н.П. Резанова, который стремился вытеснить японцев с дальневосточных земель и взять айнов под опеку, лейтенант Хвостов 6 октября 1806 г. прибыл в Аниву, объявил местным айнам, что теперь они подданные Российской империи. Он посетил несколько поселений айнов, которые просили у русских защиты от японцев, роздал им часть продуктов с японских складов [19, с. 43, 92-102].

Относительно небольшое (по сравнению с этим явлением на Хоккайдо) вмешательство японской рыбопромысловой подрядной системы (*басё укэой*) в жизнь сахалинских айнов пока мало сказалось на их традиционном укладе, особенно в отдаленных селениях северо-западного побережья. Члены французской экспедиции Ж.Ф. Лаперуза при встрече с сахалинскими айнами в июле 1787 г. заметили, что на жизнь последних оказывает влияние маньчжурская торговля [8, с. 20-21]. Европейцы убедились, что туземцы прекрасно разбираются в торговых операциях, прагматичны в выборе товаров и предпочитают железные вещи, ткани, серебро [8, с. 20-21, 24].

Современные западные исследователи полагают, что европейские впечатления об айнах как о добрых и благородных дикарях сформировались именно под влиянием открытий и описаний на рубеже XVIII-XIX вв. Ж.Ф. Ла Перуза на Сахалине, а также В. Броутона и И.Ф. Крузенштерна, находившихся под влиянием идей Руссо [24, с. 22].

В 1791 г. вассалы Мацумаэ на западном побережье Южного Сахалина насчитали 18 айнских селений (всего 86 дворов с 258 туземцами). В основном селения состояли из двух или десяти дворов: в Райситисика было два двора

(18 человек), в Синнаэ – 10 дворов (72 человека). На восточном побережье было 114 дворов (656 человек), были селения и с одним двором. Наиболее крупными поселениями были Тома-риоро (10 дворов, 63 человека), Сиюя (13 дворов, 77 человек). Таким образом, на юге Сахалина к концу XVIII в. было 200 дворов с 1184 айнами [36, с. 296-297]. «Токунай был первым, кто поставил вопрос о том, что «северные территории» принадлежат Японии» [16, с. 3, 16]. В 1786 г. Могами Токунай после расспросов айнов Эдзо о русских в Карафуто решил, что они там бывали редко и «можно смело утверждать о приоритете японцев на Карафуто». В 1792 г. Могами Т. с отрядом высадился в Сирануси и, продвигаясь к северу по западному побережью Сахалина, понял, что «клан Мацумаэ ведет двойную игру. Ведь его чиновники, посещая эти места, сокрыли следы появления русских, которые являлись такими же нарушителями японских законов, как *сантан* [16, с. 10-11].

В 1808 г. Мамия Риндзо, старавшийся провести полное обследование юга Сахалина, встречался с айнами, называвшими себя «*силун айно*». Он насчитал 314 жилищ и 2041 айна на восточном побережье. С учетом данных из других районов общее число населения составляло 2847 жителей. В точности своих подсчетов Мамия Р. сомневался, указывая, что туземцы часто кочуют, проживая то в одной, то в другой семье, даже если они не родственники [14, с. 92, 106]. Система управления в айнских общинах Южного Сахалина была основана на традиционном праве, т.е. главой были вожди (по-айнски – *оттена* [20, р. 21]), с которыми как японские, так позднее и русские власти старались считаться [37].

Несмотря на заявление Мацумаэ в первой половине XVII в. о том, что дальние земли Эдзо (Карафуто) являются его владениями, постоянной системы управления, возглавляемой японским чиновником, там не было и в XIX в. Во время редких приездов представителей Мацумаэ айнские вожди утверждались в качестве старост и проводили торжественную церемонию выражения вассального подчинения японцам (*омуся*). В дальнейшем, с появлением японских рыбалок, чиновники начали назначать их сторожами складов и промысловых угодий, а также переводчиками и надсмотрщиками над сородичами [1, с. 85], вследствие чего те стали отличаться более высоким имущественным положением и лояльным отношением к японцам.

Активные действия России на Дальнем Востоке в начале XIX в. насторожили сёгунское

¹ Уроженка северо-западного побережья Сахалина, сказительница айнских сказов – *tuutah*.

² Б. Пилсудский называл их «сахалинскими эмигрантами» [5, с. 42].

³ В СМИ часто используется термин «депортация» айнов, но трагедия истории их репатриации состоит в том, что японцы возвращались на родину, а сахалинские айны покидали землю своих предков. В 1933 г. все они стали подданными Японии [22, с. 187].

правительство, и в 1813 г. власти Мацумаэ получили распоряжение провести тщательное обследование Сахалина. Кроме того, во избежание безграничного произвола по отношению к айнам на японских рыбалках было решено назначить на местах чиновников для допуска рыбопромышленников только из числа официальных подрядчиков. Жестокая эксплуатация туземного населения не только угрожала его численности, но и расшатывала позицию японского правительства в русско-японских переговорах о Сахалине.

Управляющие хоккайдских *басё укэой* в 1840-е гг. привезли на Сахалин более ста человек сезонных рабочих-японцев, которые должны были стать сторожами, надсмотрщиками над айнами. На японской рыбалке залива Анива принудительно работали более 1000 айнов, собранных из ближних и дальних селений восточного побережья. Это составляло примерно 2/5 численности всего айнского населения острова. В нерестовые сезоны на промыслах Нотасан (Чехов) на юге западного побережья работали почти все трудоспособные айны. Прежде старейшина Нотэкарима из Сираароро отказывался заставлять айнов работать на японцев, но постепенно к 1860-м гг. подневольной рабочей силой на предприятиях Анивского залива стали и туземцы северных районов восточного побережья. В 1850-е гг. Мацуура Такэсиро наблюдал, что немало айнских селений почти обезлюдели, оставались только старики и дети. Он описывает жестокую эксплуатацию айнов: мужчин избивали, заставляли работать днем и ночью, женщин-айнок независимо от того, замужние они или нет, принуждали к сожительству с японцами-сторожами. Насильственно оторванных от семейного очага туземных работников селили рядом с промыслом в бараках *такэ-бэя* (タコ部屋 – комнаты для осьминогов; названы так потому, что в них размещалось большое количество людей). Мацуура Т., с болью наблюдая злоупотребления японцев по отношению к коренному народу, вопрошал, каковы же будут трагические последствия в будущем. Он считал, что корысть, жажда быстрой наживы были главной движущей силой как подрядчиков, так и вассалов – самураев княжества Мацумаэ, чувствовавших свою безнаказанность. В конце XVIII и начале XIX вв. в Эдзо приезжали правительственные инспекторы, которые отмечали нищету айнов, работавших в *басё укэой*, злоупотребления японских смотрителей и их возмутительное отношение к аборигенам. Такая оценка чиновников

не была проявлением гуманности, их больше беспокоило то, что такие условия жизни и произвол по отношению к айнам могут настроить их против японцев, когда придут русские [25, с. 53-54]. В Кусункотане (Корсаков) чиновники Мацумаэ проводили церемонию покорности айнов (*омуся*), одаривая их подарками, собирали сведения о заходах чужих судов, контролировали торговый обмен с *сантан* в Сирануси. Тем не менее, когда в 1857 г. в Нагасаки прибыла вторая дипломатическая миссия Е.В. Путятин и среди других вопросов обсуждалась спорная проблема Сахалина, выяснилось, что в Японии было мало тех, кто хорошо знал положение дел на острове [25, с. 50, 51, 53].

Россия начала тщательное обследование острова с 1853 г.: с этой целью на Сахалин была направлена экспедиция под командованием Г.И. Невельского. В 1854 г. он установил Муравьевский пост в заливе Анива [12, с. 285], рядом с Кусункотан, который был центром рыбопромышленного и административного управления княжества Мацумаэ [25, с. 73].

В инструкциях 1853 г. майору Н.В. Буссе, остававшемуся временным главой о. Сахалин, Невельской требовал такта и внимательности в отношениях с айнами [12, с. 289]. Лейтенант Н.В. Рудановский провел первичное обследование на юге острова и составил список из 78 селений с числом жителей 2418 человек, а в 1857 г. уточнил, что между широтами 47 и 50 было «всего 95 айнских селений, в них 350 юрт с общим числом жителей 2479 человек» [10, с. 110]. Немногочисленность, а также расселение по небольшим поселениям, разбросанным на некотором расстоянии друг от друга, были свойственны народам, ведущим присваивающее хозяйство с преобладающей ролью рыбалки, охоты и собирательства в суровых климатических условиях Сахалина.

Таблица 1

Численность айнского населения Южного Сахалина (1733-1854 гг.)

Количество:	1733 г.	1791 г.	1808 г.	1854 г.	1876 г.
– селений (ед.)	–	25	–	78	50
– дворов (ед.)	68	200	438	350	–
– населения (чел.)	–	1184	2847	2479	960

Источники: [28, с. 313; 36, с. 296-297; 14, с. 92, 106; 10, с. 108-123; 15, с. 6-27]

Ф. Зибольд отмечал, что к концу XVIII в. японцы направили рыбопромысловую и торговую экспансию и на Южный Сахалин, подталкиваемые сведениями об экспедиции Н.П. Резанова и о насильственных действиях Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова против японцев на Курилах и Сахалине [4, с. 251]. О быстрых темпах колонизации японцами Хоккайдо, Курил и Южного Сахалина говорят данные о населении Сахалина (табл. 2): заметна тенденция сокращения численности айнов (до 67,8%) в период с 1798 г. по 1854 г. и увеличения числа японцев. При этом на севере Южного Сахалина, где влияние японских рыбопромыслов было меньшим, айнское население увеличилось на 125,7%. Численность японцев в Эдзо и южной части Сахалина достигала 63 834 чел., но надо учитывать, что это было временное население в период нереста лосося и сельди. В 1854 г. Н.В. Рудановский отмечал, что японские рыбопромышленники в большинстве своем занимались промыслом в сезон нереста и не оставались на Сахалине зимой [9, с. 43-49]. На русско-японских переговорах в 1860-е гг. он указывал на этот факт, а также на то, что японцы занимались рыбалкой в основном в районе залива Анива, а не на простирающейся до 50-й параллели о. Сахалин территории, на которую, как считали японские власти, они имеют историческое право [19, с. 208].

Таблица 2

Численность айнского и японского населения в Эдзо (1798-1854 гг.)

	1798 г.	1807 г.	1822 г.	1854 г.
Айны	~20380	26256	23563	17810
Японцы	27118	31925	38686	63834

Источник: [28, с. 369]

К концу XVIII в. на японских промыслах аборигенов вынуждали работать до изнеможения, без выходных и за очень низкую плату, лишив их возможности самим обеспечивать свою жизнь традиционными способами: рыбалкой и охотой. Только айнам северо-западного побережья, жившим в отдаленных и малонаселенных селениях, удавалось избегать японского влияния почти до середины XIX в. [1, с. 85].

В ходе русско-японских переговоров в 1855 г. японская сторона пыталась поднять вопрос о Сахалине, в частности – о разграничении сфер влияния

Японии на юге и на севере острова, что абсолютно противоречило интересам Российской империи. Пока Россия пыталась решить с Японией вопрос о Сахалине, сахалинские айны находились в тягостной неопределенности. Некоторого компромисса требовала и острая необходимость установления торговых отношений России с соседним государством для обеспечения населения дальневосточных окраин необходимыми товарами. Н.В. Буссе отмечал, что ему приходилось всячески лавировать между японцами и айнами, когда последние жаловались на притеснения японских рыбопромышленников и запрет наниматься на работу к русским. Условия не позволяли Буссе и его команде защитить туземцев, что существенно ослабляло позицию русских в глазах туземцев [2, с. 24, 43, 52, 71-72]. Сами айны, пишет Буссе, не скрывали, что стремятся жить в хороших отношениях и с японцами, и с русскими [3, с. 520].

Японское правительство встревожилось, когда после 1860 г. русские стали усиливать военное присутствие в Кусуннай (Ильинское) и Мануи (Арсентьевка) и продвигаться на юг острова. Правительственные чиновники докладывали, что в Усёро (Орлово) ведется строительство жилья, а среди русских появились и женщины. Здесь же возник и первый русско-японский конфликт, связанный с тем, что русская сторона заступилась за беглого айна Токомбэ. Как сообщал генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков, японцы всячески препятствовали попыткам айнов наниматься на работу к русским. В январе 1862 г. из *басё*, управляемого кланом Оно в Усёро, бежал в русское селение, к старшему уряднику Ф. Дьячкову айн Токомбэ, избитый надсмотрщиком. Дьячков отказался выдать его японской стороне. В январе 1863 г. Токомбэ навещал родителей в Усёро и был пойман чиновником Такабаси М. В свою очередь, Дьячков 9 марта явился в Кусуннай с 13 вооруженными солдатами и отбил Токомбэ. В течение нескольких дней шли переговоры русских с японцами, в результате чего вышла директива российской стороны о том, что японцы не имеют власти над айнами, а значит те вправе свободно наниматься на работу или к японцам, или к русским [25, с. 164].

Долгие и трудные русско-японские переговоры завершились подписанием 18 марта 1867 г. «Временного соглашения об острове Сахалин» о совместном проживании японцев и русских. В статье 3 отмечалось, что «туземцам на острове предоставляется полная свобода как по личным правам, так и по имуществу. Они могут, по свободному уговору, наниматься к русским и японцам. Если туземец за-

должает японцу и русскому деньгами или товаром, или состоит уже ныне в долгу, то для уплаты долга может, если пожелает, поступить на услужение на заранее определенное время» [18, с. 4, 6].

В соглашении ничего не было сказано о конкретных мерах защиты аборигенов от несправедливых условий их эксплуатации на японских промыслах. Японцы заняли все нерестовые реки на юге Сахалина и перекрывали их в устье, не давая лососю подняться выше по реке, несмотря на протест майора Ф.М. Демперадовича. Тем самым они не оставляли айнам возможности делать рыбные запасы на зиму самостоятельно. Это позволяло японским подрядчикам беспрепятственно поработать туземное население.

Соглашение 1867 г. позволило русским вновь вернуться в Муравьевский пост, покинутый Н.В. Буссе в 1854 г. в условиях назревавшей войны России с Францией. К концу 1867 г. на Сахалине были выстроены русские посты в Дуэ, Кусунай (Ильинское), Найбучи (Быков), Мануэ (Арсентьевка) и в бухте Буссе, к 1869 г. – пост Корсаков (недалеко от Кусункотан), пост Тихменева (залив Терпения) [19, с. 140, 218, 263-264].

Японское правительство после подписания этого соглашения активизировало «колонизацию Хоккайдо и стало отправлять на Южный Сахалин солдат и преступников. Благодаря поддержке США, Англии и Пруссии оно приступило к разработкам естественных ресурсов Хоккайдо, к строительству казарм и укреплений, готовясь провести эти мероприятия и в южной части Сахалина» [19, с. 294].

Данные о составе пришедшего русского населения на Сахалине в 1860-х – 1870-х гг. [38, с. 47-48] свидетельствуют о преобладании государственных служащих (военных и чиновников), а также каторжников, присланных для добычи угля в Дуэ. Таким образом, Россия и Япония по-разному вели колониальную политику в южной части Сахалина, названной в 1867 г. «территорией совместного проживания». Россия стремилась укрепить дальневосточные рубежи административными методами, усиливая военное присутствие. Это было обусловлено усилением экспансионистских устремлений США, Англии, Франции в странах Дальнего Востока (в первую очередь – в Японии) и угрозой проникновения этих держав на дальневосточные территории России. Японцы же успешнее закреплялись на острове в большей степени посредством экономического освоения, экспансии частного капитала, эксплуатировавшего богатые природные ресурсы и коренное население.

Россия тоже старалась вести экономическое освоение острова – путем развития угольной

промышленности, но и здесь применялись административные методы, т.е. использовался труд каторжников. Россия не могла заставлять работать на угольных копях представителей коренных народов. Они работали только по добровольному согласию, если заработок оказывался выше, чем на рыбалке. Но русские испытывали трудности с обеспечением острова рисом, к которому айны уже привыкли, т.к. японцы выдавали его в качестве платы. В этих условиях русские власти предпочитали сохранять лояльность к туземным народам, в то время как экономическая эксплуатация со стороны японских рыбопромышленников приводила к закабалению туземцев, к деградации традиционного образа жизни айнского народа.

Э. Онуки-Тирни подчеркивает, что «по сравнению с остальными айнами Сахалина жители северо-западного берега дружелюбно относились к русским» [13, с. 24-25], а Н.В. Буссе отмечает независимость, достоинство, здоровый вид северных айнов в отличие от страдающих от золотухи и венерических заболеваний, принесенных японцами, рабски покорных южных сородичей [2, с. 86].

Пытаясь доказать право Японии на остров, японское правительство в 1872 г. приступило к японизации названий айнских поселений Южного Сахалина. Если до этого айнские названия обозначались фонетическим письмом (*катакана*) (Рис. 1), то теперь для них подбирались иероглифы в соответствии с их звучанием: например, Рутака – ルタカ – 留多加, Оотомари – オオトマリ – 大泊 и т. д. [28, с. 387]. Японские представители на русско-японских переговорах 1855 г. с Е.В. Путягиным, а также переговорах 1862 г. с Н.П. Игнатьевым пытались утверждать, что сахалинские айны переселились с Хоккайдо, а значит они – «японские подданные», что подтверждает право Японии на Сахалин. Игнатьев потребовал от японцев доказать это написанием названия Карафуто иероглифами, а также объяснить айнские названия на Сахалине и значение слова «айну». Представитель Японии Такэноути признал, что «Карафуто» пишется *катаканой*, а географические названия Южного Сахалина имеют айнское происхождение [19, с. 168, 207].

Таким образом, к середине XIX в. айнское население на юге Сахалина разделилось на северо-западных айнов, не испытывавших какого-либо притеснения русских, и айнов юго-восточного побережья, оказавшихся почти в рабской зависимости от японцев. Ясиро С. отмечал, что на западном побережье было больше айнов от смешанных браков с японцами и с хоккайдскими айнами, а на восточном побережье к северу (р. Поронай) в

Рис. 1. Карта территории Эдзо, 1801 г. Айнские географические названия Южного Сахалина обозначены фонетическим письмом (катакана).

большей степени присутствовала кровь «гиляков и ороchon». С другой стороны, в отличие от хоккайдских айнов, среди сахалинских сохранилось больше чистокровных айнов, наследников далеких предков [29, с. 13].

Противостояние России и Японии на Сахалине, при котором страдали больше всего коренные жители, завершилось заключением 25 апреля 1875 г. Санкт-Петербургского договора об обмене Сахалина на Курильские острова. Сахалин перешел в российское владение, но жизнь сахалинских айнов только ухудшилась. После заключения договора 1875 г. и Токийского дополнительного соглашения 22 августа 1875 г. Колониальное бюро Хоккайдо приступило к спешной эвакуации японского населения из Оотомари в Отару – несмотря на то, что по дополнительному Токийскому соглашению переселение японских подданных могло быть осуществлено в течение трех лет. Согласно указанному соглашению, остающиеся после истечения трехлетнего срока жители Сахалина становятся подданными другого государства, т.е. Российской империи [25, с. 252-253].

Перед айнами встал трудный выбор: оставаться на своей родине, на Сахалине, и стать подданными России или уехать в Японию. Айнов бес-

покило то, что они оставляют могилы предков, свои дома, привычное окружение и традиции, что им придется жить на чужбине, отрывать от соседей, родных. С другой стороны, с приходом русских их ожидало соседство с каторжниками и надзирателями [38, с. 64-65].

Почему же все-таки айны решились уехать? Японцы с 1809 г. использовали труд айнов на рыбных промыслах Сирануси, Кусункотан и почти за 70 лет организовали рыбные промыслы по всему побережью Южного Сахалина. Так, к 1874 г. на восточном и западном побережьях было 57 рыбалок, 352 построек жилья и складов, 40 синтоистских и буддийских храмов. Айны получали здесь средства для существования, привыкли к рису как к основному продукту питания, то есть стали зависимы от продовольствия, одежды, металлических вещей, получаемых в качестве платы на японских промыслах. Семье из пяти человек на полмесяца едва хватало одного мешка белого риса, и до весны они жили порой впроголодь. Из скудных данных известно, что заработная плата (которая была единственным источником средств существования айнской семьи на год) айнов, работавших на подрядчика Сухара, за промысловый сезон распределялась следующим образом:

- старшины рыбаков, сторожи складов получали 45 мешков неочищенного риса;
- туземные работники получали от 10 до 25 мешков, а также в качестве премии за непрерывную 3-летнюю работу – 1 лаковую посуду, 5-летнюю – 1 меч, 10-летнюю – нарядную накидку [38, с. 65-68].

Таким образом, японцы не только использовали рабский труд айнов, но и, разрушив традиционный образ жизни, привели их к полной зависимости от себя. С другой стороны, японские власти в период совместного проживания русских, японцев и айнов стали понимать роль айнов в пограничном споре с Россией. Они старались умерить аппетиты своих подрядчиков, оказывать помощь больным и престарелым айнам, обеспечивать их рисом и другими продуктами. Во время церемонии *омуса* чиновники пытались убедить айнов, что русские не являются хозяевами острова [25, с. 179-180].

Под предлогом ликвидации японских рыбалок на Сахалине Колониальное бюро решило переселить айнов на Хоккайдо. И, как подчеркивает И. Тадзаки, переселение было насильственным, так как японские рыбопромышленники нуждались в даровой рабочей силе на суровом Хоккайдо. Японские чиновники, проведя 17 августа 1875 г. опрос, выяснили, что айны согласны переселиться только в местечко Соэ, находившееся напротив

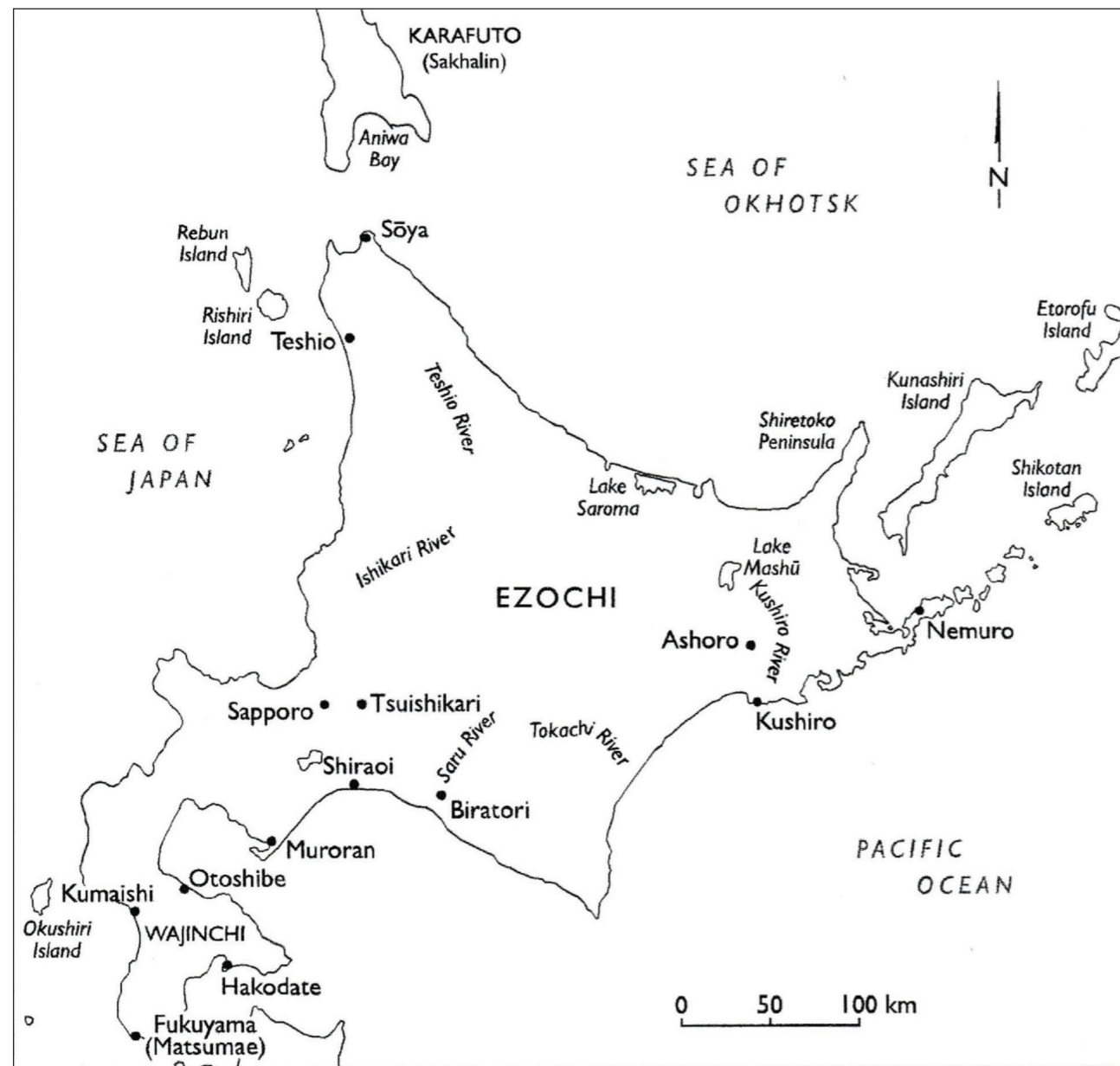

Рис. 2. Карта губернаторства Хоккайдо, 1875 г.

Сирануси [38, с. 49-54, 73], в надежде, что оттуда они смогут навещать могилы предков. Понятие государственной границы им было незнакомо [38, с. 49-54, 73]. Если взглянуть на карту (Рис. 2), видно, что район Соя отделен от родных для айнов мест только нешироким проливом. По природным условиям местечко Соя было похоже на южную часть Сахалина, к тому же одна из двух компаний подрядчика Датэ действовала на Хоккайдо и на Сахалине до 1875 г. [22, с. 188].

Э. Файнберг пишет, что 14 декабря 1875 г. А.Е. Оларовский послал Б.В. Струве возмущенное донесение о том, что японские власти применяли недостойные средства, чтобы убедить айнов переехать в Соя на Хоккайдо. Они угощали и спаивали туземцев, прибегали к помощи несколь-

ких влиятельных «объяпонившихся» айнов. И все же большинство айнов осталось на Сахалине: из северных и внутренних районов никто не уехал [19, с. 283-284].

Первое судно с айнами (110 мужчин) было отправлено 9 сентября 1875 г. из Кусункотан в Соя (прошло меньше месяца после Токийского соглашения от 22 августа) [38, с. 78]. Отъезд оказался быстрым и неожиданным для многих айнов, о нем не были оповещены жители дальних от Кусункотан селений, где проживали родственники первых мигрантов. Японские власти в спешке собирали туземцев от Кусункотан по восточному побережью до Сирануси и частично с западного берега – Ниситомиути (район Маока). Почти полностью обезлюдели прибрежные айнские се-

ления Анивского залива. Только из Оотомари и Кайдзука (Соловьевка) уехало около 300 семей [29, с. 13]. Что же им удалось взять с собой? Семья зажиточного айна (9 человек), который находился на службе у японцев, сумела увезти немало ценных вещей: один мешок неочищенного риса, церемониальную лаковую чашу, высокую чашу, ковш, набор лаковых суповых чашек, сосуд для сакэ, 3 подноса с узорами, старинную одежду, ткани, связки табака и другие ценные для них вещи. Другая обычная семья из 5 человек сумела взять только 3 старых домотканых одеяла, 2 куса хлопчатобумажной ткани, 3 курительные трубки, 3 связки табака. Таким образом, отмечает И. Тадзаки, к тому времени под влиянием японцев произошло имущественное расслоение айнов [38, с. 76-79]. Но было немало случаев, когда власти спешно увозили людей без каких-либо вещей, средств к существованию [34, с. 311].

С 9 сентября по 1 октября 1875 г. японские власти организовали три корабля и вывезли через порт Кусункотан 841 сахалинского айна из 108 дворов, которые согласились переселиться в местечко Соя [25, с. 63]. К концу сентября 1875 г. была вывезена почти треть сахалинских айнов [34, с. 309]. В итоге этой спешки немало семей было разлучено с родственниками, жившими в дальних селениях на севере Южного Сахалина [25, с. 63].

Подробный анализ настроений айнов конкретных селений с учетом степени влияния на них японцев, выполненный исследователем И. Тадзаки, подтверждает, что переселение айнов не было добровольным. Так, например, айны юго-восточного побережья Карафуту – Кусункотан, То мунай-тя, Саказхама и др.), а также поселения юго-западного побережья Маока больше всего находились под влиянием японцев, но выехавших в Японию было немного. Например, до 1874 г. в районе Маока было 7 селений с 76 дворами – 551 человек, а выехало не более 98 человек [38, с. 49-54].

Почти сразу после переселения айнов в 1876 г. поручик А.Я. Радковский провел перепись в 50 туземных селениях, в которых оставались около 500 человек мужского пола и около 460 женского, не считая тех, кто проживал в 100 верстах вверх от Кусуна в айнском селении Усёро (26 юрт) – численность проживающих там А.Я. Радковскому была неизвестна. Самым крупным селением указывается Маука (Маока), где располагалось 47 юрт со взрослым населением 119 мужчин и 119 женщин, а также детей – 53 мальчика и 45 девочек (всего 336 человек). В отчете о переписи четко указывается, что от Турумая и до самого мыса Крильон айны не живут [15, с. 6-27].

Таким образом, японские власти вывезли только тех, кто жил на самом юге Сахалина, и только треть сахалинских айнов оказалась на севере Хоккайдо. Спешный характер эвакуации части коренного населения и свидетельства самих айнов говорят о насильственном переселении. Скорее всего, отчасти это было вызвано опасением японского правительства, что туземное население юга Сахалина, формально не имевшее подданство Японии, быстро выйдет из-под японского подчинения, что грозило бы утратой в будущем политической основы возвращения на Сахалин. Второй причиной, которую ученые приводят как более существенную, была необходимость сохранить дешевую рабочую силу для эвакуируемых японских промыслов. В этом русско-японском противостоянии наиболее пострадавшей стороной стали сахалинские айны, расселенные по обе стороны пролива Лаперуза. Айнов – сахалинских переселенцев в Соя, которых затем насильственно, с помощью вооруженных солдат, переселили в Исикари, – стали называть *исикари-айну*, по названию этой местности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акидзуки Т. Японцы и айны на Сахалине (по русским источникам середины XIX века // Краеведческий бюллетень. 1993. № 1. С. 85-100.
2. Буссе Н.В. Остров Сахалин и экспедиция 1852 г. // Вестник Европы. 1871. №№ 10-12.
3. Буссе Н.В. Русские и японцы на Сахалине. Дневник: 10-ое февраля – 11-ое мая 1854 г. // Вестник Европы. 1872. № 10. С. 513-558.
4. Зибольд Ф. Путешествие по Японии или описание Японской империи в физическом, географическом и историческом отношении. В 3-х т. Т. 2. СПб.: Типография А. Дмитриева, 1854.
5. Из научного архива Б.О. Пилсудского «Некоторые сведения об отдельных айнских стойбищах на о. Сахалине» (не ранее 1907 г.) // Исторические чтения. Труды государственного архива Сахалинской области. № 1. Южно-Сахалинск, 1995. С. 28-46.
6. Икегами Дзиро. Сказания и легенды народа уйльта. Саппоро: Хоккайдский университет, 2007.
7. Ищенко М.И. Формирование русского населения Сахалина (конец XIX – начало XX вв.) // Краеведческий бюллетень. 1993. № 1. С. 45-84.
8. Лаперуз Ж.Ф. Путешествие Лаперуза в Южном и Северном Тихом океане // Краеведческий бюллетень. 1995. № 1. С. 3-50.
9. Латышев В.М. Первые статистические данные об айнах Южного Сахалина // Айны:

проблемы истории и этнографии. Южно-Сахалинск, 1988. С. 37-50.

10. Латышев В.М. Айнский словарь Н.В. Рудановского // Краеведческий бюллетень. 1991. № 4. С. 108-123.

11. Материалы исследований Б.А. Жеребцова по этнографии айнов Южного Сахалина (1946-1948 гг.). Южно-Сахалинск, 1988.

12. Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России (1849-1855 г.). М.: ОГИЗ, 1947.

13. Онуки-Тирни Э. Айны северо-западного побережья Южного Сахалина // Краеведческий бюллетень. 1996. № 1. С. 24-25.

14. Описания северного Эдзо, сделанное Мамия Риндзо // Краеведческий бюллетень. 1990. № 2. С. 85-130.

15. Перепись айнов Южного Сахалина 1876 г., проведенная А.Я. Радковским // Исторические чтения. Труды государственного архива Сахалинской области. № Южно-Сахалинск, 1995. С. 6-27.

16. Симадани Р. Могами Токунай // Краеведческий бюллетень. 2003. № 4. С. 3-19.

17. Стефан Д. Сахалин. История. Перевод с английского Переславцева В. // Краеведческий бюллетень. 1992. №№ 1-4.

18. Трехсвятский А.В. Сахалин в системе русско-японских отношений в XIX столетии // Краеведческий бюллетень. 2004. № 4. С. 3-84.

19. Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения в 1697-1875 гг. М.: Издательство восточной литературы, 1960.

20. Batchelor, J., 1926. An Ainu-English-Japanese Dictionary. Tokyo: Kyobunkan.

21. Ferloni, J., 2005. Lapérouse: voyage autour du monde. Paris: Grande Bibliothèque Thalassa.

22. Howell, D.L., 2005. Geographies of identity in nineteenth-century Japan. Los Angeles: University of California Press.

23. Kikuchi, Isao, 1999. Early Ainu contacts with the Japanese. In: Fitzhugh, W.W. and Chisato O.D. eds., 1999. Ainu. Spirit of a northern people. Washington, pp. 74-78.

24. Kreiner, J. ed., 1993. European studies on Ainu languages and culture. Munchen: Ludicium-Verl.

25. Акидзуки Тосиюки. Нитиро канкэй то Сахаринто. Бакумацу Мейдзи сэнэн рёдо мондай (Японо-русские отношения и остров Сахалин. Территориальный вопрос первых лет эры Мэйдзи). Токио: Тикума сёбо, 1994.

26. Акидзуки Тосиюки. Нихон хокухэн танкэн то тидзу но рэкиси (История исследова-

ний и картографии северной части Тихого океана). Саппоро: Хоккайдо дайгаку, 1999.

27. Айну миндзоку ни кансуру сидо сирё (Материалы для изучения айнского народа). Саппоро, 2000.

28. Эмори Сусуму. Айну миндзоку но рэкиси (История айнского народа). Токио: Софукан, 2007.

29. Карафуту Айну но кэнкю: токуни соно дзинко гэнсё мондай ни ситэ (Исследование об айнах Карафуту: проблема резкого сокращения их численности) / ред. Ясиро Сюдзи. Тоёхара, 1927.

30. Китахара Дзирота, Тангику Ицудзи, Тамура Масато. Карафуту айну бунка тэса хококусё (Сообщение об итогах исследования культуры айнов Карафуту). Тиба: Тиба дайгаку, 2000.

31. Мурасаки Кёко. Карафуту айну котоба но судзи ни цуйтэ (О числительных в языке айнов Карафуту) // И Сахарин но гэнго сэкай. Хокудай бунгаку кэнкюка кокай симпозиуму хококусё. Саппоро: Хоккайдо дайгаку, 2009. С. 71-84.

32. Накамура Кадзуюки. Тайрику кара мита тусэй Ниппон но тику (Взгляд с материка на северные земли средневековой Японии), Нихон кайики рэкиси тайкэй. 2005. №3. С. 77-102.

33. Нисимура Ивао. Нан Карафуту (Южный Карафуту). Саппоро: Кёгёкумиай Такато инсацу сэнта, 1994.

34. Огава Масахито. Цуисикари гакко но рэкиси. Хоккайдо ни кёсэй идзюасэрэта Карафуту айну но кёйку си (История айнской школы в Цуисикари. Из истории образования сахалинских айнов, насильственно перевезенных на Хоккайдо) / Хоккайдо рицу Айну миндзоку бунка кэнкю сэнта. Кёйку гаку кэнкю. 2013. Т. 80. № 3. С. 309-321.

35. Окита Нориаки. Карафуту Айну «Туита» ни мидасарэру коса цуйку (Особенности сказа «Туита» айнов Карафуту) // Нэнпо дзинруйгаку кэнкю. 2013. № 3. С. 169-191.

36. Такакура Синъитиро. Айну кэнкю (Айнские исследования). Саппоро: Хоккайдо дайгаку сэйкацу кёдокумиай, 1966.

37. Тамура Масато. Ондзонсарэта сютё но якумавари (О сохранении роли деревенских старост) // Хоккайдо. Тохоку кэнкю. 2007. № 4. С. 36-53.

38. Тадзаки Исаму. Цуисикари кёсэй идзю Карафуту Айну кироку (Записи айнов Карафуту о насильственном переселении в Цуисикари) // Ганно исибуми: Карафуту Айну кёсэй идзю но рэкиси. Карафуту Айну си кэнкюкайхэн. Саппоро: Хоккайдо сюппан кикаку сэнта, 1992. С. 39-294.

REFERENCES

1. Akidzuki, T., 1993. Yapontsy i ainy na Sakhaline (po russkim istochnikam serediny XIX veka [The Japanese and Ainu on Sakhalin (from the Russian sources of the mid-XIX century)], Kraevedcheskiy byulleten', no. 1, pp. 85-100. (in Russ.)

2. Busse, N.V., 1871. Ostrov Sakhalin i ekspeditsiya 1852 [Sakhalin Island and the expedition of 1852], Vestnik Evropy, no. 10-12. (in Russ.)

3. Busse, N.V., 1872. Russkiye i yapontsy na Sakhaline. Dnevnik: 10-oe fevralya – 11-oe maya 1854 g. [The Russians and Japanese on Sakhalin], Vestnik Evropy, no. 10, pp. 513-558. (in Russ.)

4. Zibol'd, F., 1854. Puteshestvie po Yaponii ili opisaniye yaponskoy imperii v fizicheskom, geograficheskom i istoricheskom otnosheniyakh. V 3-kh tt. [Journey through Japan or description of the Japanese Empire in physical, geographical and historical relations. In 3 volumes]. Sankt-Peterburg: Tipografiya A. Dmitrieva. (in Russ.)

5. Iz nauchnogo arkhiva B.O. Pilsudskogo «Nekotorye svedeniya ob otdel'nykh ainskikh stoybishchakh na o. Sakhaline» (ne ranee 1907 g.) [From the archives of B.O. Pilsudski "Notes about individual Ainu nomad camps on Sakhalin" (not earlier than 1907)]. In: Istoricheskiye chteniya. Trudy gosudarstvennogo arkhiva Sakhalinskoy oblasti, no. 1. Yuzhno-Sakhalinsk, 1995, pp. 28-46. (in Russ.)

6. Ikegami, D., 2007. Skazaniya i legendy naroda uyl'ta [Tales and legends of the Uilta people]. Sapporo: Hokkaidskii universitet. (in Russ.)

7. Ishchenko, M.I., 1993. Formirovaniye russkogo naseleniya Sakhalina (konets XIX – nachalo XX vv.) [Formation of the Russian population of Sakhalin (late XIXth – early XXth century)], Kraevedcheskiy byulleten', no. 1, pp. 45-84. (in Russ.)

8. Laperuz, J.F., 1995. Puteshestviye Laperuza v Yuzhnom i Severnom Tikhom okeane [The voyage of La Perouse in South and North Pacific], Kraevedcheskiy byulleten', no. 1, pp. 3-50. (in Russ.)

9. Latyshev, V.M., 1988. Pervye staticheskiye dannyye ob ainakh Yuzhnogo Sakhalina. [The first statistical data on the Ainu of Southern Sakhalin]. In: Ainy: problemy istorii i etnografii. Yuzhno-Sakhalinsk, pp. 37-50. (in Russ.)

10. Latyshev, V.M., 1991. Ainskiy slovar' N.V. Rudanovskogo [Ainu dictionary of N.V. Rudanovsky], Kraevedcheskiy byulleten', no. 4, pp. 108-123. (in Russ.)

11. Materialy issledovaniya B.A. Zherebtsova po etnografii ainov Yuzhnogo Sakhalina (1946-1948) [Materials of the research by B.A. Zherebtsov on the ethnography of the Ainu of Southern Sakhalin, 1946-1948]. Yuzhno-Sakhalinsk, 1988. (in Russ.)

12. Nevel'skoy, G.I., 1947. Podvigi russkikh morskikh ofitserov na krainem vostoке Rossii (1849-1855) [The feats of Russian naval officers in the Russian Far East, 1849-1855]. Moskva: OGIZ. (in Russ.)

13. Onuki-Tirni, E., 1966. Ainy severo-zapadnogo poberezh'ya Yuzhnogo Sakhalina. [Ainu of the northwest coast of South Sakhalin], Kraevedcheskiy byulleten', no. 1, pp. 24-25. (in Russ.)

14. Opisanie Severnogo Edzo, sdellanoye Mamiya Rinzō [Description of the north Ezo made by Mamiya Rinzō], Kraevedcheskiy byulleten', 1990, no. 2, pp. 85-130. (in Russ.)

15. Perepis' aynov Yuzhnogo Sakhalina 1876 g. provedennaya A.Ya. Radkovskim [The 1876 census of Ainu people of Southern Sakhalin carried out by A.Ya. Radkovskiy], Istoricheskiye chteniya. Trudy gosudarstvennogo arkhiva Sakhalinskoy oblasti, no. 1. Yuzhno-Sakhalinsk, 1995, pp. 6-27. (in Russ.)

16. Simadani, R., 2003. Mogami Tokunay [Mogami Tokunai], Kraevedcheskiy byulleten', no. 4, pp. 3-19. (in Russ.)

17. Stefan, D., 1992. Sakhalin. Istoriya. [Sakhalin. The history], Kraevedcheskiy byulleten', no. 1-4. (in Russ.)

18. Trekhsvyatskiy, A.V., 2004. Sakhalin v sisteme russko-yaponskikh otnosheniy v XIX stoletii [Sakhalin in the system of Russian-Japanese relations in the XIXth century], Kraevedcheskiy byulleten', no. 4, pp. 3-84. (in Russ.)

19. Fainberg, E., 1960. Russko-yaponskiye otnosheniya v 1697-1875 gg. [Russian-Japanese relations, 1697-1875]. Moskva: Izdatel'stvo vostochnoy literatury. (in Russ.)

20. Batchelor, J., 1926. An Ainu-English-Japanese Dictionary. Tokyo: Kyobunkan.

21. Ferloni, J., 2005. Lapérouse: voyage autour du monde. Paris: Grande Bibliothèque Thalassa.

22. Howell, D.L., 2005. Geographies of identity in nineteenth-century Japan. Los Angeles: University of California Press.

23. Kikuchi, Isao, 1999. Early Ainu contacts with the Japanese. In: Fitzhugh, W.W. and Chisato O.D. eds., 1999. Ainu. Spirit of a northern people. Washington, pp. 74-78.

24. Kreiner, J. ed., 1993. European studies on Ainu languages and culture. Munchen: Ludicium-Verl.

25. 秋月俊幸, 1994. 日露関係とサハリン島. 幕末明治初年の領土問題 [Japanese-Russian relations and the Sakhalin Island. Territorial issue of the end of Tokugawa era and the first years of Meiji era]. 東京: 筑摩書房. (in Japanese)
26. 秋月俊幸, 1999. 日本北辺探検と地図の歴史 [A history of the exploration and cartography of the North Pacific]. 札幌: 北海道大学図書刊行会. (in Japanese)
27. アイヌ民族に関する指導資料 [Materials for the study of the Ainu people]. 札幌, 2000. (in Japanese)
28. 榎森進, 2007. アイヌ民族の歴史 [History of the Ainu people]. 東京: 草風館. (in Japanese)
29. 屋代周二 ed., 1927. 樺太アイヌの研究: 特にその人口減少問題に就いて [The study of the Sakhalin Ainu: with focus on the population decline problem]. 豊原. (in Japanese)
30. 北原次郎太、丹菊逸治、田村雅人, 2000. 樺太アイヌ文化調査報告書 [A report on the study of Sakhalin Ainu culture]. 千葉県: 千葉大学. (in Japanese)
31. 村崎恭子, 2009. 樺太アイヌ語の数詞について [Numerals in the Sakhalin dialect of Ainu]. In: サハリンの言語世界: 北大文学研究科公開シンポジウム報告書. 札幌: 北海道大学, pp. 71-84. (in Japanese)
32. 中村和之, 2005. 大陸から見た中世日本の北方地域 [Northern areas of medieval Japan as seen from the continent], 日本海域歴史大系, Vol. 3, pp. 77-102. (in Japanese)
33. 西村いわお, 1994. 南樺太 [South Karafuto]. 札幌: 協業組合 高遠印刷センター. (in Japanese)
34. 小川正人, 2013. 対雁学校の歴史. 北海道に強制移住させられた樺太アイヌの教育史 [A history of Tsuishikari School: educating Sakhalin Ainu children forcibly relocated to Hokkaido], 北海道立アイヌ民族文化研究センター「教育学研究」, Vol. 80, no. 3, pp. 309-321. (in Japanese)
35. 大喜多紀明, 2013. 樺太アイヌの「トゥイタハ」に見出される交差対句 [The features of "Tuytah" tales of Karafuto Ainu], 年報人類学研究, no. 3, pp. 169-191. (in Japanese)
36. 高倉新一郎, 1966. アイヌ研究 [The studies on Ainu]. 札幌: 北海道大学生協同組合. (in Japanese)
37. 田村将人, 2007. 温存された酋長の役割. 樺太庁が任命した樺太アイヌの「土人部落総代」について [Preserving the role of village chiefs. On "the chiefs of aboriginal villages" of the Sakhalin Ainu, appointed by the local government of Karafuto], 北海道・東北史研究 第, no. 4, pp. 36-53. (in Japanese)
38. 田崎勇, 1992. 対雁強制移住樺太アイヌの記録 [The records of the Sakhalin Ainu about the forced migration to Tsuisikari]. In: 雁の碑: 樺太アイヌ強制移住の歴史. 樺太アイヌ史研究会 編. 札幌: 北海道出版企画センター, pp. 39-294. (in Japanese)

УДК 94(5)
DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2017-3/33-40

А.А. Хисамутдинов*

ТЕАТРАЛЬНОЕ И МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ШАНХАЕ

В статье описывается культурная жизнь русской общины в Шанхае с особым вниманием к театральному и музыкальному искусству, расцвет которого пришелся на 1920-е – 1930-е гг. Благодаря наличию среди эмигрантов большого числа деятелей искусства здесь получили развитие все творческие жанры. Автор дает сведения о деятельности в Шанхае русских музыкантов, артистов драмы, оперы и оперетты, русских театральных коллективов, отмечает вклад в культурную жизнь русской эмиграции общественных объединений, таких как Шанхайский арт-клуб, Содружество художников, литераторов, артистов, музыкантов (ХЛМ) и др. Статья основана на материалах русской периодической печати в Китае и США и других эмигрантских изданиях.

Ключевые слова: русское зарубежье, Шанхай, русский театр, русские музыканты, русский балет, творческие объединения

Theatre and musical art of Russian emigrants in Shanghai. AMIR A. KHISAMUTDINOV (Far Eastern Federal University)

The article describes the cultural life of the Russian community in Shanghai with special attention to theater and music, which flourished in the 1920s and 1930s. The author focuses on the activity of musicians, drama artists, opera and operetta troupes, Russian theater companies of Russian Shanghai, recognizing the contribution of such associations as the Shanghai Art Club and the Commonwealth of artists, writers, artists, musicians ("KhLAM") to the cultural life of the Russian emigration. The article is based on Russian periodicals in China and the United States and other emigrant sources.

Keywords: Russians Abroad, Shanghai, Russian theatre, Russian musicians, Russian ballet, creative associations

На 1920-е – 1930-е гг. пришлось время интенсивного развития русской культуры в Китае, вызванного массовым перемещением в эту страну беженцев из России. Несмотря на житейские заботы и труды по добыванию средств к существованию, русские эмигранты поддерживали культурные инициативы и искусство, все жанры которого получили развитие благодаря наличию в эмигрантской среде большого числа талантливых людей, включая профессиональ-

ных деятелей искусства. Этому способствовало также отсутствие цензуры и тесное соприкосновение с различными национальными культурами. Балет, музыка, театр, общественные организации культурной направленности – все это нашло отражение в жизни российской эмиграции в Китае.

Первым творческим объединением русского Шанхая стал Русский литературно-артистический кружок, основанный в июне 1917 г. Под

* ХИСАМУТДИНОВ Амир Александрович, доктор исторических наук, профессор Департамента коммуникаций и медиа Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: khisamutdinov.aa@dvfu.ru

© Хисамутдинов А.А., 2017

руководством председательницы Л.П. Гейман кружковцы в основном занимались благотворительностью, собирая для этих целей средства путем организации литературных вечеров и утренников. Кружок просуществовал недолго и вскоре распался: русских в Шанхае того времени было не много.

Русские творческие силы начали обозначаться гораздо заметнее в середине 1920-х гг., когда шанхайская община выходцев из России стала многочисленнее и были преодолены первые трудности по устройству на новом месте. Наибольшее проявление они получили в музыкальной среде, так как Шанхай, все больше заявляя о себе как музыкальном центре Китая, привлекал музыкантов из других городов. Среди первых русских, переехавших сюда из Харбина, был композитор, музыкант и общественный деятель П.Н. Машин (1925 г.). Он начал с организации хоров в русских церквях и концертов духовной музыки, а в дальнейшем был хормейстером нескольких опер, поставленных в Шанхае русскими артистами, основал Украинский и Терский казачьи хоры, с которыми много гастролировал по миру [11].

С открытием Китайской национальной консерватории в 1927 г. (позднее – Шанхайская консерватория музыки) для преподавания в ней были приглашены русские музыканты С.С. Аксаков, Б.С. Захаров, З.А. Прибыткова, В.Г. Шушлин, И.П. Шевцов, Е. Левитина, Е.И. Селиванова, Е.Г. Гравитская, Б.М. Лазарев, В.В. Сарычев, С.И. Швайковский, В.А. Чернецкая, А.Н. Печенюк, А.С. Спиридонов и др. С 1929 г. Шевцов и Захаров стали деканами факультетов (виолончельного и фортепианного), а в 1935 г. Консерватория полностью перешла на русскую программу преподавания [9, с. 137-138].

В конце 1920-х гг. профессор Аксаков выступил с инициативой создания просветительского общества для русских эмигрантов, ставя целью, с одной стороны, объединить разрозненные музыкальные силы, а с другой, путем лекций-концертов познакомить молодых эмигрантов с композиторами и лучшими образцами русской музыки. Совместно с Прибытковой и Захаровым он создал Русское музыкально-просветительское общество, однако одного энтузиазма оказалось мало. Отсутствие средств, неопытность и непрактичность помешали выполнить намеченное, и Общество прекратило существование. Впоследствии русские певцы и музыканты сформировали Литературно-артистическое общество, поставившее схожую цель: популя-

ризовать русское искусство. Общество устраивало лекции-концерты, посвященные русской музыке и ее отдельным представителям: Глинке, Даргомыжскому, Чайковскому и др.

Самым сильным музыкальным коллективом на Дальнем Востоке считался Шанхайский муниципальный оркестр (первоначально – оркестр Французской концессии), состоявший преимущественно из русских музыкантов. В 1935 г. они занимали в оркестре 60% мест [5, с. 309]. В 1924-33 гг. дирижером оркестра был С.И. Швайковский, до революции солист Московского императорского театра и дирижер в Императорском музыкальном обществе.

Изучением китайской музыки занимался профессор Н.Н. Иваницкий, который использовал национальные мотивы в своих симфонических концертах. Он много лет жил в Китае, специально ездил в глухие районы, чтобы изучить народную музыку. «Композитор Н.Н. Иваницкий, – писал журнал «Рубеж», – задался целью найти синтез китайской мелодии и европейских симфонических форм. Задача это нелегкая, весьма ответственная и серьезная. Она требует глубокого знания основ китайской музыки и ее духа, – иначе плодом таких попыток будут произведения псевдо-китайские, ничего общего с подлинно китайской музыкой не имеющие» [10, с. 19]. Композитор успешно справился с задачей, об этом говорит получение им 1-й премии Всеманьчжурской ассоциации искусств в Синьцзине за «Восточно-Азиатские этюды».

Для творчества композитора А.А. Авшаломова также было характерно обращение, наряду с русскими, к китайским музыкальным традициям. Темы для своих опер, балетов и музыки к драматическим постановкам он брал из китайской жизни. Он развил китайскую музыку, создав несколько произведений (в частности, оперы «Куань Инь» (1925), «Сумеречные часы Ян-гуйфэй» (1933) и «Великая стена» (1941)), в которых китайские ритмы и гармония сочетались с классической техникой исполнения. Авшаломов имел свою труппу из 35 человек, в которой большинство артистов были китайцами, и часто посещал с гастрольями города Китая. Особым успехом его музыка пользовалась у китайской интеллигенции, которая приветствовала новаторство композитора.

С русским драматическим искусством шанхайцы познакомились в январе 1931 г., когда актриса и режиссер драмы З.А. Прибыткова вместе с артистом и журналистом В.В. Кларинным стали учредителями Русского камерного театра.

Он открылся спектаклем по пьесе А.М. Ренникова «Беженцы всех стран». «Артисты – все, от первых до последних, – объединились в одном порыве творческой работы, именно этот порыв и создал театр, которому, несомненно, отныне принадлежит значительное место в русской жизни Шанхая» [19, с. 12-13]. Труппа имела успех, но через год позиции театра несколько ослабли, так как в Шанхае начались военные действия, кроме того появилась конкуренция с театром драматической актрисы и режиссера О.И. Алексеевой «Палочка-Стукалочка». Со временем Прибыткова смогла сплотить труппу, усилив ее приехавшим в Шанхай в 1933 г. В.И. Томским (настоящая фамилия – Москвитин), которого называли самым известным русским драматическим артистом в Китае. Из постановок Русского театра наиболее известны комическая пьеса Д.Я. Айзмана «Консул Гранат», «Вишневы сад» А.П. Чехова и «Квадратура круга» В.П. Катаева. Помимо выступлений Томский работал в драматическом театре и как режиссер.

Первые итоги существования театра подвел журнал «Феникс»: «Что же касается русской публики, то за четыре года существования Русского театра она настолько привыкла к нему, что он стал необходимым элементом, занимающим одно из первых мест в ряде культурных начинаний Русского Шанхая» [18, с. 15]. О достоинствах Русского театра, который просуществовал до 1946 г., говорит и то, что его спектакли часто посещали жители иностранных концессий Шанхая, в том числе и те, кто почти не знал русского языка.

Одной из самых талантливых драматических актрис в Китае называли В.В. Панову, которая неоднократно выступала с гастрольями по всем китайским городам, где жили русские. «Талантливая артистка, очень далекая от шаблона и рутины, она каждую свою роль отделяет с исключительной тщательностью. Искренность, отсутствие наигранности, безукоризненное знание человеческой психологии – вот отличительные черты этой артистки» [14, с. 17].

Актриса и журналист Л.Н. Княжевич (настоящая фамилия – Ульштейн), автор пьес, романа и рассказов, до революции выступала в Самаре, затем играла в театрах Иркутска, Владивостока и Харбина. Она жила в Шанхае с 1925 г.

Драматический артист Ж.Г. Вершинин стал выступать на сцене еще во Владивостоке, будучи гимназистом. Любовь к театральному искусству он сохранил и в дальнейшем. В Тяньцзине

Вершинин основал Кружок любителей драматического искусства, которым сам и руководил. Переехав в 1931 г. в Шанхай, он участвовал в постановках ряда театров: камерного Прибытковой, «Палочка-Стукалочка» и драматического.

Артист А.С. Орлов проявил себя организатором театрального искусства еще в Харбине, где создал Театр старой драмы. Приехав в 1941 г. в Шанхай, он организовал собственную труппу и здесь. «В этом сезоне, – говорил артист, – мне посчастливилось собрать группу лиц, искренне преданных искусству. Но если бы эти кадры еще увеличились, от этого в равной степени выиграла бы как сцена, так и весь русский Шанхай» [16, с. 17]. Труппа Орлова работала в Шанхае до 1949 г.

Высокую культуру русского театра отмечали и иностранные артисты, часто гастролировавшие в Шанхае. «Приехав в международный Шанхай, мы снова нашли только русские постоянные театры. Сила русского искусства сохранила в артистах, странствующих почти двадцать лет после революции, энергию для создания собственных предприятий, трупп, театров, концертов. Изумительный русский народ и русское искусство! В нем такая мощь, которую только русский артист в состоянии передать» [20, с. 15].

Получило развитие в Шанхае и русское балетное искусство. Одним из первых профессиональных балетмейстеров этого города был Э.И. Элиров, бывший директор Государственной балетной школы (Москва), поставивший несколько спектаклей в крупнейших театрах России, а затем и в Китае, куда он приехал из Парижа. В 1930 г., например, он поставил балет «Леда» на музыку композитора Л.И. Иткиса, получивший благоприятные отзывы. «Артистический путь, проделанный Элировым, и та работа, которую нам удалось наблюдать, создают впечатление, что будет какая-то подлинная артистическая радость в этих спектаклях, задуманных группой энтузиастов искусства в городе, где кроме ченджа ни о чем не думают» [3, с. 22-23].

В 1934 г. Элиров вошел в новое театральное содружество, Русское балетное объединение (также – Русский балет), основанное в Шанхае с намерением, как писал «Рубеж», продолжить лучшие традиции русского балета. Программа первого спектакля этого коллектива, с большим успехом прошедшего в шанхайском театре «Лайсеум», состояла из трех больших постановок. Зритель смог оценить шопеновских

«Сильфид», бурные «Половецкие пляски» из «Князя Игоря» и смелую новаторскую постановку «Маски города». Последняя постановка принадлежала Э.И. Элирову, а первые две вещи поставил балетмейстер Н.М. Сокольский, работавший тогда в труппе С.П. Дягилева. В Китае он жил сначала в Харбине, а в 1929 г. поселился в Шанхае, где стал организатором нескольких трупп, в которых выступали известные артисты: Ф.Ф. Шевлюгин, Е.В. Бобынина, Н. Недведицкая, А. Астровская и др.

Наибольшую известность Сокольский приобрел как балетмейстер и режиссер Русского балета, с большим успехом работавшего в Шанхае почти два десятилетия, до 1953 г. «Результат для нас, – признавался он после одного из спектаклей, – был неожиданный: мы увидели, что Шанхай интересуется классическим балетом... И вот теперь прошло уже восемь лет нашей работы. [...] С чувством значительного удовлетворения я могу заметить, что наш желтый Вавилон просыпается от фокстротной “рухляди” и проявляет интерес к красивым формам классического балета» [2, с. 14-15].

Это подтверждал и журнал «Рубеж»: «Русский балет в Шанхае пользуется колоссальным успехом у тамошней публики, среди которой немало людей, являющихся большими знатоками хореографии, видевших балетные постановки в мировых центрах Европы. Эта публика переполняет каждую постановку Русского балета в шанхайском театре «Лайсеум», причем эти спектакли повторяются по три-четыре раза с неизменными аншлагами» [4, с. 15].

Русский балет в Шанхае пользовался заслуженной славой прежде всего благодаря наличию прекрасных танцовщиц. Балерина З.В. Ларина, например, была ученицей известных в Америке балетмейстеров М. Фокина, И. Тарасова и Л. Масина. С 1921 по 1933 гг. она выступала в лучших театрах Нью-Йорка. В Шанхае, где балерина жила с 1932 г., она преподавала гимнастику и балет в студии «Шанхайская заря», имела собственную балетную студию. Балерина Н.В. Кожевникова (в замужестве – Панченко), ученица А.Н. Андреевой, карьеру актрисы начала в Харбинском железнодорожном собрании, затем участвовала в Русском балете Н.М. Сокольского. Вспоминая о шанхайской труппе, Кожевникова «с любовью, но с грустью замечает, что таких организаций в рассеянии русской эмиграции было очень и очень мало». С особым уважением писала Кожевникова о замечательной преподавательнице и прима-ба-

лерине англичанке Одри Кинг: «Ее уроки для всех ведущих балерин Русского балета, а также ведущих танцоров были высшим наслаждением» [17, с. 56].

Русским балетом также руководили Н.А. Князев и Ф.Ф. Шевлюгин, который выступал и в ведущих мужских ролях. Известными танцорами в Шанхае были также Н. Светланов и, позднее, талантливый японский танцор Комаки Масахиде (основатель балетного класса в Японии, автор четырех книг, в которых вспоминал об истории сотрудничества с русским балетом). Оркестром руководил известный в Харбине дирижер А.И. Слуцкий, художественным оформлением и декорационной частью заведовали художники М.Ф. Домрачев и, позже, М. Алин.

В 1933 г. в Шанхае появился Театр русской оперетты, основанный З.А. Битнер и Л.И. Розеном. Он оказался самым долговечным из всех театров, созданных русскими в Китае, прекратив свое существование только в 1960 г., когда его основатели выехали в Бразилию. Только за шесть первых сезонов Розен с единомышленниками смог поставить около трехсот спектаклей, воспитать немало интересных артистов. Он не без гордости говорил, что его детище является единственным русским театром этого жанра в зарубежье. Ф.Ф. Шаляпин писал: «Я никогда не предполагал, чтобы вдали от родины, в чужом городе, могла существовать Русская оперетта, по художественности постановок и по талантности артистов напоминающая московскую или петербургскую оперетту лучших добрых старых времен. Во всяком случае, это единственная русская, вдобавок, эмигрантская оперетта в мире, существующая за границей. Такой оперетты нет ни в Берлине, ни в Париже, ни в Риге, ни в городах Америки, где русского населения много больше и оно зажиточнее, чем в Шанхае...» [8, с. 10-11]. В оперетте участвовали артисты Г.В. Кудинов, С.В. Зорич, З.А. Битнер и другие. Дирижером был А. Слуцкий. Декорации для театра оперетты создавали В. Засыпкин, М. Кичигин, К. Покровский и А. Сафонов.

Помимо опереточных спектаклей артистический коллектив под руководством Битнер и Розена проводил огромную просветительскую работу, знакомя шанхайцев с образцами русского сценического искусства. Так, значительным событием в культурной жизни Шанхая были постановки в память Никиты Балиева, основателя и руководителя московского театра «Летучая мышь», одного из первых и лучших

камерных театров России. Розен знал программу этого театра по европейским гастролям и воспроизводил его постановки по памяти [12]. Театр оперетты также ставил оперы и другие классические спектакли, привлекая известных артистов, таких как солисты Русского балета Е. Бобынина, А. Недлер и Н. Светланов, трио Астор. Силами коллектива русской оперетты с помощью имевшихся в Шанхае артистов оперы были поставлены «Манон Леско», «Травиата», «Сказки Гофмана» и «Паяцы».

«Руководителям оперетты З. Битнер и Л. Розену, – писала пресса, – следует отдать справедливость и вполне заслуженное ими признание: в росте успеха и влияния русской сцены в Шанхае они сыграли значительную роль и показали не только большое свое искусство, но и исключительную энергию и неутомимость» [15, с. 17].

В отличие от оперетты оперное искусство не получило в Шанхае большого развития, хотя известно, что еще в 1919 г. в Шанхае открылись Русская опера и музыкальная школа. Режиссером Шанхайского оперного театра был некоторое время артист и режиссер С.М. Ульянов, приехавший в Китай с Явы в 1922 г. Живя в Харбине, он работал в Железнодорожном собрании и давал частные уроки, пока не переехал в 1936 г. в Шанхай. Его женой была оперная певица К.Т. Ситникова. На партии баса приглашали оперного певца В.П. Блохина, выступавшего на сцене с 1888 г.: в Большом театре Москвы, оперной антрепризе М.М. Бородея в Киеве и других коллективах. Приехав в Шанхай в 1925 г., Блохин стал основателем квартета «Гармония». Он также вел общественную работу на посту председателя Национального объединения зарубежных сценических деятелей в Шанхае.

Лучшим джазовым коллективом на Дальнем Востоке считался шанхайский оркестр Сержа Ермолла (Сергея Ермолова), состоявший в основном из бывших воспитанников Хабаровского кадетского корпуса. Сергей Ермолов родился в Харбине, затем в поисках счастья отправился на юг Китая, оттуда перебрался в Америку, где играл в дорогих ресторанах. Вернувшись в Китай, он организовал свой оркестр и преодолел немало трудностей, прежде чем публика, отдававшая предпочтение американским и филиппинским коллективам, признала русский джаз. Оркестр Ермолла играл в «Циндао-кафе», шанхайских «Мажестик-отеле», «Астор-хаузе», «Парамонте», тьянцзинском «Коунтри-клубе» и других первоклассных ресторанах Китая.

С. Ермолов следил за всеми новинками джаза в Европе и Америке, его коллектив наиграл несколько пластинок для «Патэ-Колумбия», киностудии «Фокс-мувиан» в США и китайской «Стар». «Серж Ермолл, несомненно, музыкант большого масштаба, – писал «Рубеж». – Вместе с творцом “Роз-Мари”, композитором Фримль, Серж Ермолл написал знаменитую “Бачио”. Работал он также совместно с композиторами Лионель Каун, написавшим нашумевший “Dream House”, и с Чак Тоди, автором прогремевшей на весь мир “Girl of my dreams”» [13, с. 13]. Во время визита в Шанхай Чарли Чаплина Серж Ермолл подарил ему одно из собственных танго, которое настолько понравилось королю экрана, что он попросил разрешения использовать его для своей постановки.

Для артистов эмиграции их гастрольные поездки были единственным способом познакомиться со своим творчеством соотечественников. Они постоянно гастролировали по Китаю и другим странам Дальнего Востока, ездили и в США. В свою очередь русские общины в китайских городах часто приглашали на гастроли артистов из Европы.

Множество начинаний в культурной жизни Шанхая принадлежало общественным организациям. В начале 1930-х гг. музыкальным центром в городе считалась музыкальная секция Шанхайского арт-клуба, которой руководил профессор Захаров. В нее входили и другие русские преподаватели консерватории, которые выступили с серией концертов. Содружество русских работников искусства «Понедельник» (основано осенью 1929 г.), литературно-художественно-музыкальное и научное объединение «Шатер» (основано 1 ноября 1935 г.), Содружество художников, литераторов, артистов и музыкантов ХЛИАМ (основано осенью 1933 г.), Объединение «Искусство и творчество» (с Артистическим клубом и Музыкальным комитетом) проводили литературные вечера с театральными постановками, устраивали концерты и конкурсы.

В 1938 г. была предпринята попытка создать Союз объединения русского искусства. На учредительной встрече один из инициаторов говорил: «До сего дня, как вам известно, организации оперы, драмы, балета, оперетты работали автономно. Все отчаянно конкурировали между собою, в конечном итоге от всего этого терпели убытки и нервировали театральную публику. Балет ставил оперу, драма – оперу и т.д. Вы сами понимаете, что искусство в опасности. Нам надо дружески договориться и понять друг друга» [6].

Несмотря на благие намерения, Союз так и не был создан, и объединения не получилось, тем не менее, множество творческих коллективов, работавших в Шанхае, внесли огромный вклад в развитие русского искусства за рубежом.

Наибольшее активной и долговечной общественной организацией был ХЛАМ, объединение русской шанхайской богемы – художников, литераторов, артистов, музыкантов (первые буквы этих слов и дали название организации – прим. авт.) и прочих людей, имевших отношение к искусству. Учредителями в 1933 г. стали А.В. Петров (Полишинель), М.Ц. Спургот (Сэр Майк), В.В. Панова-Рихтер, П.А. Дьяков, Л.В. Арнольдов и В.С. Валь, составив «Ядро» – первое правление. Многие основатели ХЛАМа начинали свою артистическую деятельность в «Балаганчике», заседания которого когда-то проводились во Владивостоке в гостинице «Золотой Рог». Члены ХЛАМа обычно собирались еженедельно по средам, чтобы весело и оригинально провести свободное время. За первые три года работы Содружества было проведено 70 таких «сред», которые чередовались с вечерами и бенефисами отдельных членов ХЛАМа.

Скоро заседания из скромных помещений перешли в лучшие залы города – «Парамаунт», «Канидром», «Казино де Пари», ресторан братьев Ткаченко, а с 1937 г. у объединения появился собственный зал «Богема» в кафе «Ренессанс». Традиционные балы шанхайской богемы скоро стали модными среди жителей Шанхая. С первого же сезона в Содружестве стали проводиться выборы «Мисс и Мистер ХЛАМ», которыми становились наиболее популярные и остроумные артисты и литераторы. В первом сезоне ими стали актриса В.В. Панова-Рихтер и фелетонист А.В. Петров (Полишинель), во втором – художники Т.П. Хомякова и Л.В. Свирский.

Проходили и тематические «среды»: «Амур в окно стучится», «О радиOVERещании и радиOVERещателях», «Юбилей Флегонта Дударыкина», «Через сто лет» и другие. С особой помпой у шанхайской богемы прошла юбилейная сотая «среда», которая сопровождалась дружеским банкетом с застольными песнями, тостами и поднесением подарков «отличным хламистам» [1, с. 9]. С 1937 г. в ХЛАМе стали проводить литературно-музыкальные заседания, получившие название «вечеров у зеленой лампы». На них слушались серьезные доклады об искусстве, литературе и поэзии.

Все приезжавшие в Шанхай артисты считали своим долгом посетить заседание Содружества,

на котором узнавали последние новости литературно-художественной жизни. В «ХЛАМе» выступали и гастролеры, среди которых было немало мировых знаменитостей. В январе 1936 г. Содружество торжественно встретило Ф. Шалляпина, а в 1937 г. удостоило звания «почетного рыцаря шанхайской богемы» А. Вертинского.

В 1942 г. ХЛАМ переименовали в Российское общество служителей искусства в эмиграции. В него вошли несколько творческих союзов: Объединение писателей и журналистов, Объединение артистов драмы, оперы и оперетты, Объединение артистов балета и Объединение музыкантов. Их представители составляли правление. Председатель уже не избирался, им являлся начальник культурно-просветительского отдела Российского эмигрантского комитета, где это общество и было зарегистрировано.

АРТ-клуб, основанный в Шанхае 24 сентября 1944 г., объединял многих артистов из числа русских эмигрантов. Его председатель Б.Б. Свежинский, работавший бухгалтером, был хорошим организатором и способствовал удачным гастролям многих артистов. В Арт-клубе работали разные секции, в нем часто выставляли свои работы русские художники.

Далеко не всегда и не всем шанхайским артистам улыбалась удача. Трудности трудоустройства, недостаток финансов, проблемы с арендой помещений для театральных постановок часто сводили на нет все усилия по пропаганде русского искусства. В свое время для помощи русским артистам в поиске работы Русское музыкально-просветительское общество открывало Театральное бюро, просуществовавшее недолго, как и само общество. Известны случаи, когда нужда и душевные тревоги доводили артистов до самоубийства. Вот что писал по этому поводу журнал «Кстати»: «Актер, идущий на самоубийство из-за нужды, актер, принужденный принимать помощь в порядке пожертвования... И это в городе, в котором устраиваются королевские балы богемы, где не то существует, не то не существует, но во всяком случае собирает хорошие сборы под маркой “содружества богемы” некая организация, возглавляемая сладкоречивым лидером» [22, с. 16].

Основные проблемы были обусловлены отсутствием тесной связи с родиной. «Русская эмиграция, разбросанная по чужим странам, – отмечал художник А.А. Ефимов, – особенно зорко должна следить за теми, кто создает нематериальные ценности. Быть артистом в наши дни труднее и страшнее, чем когда-либо. Обязан-

ность артиста работать, чтобы стать сильным, чтобы совершенствоваться, не встречает сочувствия. Художник в эмиграции одинок, у него нет среды, даже нет критиков, которые ободрили бы его, помогли ему найти самого себя» [7, с. 15].

Окончание Второй мировой войны заставило русских эмигрантов покинуть Шанхай. К концу 1947 г., в частности, прекратилась музыкальная жизнь русской эмиграции. Профессор Шанхайской консерватории В.Н. Костевич, эмигрировавший в США в 1948 г., писал: «Опера, оперетта и драма, за отъездом главных артистов в СССР, распались и прекратили свое существование. Симфонический оркестр еще существует, но в крайне ослабевшем составе. Лучшие музыканты уехали» [21]. Одни деятели искусства репатрировались в СССР, другие уехали в разные страны – США, Аргентину, Бразилию, Австралию и др., – где продолжили успешно заниматься своим делом, знакомя население с русским искусством.

Шанхай, таким образом, стал переходной ступенью для распространения русского искусства по миру. Здесь получили развитие все творческие жанры благодаря наличию в эмигрантской среде большого числа деятелей искусства, отсутствию цензуры и тесному соприкосновению с различными национальными культурами. В Шанхае, как и в других городах Китая, где жили русские, работали русский драматический театр, балетная школа, вокальные студии, ставились балеты, оперы и оперетты, давались концерты классической и популярной музыки. Русские музыканты-преподаватели Шанхайской консерватории заложили основы современного китайского музыкального образования и исполнительства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А.П. «Хлам» веселится: Сто «сред» шанхайской богемы // Рубеж. 1937. № 19 (8 мая). С. 9.
2. А.П. Шанхайская терпсихора и ее служители: Город-гигант Восточной Азии стал местом сбора русских балетных сил // Рубеж. 1942. № 40 (20 октября). С. 14-15, 22-23.
3. Ан. Ал. Сонора-Балет: К предстоящей постановке балета «Леда» // Слово: Беспл. воскрес. прил. 1931. 29 марта. С. 22-23.
4. Блестящая карьера харбинки: Нина Кожевникова в составе шанхайского ансамбля // Рубеж. 1941. № 43/16 (25 октября). С. 15.
5. Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае. М.: Русский путь, 2008.

6. В Шанхае объединились в «СОРИ» все русские артисты // Новая заря. 1938. 10 мая.

7. Волохов М. Чувство прекрасного живет в портретах и художественных вещах А.А. Ефимова // Рубеж. 1942. № 1 (1 января). С. 15.

8. Гарвэй Д. Шампанское в искусстве: Успехи Русской оперетты в Шанхае // Рубеж. 1938. № 37 (10 сентября). С. 10-11.

9. Дивеева Г.А. Шанхайская национальная консерватория в 1920–1940-е гг.: к проблеме взаимодействия с традициями российского музыкального образования // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2014. № 1. С. 137-140.

10. Е.П. Музыка седого Китая // Рубеж. 1941. № 5 (25 января).

11. Жиганов В.Д. Русские в Шанхае: Альбом. Шанхай, 1936.

12. К.М. Беседа с артисткой З.А. Битнер, прибывшей из Бразилии // Новая заря. 1964. 28 октября.

13. Л.Ж. Лучший джасс – русский // Рубеж. 1937. 27 октября.

14. Многогранное дарование: К бенефису В.В. Пановой // Рубеж. 1942. № 5 (31 января).

15. П-ель. Каскад музыки и веселья: Успехи русской оперетты в Шанхае // Рубеж. 1937. № 16 (17 апреля).

16. Разов Л. Театральные рекруты Русского Шанхая: Огни рампы не влекут больше любителей // Рубеж в Шанхае. 1941. № 40/13.

17. Ратова (Тюрина) Н. Прима-балерина Нина Кожевникова // Друзьям от друзей. 1991. № 34 (Май). С. 55-58.

18. Театр. Музыка. Кино // Феникс. Шанхай, 1935. 4 сент.

19. Ур-в С. Русский театр в Шанхае: Что может сделать любовь к делу и настойчивость одного человека // Рубеж. 1935. № 19 (4 мая). С. 12-13.

20. Французские артисты (Жюль Роланд и Пьер Журдан) – о русских // Феникс. 1935. 20 октября.

21. Шанхай опустел, русские уехали и разъезжаются // Новая заря. 1948. 29 января.

22. Шанхайский театр. Об изнанке одного юбилея и нравах актерской среды // Кстати. 1940. № 2 (6 января).

REFERENCES

1. A.P., 1937. «Hlam» veselitsya: Sto «sred» shankhaiskoi bogemy [“Junk” having fun: a hundred “Wednesdays” of Shanghai bohemia], Rubezh, no. 19 (May 8), p. 9. (in Russ.)
2. A.P., 1942. Shankhaiskaya terpsikhora i ee sluzhiteli: Gorod-gigant Vostochnoi Azii stal

mestom sbora russkikh baletnykh sil [Shanghai Terpsichore and its servants: the giant city in the East Asia has become a gathering place for Russian ballet forces], Rubezh, no. 40 (October 20), pp. 14-15, 22-23. (in Russ.)

3. An.Al., 1931. Sonora-Balet: K predstoyashchei postanovke baleta «Leda» [Sonora-Ballet: For the upcoming production of “Leda” ballet], Slovo: Bespl. voskres. pril., 29 marta, pp. 22-23. (in Russ.)

4. Blestyashchaya kar’era kharbinki: Nina Kozhevnikova v sostave shankhaiskogo ansamblya [The brilliant career of a girl from Harbin: Nina Kozhevnikova as a part of Shanghai ensemble], Rubezh, 1941, no. 43/16 (October 25), p. 15. (in Russ.)

5. Wan Zhicheng, 2008. Istoriya russkoi emigratsii v Shankhae [History of the Russian emigration in Shanghai]. Moskva: Russkii put’. (in Russ.)

6. V Shankhae ob’edinilis’ v «SORI» vse russkie artistry [“SORI” united all Russian artists in Shanghai], Novaya zarya, 1938, 10 maya. (in Russ.)

7. Volokhov, M., 1942. Chuvstvo prekrasnogo zhivet v portretakh i khudozhestvennykh veshchakh A.A. Efimova [The sense of beauty lives in A.A. Efimov’s portraits and other artistic works], Rubezh, no. 1 (January 1), p. 15. (in Russ.)

8. Garvei, D., 1938. Shampanskoe v iskusstve: Uspekhi Russkoi operetty v Shankhae [Champagne in art: the Russian operetta’s success in Shanghai], Rubezh, no. 37 (September 10), pp. 10-11. (in Russ.)

9. Diveeva, G.A., 2014. Shankhaiskaya natsional’naya konservatoriya v 1920-1940-e g.g [Shanghai National Conservatory, 1920-1940], Obschestvo. Sreda. Razvitiye (Terra Humana), no. 1, pp. 137-140. (in Russ.)

10. E.P., 1941. Muzyka sedogo Kitaya [Music of old China], Rubezh, no. 5 (January 25), p. 19. (in Russ.)

11. Zhiganov, V.D., 1936. Russkie v Shankhae [Russians in Shanghai]. Shanghai. (in Russ.)

12. K.M., 1964. Beseda s artistkoi Z.A. Bitner, pribyvshoi iz Brazili [Interview with actress Z.

Bitner who arrived from Brazil], Novaya zarya, 28 oktyabrya. (in Russ.)

13. L.Zh., 1937. Luchshii dzhass – russkii [The best jazz is Russian], Rubezh, 27 oktyabrya, p. 13. (in Russ.)

14. Mnogogrannoe darovanie: K benefisu V.V. Panovoi [Prodigious talent: towards V.V. Panova’s benefit performance], Rubezh, 1942, no. 5 (January 31), p. 17. (in Russ.)

15. P-el’, 1937. Kaskad muzyki i vesel’ya: Uspekhi russkoi operetty v Shankhae [Cascade of music and fun: the Russian operetta’s success in Shanghai], Rubezh, no. 16 (April 17), p. 17. (in Russ.)

16. Razov, L., 1941. Teatral’nye rekruty Russkogo Shankhaya: Ogni rampy ne vlekut bol’she liubitelei [Theatre servants of Russian Shanghai: the stage doesn’t attract amateurs any more], Rubezh v SHanhae. 1941. № 40/13, p. 2. (in Russ.)

17. Ratova (Tyurina), N., 1991. Prima-balerina Nina Kozhevnikova [Prima ballerina Nina Kozhevnikova], Druzyam ot druzei, no. 34 (May), pp. 55-58. (in Russ.)

18. Teatr. Muzyka. Kino [Theater. Music. Cinema], Feniks, 1935, 4 sentyabrya, p. 15. (in Russ.)

19. Ur-v, S., 1935. Russkii teatr v Shankhae: Chto mozhet sdelat’ liubov’ k delu i nastoichivost’ odnogo cheloveka [Russian theater in Shanghai: What can be achieved thanks to the professional devotion and persistence of one man], Rubezh, no. 19 (May 4), pp. 12-13. (in Russ.)

20. Frantsuzskie artistry (Zhyul’ Roland i Pier Zhurdan) – o russkikh [French artists (Jules Roland and Pierre Jourdan) – about the Russians], Feniks, 1935, 20 oktyabrya, p. 15. (in Russ.)

21. Shankhai opustel, russkie uekhali i raz’ezzhayutsya [Shanghai is deserted, the Russians have left and are still leaving], Novaya zarya, 1948, 29 yanvary. (in Russ.)

22. Shankhaiskii teatr. Ob iznanke odnogo yubileya i nrvakh akterskoi sredy [Shanghai theater. On the underside of one anniversary and the actors’ environment and customs], Kstati, 1940, no. 2 (January 6), p. 16. (in Russ.)

УДК: 94 (47+571)+341.341+355. (415.8+257.72)
DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2017-3/41-48

Е.Ю. Бондаренко*

ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА ПО ИДЕОЛОГИЧЕСКОМУ ПЕРЕВОСПИТАНИЮ ЯПОНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Статья посвящена политике коммунистической обработки японских военнопленных в лагерях советского Дальнего Востока в послевоенные годы. Автор рассматривает основные методы политического прессинга, которому подвергались военнопленные в советских лагерях, анализирует деятельность специальных «школ коммунизма», в которых велась идеологическая обработка пленных. Методологической основой исследования является теория поведения человека в плену, разработанная современными российскими историками, юристами и психологами.

Ключевые слова: японские военнопленные, Дальний Восток, коммунистическая идеология, идеологическая обработка, антивоенная пропаганда, репатриация

Soviet indoctrination of Japanese war prisoners in the Russian Far East in the post-Second World War period. ELENA Yu. BONDARENKO (Far Eastern Federal University)

The article is devoted to the policy of the Communist indoctrination of Japanese prisoners of war in the camps of the Soviet Far East during the post-war years. The author examines the main methods of political pressure on the prisoners of war in Soviet camps, analyzes the activities of special “schools of communism” that carried the task of communist indoctrination. The methodological basis of the study is the theory of human behavior in captivity, developed by modern Russian historians, lawyers, and psychologists.

Keywords: Japanese prisoners of war, Soviet Far East, communist ideology, indoctrination, anti-war propaganda, repatriation

Система подавления любого инакомыслия и насильственное насаждение коммунистической идеологии, характерные для политического режима, сложившегося в СССР после Октябрьской революции, стали в послевоенное время неотъемлемой частью идеологического воспитания японских пленных в советских лагерях. Такая политика была необходима советскому правительству для того, чтобы в разрушенной войной,

ослабшей Японии укрепить роль Коммунистической партии и попытаться построить там социализм с помощью «пятой колонны», состоявшей из бывших репатриантов, присланных из СССР.

С этой целью в течение послевоенных лет десятки тысяч японских военнопленных, принудительно работавших на советских предприятиях, подвергались усиленному идеологическому перевоспитанию.

* БОНДАРЕНКО Елена Юрьевна, доктор исторических наук, научный сотрудник Лаборатории социального проектирования и прогнозирования Департамента социальных и психологических наук Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: plen02.09.1954@mail.ru

© Бондаренко Е.Ю., 2017

29 августа 1946 г. вышел приказ №00165 Управления МВД СССР по Хабаровскому краю «Об итогах двухнедельных сборов начальников отделений и инструкторов по антифашистской работе лагерей военнопленных УМВД Хабаровского края». В приказе отмечалась большая работа по организации политического воспитания военнопленных: «Актив под руководством антифашистских работников систематически проводит работу среди военнопленных по разъяснению лживой вражеской пропаганды о Советском Союзе и воспитанию японских солдат и офицеров в духе дружбы и симпатии к Советскому Союзу, в результате чего в политико-моральном состоянии военнопленных произошли серьезные изменения в сторону демократизации» [1, с. 81-82]. Надо сказать, что «демократизация» и производные от нее слова в лагерях военнопленные понимались как лояльное настроение к СССР.

В ряде лагерей советского Дальнего Востока существовали специальные «школы коммунизма» для идеологической обработки военнопленных, которую проводили советские политработники и коммунистически настроенные японцы из числа самих плененных. В таких политических школах, называемых иногда «антифашистскими комитетами», японцев обучали истории ВКП(б), а также принципам устройства советского государства и понятию диктатуры пролетариата. Большое внимание уделялось изучению Конституции СССР, статей Ленина и Сталина, биографий советских вождей. Параллельно проводилось систематическое вытравливание из памяти военнопленных традиций и обычаев японского народа, высмеивание и отрицание веры и церкви, воспитание у плененных неприятия всех политических систем, кроме советской.

Специальные школы для перевоспитания японцев подразделялись на молодежные, смешанные и школы для среднего поколения, что подразумевало специфику обучения в каждом виде школ. Идеологическая обработка велась в большинстве лагерей 2-3 раз в неделю, иногда ежедневно. В ход шли клеветнические измышления о жизни за рубежом, цитировались отрывки из книг США и Японии, сфабрикованные советскими пропагандистами на вымышленных фактах, такие, как «Город без солнечного света», «Несчастливая жизнь работницы фабрики» и т.д. (Государственный архив Хабаровского края, далее – ГАХК. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 440. Л. 8).

Как свидетельствовали репатрианты, вернувшиеся в Японию в конце 1940-х гг., пропаганда среди японцев в советских лагерях шла полным ходом. Наиболее мощный центр по идеологической переподготовке военнопленных находился в Находке. Здесь в 1946 г. для молодых репатриантов, собравшихся со всего СССР перед отправкой на родину, было организовано общество «Новая японская молодежная лига». Общество вело коммунистическую пропаганду среди отъезжающей молодежи. Его активисты, состоявшие из советских политработников и некоторых политизированных японцев, которых в среде военнопленных называли «оппортунистами», обучали отъезжающих пению революционных песен, коммунистическим «речевкам», а также брали с репатриантов подписку об их обязательном вступлении в ряды Коммунистической партии Японии (ГАХК. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 440. Л. 8).

Представляют интерес личности японских «пропагандистов». Как правило, это была небольшая прослойка военнопленных, которые, по словам их соотечественников, «вовсе не были коммунистами, а присоединились к советским политработникам только потому, что за пропагандистскую работу им давали новое военное обмундирование, регулярную зарплату и обещали репатриировать после двух месяцев такой службы» (ГАХК. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 436. Л. 74).

Как свидетельствовали вернувшиеся из плена, «японские пропагандисты были очень заносчивы и вели себя подобно военным офицерам, обращаясь с репатриантами, как со своими подчиненными» (ГАХК. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 436. Л. 74).

По свидетельству самих военнопленных, наиболее активная кампания по идеологизации японцев началась в лагерях в марте 1946 г. К этому времени японцы в полной мере почувствовали все тяготы жизни в плену, в том числе суровую дальневосточную зиму, недостаток питания. Многие были сломлены психологически и не верили в возможное возвращение домой. В такой обстановке советская идеологическая обработка стала быстро давать результаты. На Дальнем Востоке наиболее крупные центры идеологической обработки плененных функционировали в Биробиджане, Хабаровске, Биракане, поселках Хор и Вяземском (Хабаровский край), Комсомольске-на-Амуре, Магадане, Находке, поселке Посьет Приморского края, Усурийске, Владивостоке, Южно-Сахалинске [2, с. 56].

Формы и методы идеологической работы в лагерях не отличались разнообразием, зато ох-

ватывали большое число военнопленных. Большое значение политорганы в лагерях придавали созданию «демократических бригад». Так, в лагере №18 Комсомольска-на-Амуре в 1947 г. «из лучшей части военнопленных» были организованы демократические бригады. К концу 1947 г. их насчитывалось 181 с числом работающих 2 258 чел. [1, с. 82]. В 1948 г. в том же лагере №18 взводами, ротами и батальонами командовали рядовые, входившие в избранные военнопленными комитеты. Офицеры от руководства были отстранены.

В лагере №21 (г. Николаевск-на-Амуре) были открыты специальные курсы по подготовке демократов-антифашистов из числа рядовых военнопленных. Характерно, что подготовка «специалистов» проводилась с отрывом от основной работы, поэтому желающих учиться на данных курсах было всегда более чем достаточно.

В то время, как все японские военнопленные обязаны были проходить программу идеологической подготовки, некоторые из них, наиболее способные к перевоспитанию, направлялись в важнейшие центры подготовки идеологических работников из числа военнопленных. Один из них находился в Хабаровске. Надо сказать, что в Хабаровском крае в послевоенные годы работали 3 специальные школы идеологической подготовки военнопленных: Демократическая школа (Минсю Гакко), Молодежная школа (Сэйнин Гакко) и Политическая школа (Сэйдзи Гакко) [2, с. 55].

В политической школе, созданной в июле 1947 г., изучалась коммунистическая идеология. Посещение было добровольным. Контингент слушателей ограничивался 30 военнопленными. Существовал возрастной и образовательный ценз – учиться в ней могли лишь те, кто закончил в Японии как минимум среднюю школу. Учеба продолжалась 3 месяца. В течение этого времени японцам читались курсы по международному положению, современному состоянию японо-советских отношений, марксистско-ленинская теория.

В молодежной школе предлагались эти же предметы, однако подготовка здесь была более интенсивной. Возраст учащихся ограничивался 25 годами, они пользовались некоторой свободой – им даже разрешалось жить в отдельных бараках. Выпускники этой школы направлялись инструкторами в лагеря военнопленных. Сами японцы считали, что из этой и подобной ей школ «выходили фанатические приверженцы коммунистического режима. Молодые ру-

ководители и ораторы были заражены вирусом коммунистического фанатизма, и это делало их потенциально опасными». Идеологической обработке молодежи в лагерях уделялось особое внимание. Американское разведывательное управление сделало следующий вывод по этому поводу: «Советы хотели бы использовать специально подготовленную молодежь в Японии в будущем...». [2, с. 56].

Для идеологической обработки японских военнопленных в лагерях применялись методы, получившие распространение в советской действительности. Широко пропагандировалось трудовое соревнование, военнопленные проводили митинги по случаю советских праздников и т.д. Так, в лагере №22 (г. Оха) за 1946 г. с военнопленными была проведена следующая идеологическая работа:

- проведено лекций и докладов о преимуществе социалистического строя – 153;
- индивидуальные беседы – 70 с охватом – 110 чел;
- производственные совещания с бригадами – 54;
- политинформация – 160 с охватом – 64 тыс. чел;
- собрания – 42;
- выпущено стенгазет – 173;
- выпущено художественно-литературных журналов – 6;
- проведено концертов – 18 с охватом – 4800 чел;
- просмотрено сеансов кино – 86;
- отправлено писем на родину – 1 993 [2, с. 56].

По данным демократических комитетов лагеря, число антифашистов среди военнопленных возросло со 140 чел. до 438 чел. в 1947 г. С этим активом было проведено 104 совещания (политкурсы). В 1946 г. в лагере были также созданы кружки по изучению истории ВКП(б) и основ марксизма-ленинизма.

Для усиления действенности пропагандистской работы в лагерях существовали оперативно-чекистские отделы. Такой отдел также активно действовал в лагере №22 (г. Оха). Формирование агентурно-осведомительной сети из военнопленных отдел начал с вербовки 3 чел. в марте 1946 г. Всего же в первом квартале 1946 г. было завербовано 14 японцев, во втором – 15, в третьем – 5. На начало 1947 г. в лагере №2 насчитывалось уже 44 агента. Работа агентов была направлена на «выявление фашистско-реакционных элементов, шпионов, диверсантов,

саботажников и лиц, которые своими действиями сопротивлялись в трудовом использовании». Для выявления «врагов» среди пленных в лагере систематически проводились обыски. В 1945 г. их было проведено 13, в 1946 – 46, в 1947 – 37 и в 1948 г. – 11. Уменьшение количества обысков было связано с репатриацией и последующим закрытием лагерных отделений [1, с. 82-83].

Нередко обыски давали повод для допросов и арестов военнопленных. Так, в лагере №5 (Ургальское месторождение) у военнопленного Сиедзавы Фукудзи отобрали блокнот с картой Хабаровского края, на которой была отмечена дислокация лагерей военнопленных с указанием количества японцев в каждом из них. В том же лагере у военнопленного Окамото Тузо был отобран бикфордов шнур и 3 инструкции на английском языке. Также неоднократно находили напильники, ножи для резки проволоки, мотки электропроводов, проволоки и т.д. Такие находки убеждали руководство лагеря в необходимости укрепления агентурной сети слежки за военнопленными. В частности, в лагере №21 г. Николаевск-на-Амуре служба слежения за военнопленными, кроме советского руководства лагеря, насчитывала 8 японских офицеров, 3 унтер-офицера, 11 солдат. У каждого агента был свой псевдоним – «Восток», «Тайга», «Амур», «Ночь» и т.д.

В задачи агентов входило выявление бывших работников управлений внутренних дел Японии, а также служащих полиции и жандармерии и вообще всех пленных, враждебно настроенных к СССР. Только за 1946 г. в лагере №21 таких было выявлено 105 чел.

Так, агент «Юрий» донес, что 1 января 1947 г. в помещении оздоровительной команды спецгоспитателя №878 военнопленный солдат Тонако Эйзи сказал в разговоре с другими японцами: «Японское правительство надо выгнать. Когда я приеду в Японию, буду большевиком. А если большевиков там не будет, буду уговаривать, чтобы стали большевиками» [1, с. 85].

Агентом были также отмечены слова солдата Мизусима Хороси: «Плохой город Николаев и плохой весь Советский Союз. Рабочие и крестьяне... живут беднее, чем японские крестьяне» [1, с. 85].

Наиболее способные агенты рекомендовались для возможного использования на стороне советской разведки и находились под пристальным вниманием оперативных органов. При переводе из одного лагеря в другой документы

агентов переправлялись в оперативно-чекистские отделы (ОЧО МВД) «для возможного использования на стороне советской разведки». Так, военнопленного офицера под псевдонимом «Рыбак», убывшего этапом из управления лагеря №21 в лагерь Комсомольска, сопровождало личное и рабочее дело №7/429 на внутрилагерного агента «...для его дальнейшего использования в...работе» [1, с. 85].

По словам репатриантов, такие пропагандисты хорошо зарабатывали у русских, но встречали сильную ненависть со стороны военнопленных. Несколько таких агентов были подвергнуты линчеванию со стороны репатрированных на корабле по дороге из бухты Находка в порт Майдзуру. Когда по приезду в Японию был произведен опрос репатриантов относительно их мнения о таких «агентах», большинство выразили желание запретить им возвращаться на родную землю (ГАХК. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 436. Л. 74).

Большие надежды возлагались органами МВД на издаваемую в Хабаровске на японском языке газету военнопленных «Ниппон Симбун» («Японская газета»), которая являлась важным элементом в системе идеологической обработки военнопленных. С началом интернирования в лагере №16 Хабаровска оказалось несколько военнопленных японских журналистов, которые вошли в состав первой редакции «Ниппон Симбун». Со стороны политорганов МВД газету курировали подполковник Греков и майор Козырев. Со временем газета стала настоящим политическим рупором. Общее руководство газетой осуществлял подполковник И.И. Коваленко. В редакции газеты работали японские журналисты Асахара Масаки (псевдоним Морото Фумио – главный редактор, Симадзу Суэтаро – ответственный за перевод, Ватанабэ Цунаки – ответственный за аналитические материалы. Позднее в газету пришли работать Тояма Хидзо и Кира Киносукэ. К тому времени заметно возросло журналистское мастерство авторов. Сама газета из двухполосной стала четырехполосной. Структура номера обычно выглядела следующим образом: редакционные статьи о положении СССР в мире, которые обычно перепечатывались по материалам ТАСС, «Правды», и «Известий». Вторая полоса содержала обзоры внутреннего положения Японии в период американской оккупации. Третья полоса также включала материалы из советских газет. На четвертой полосе помещались заметки о повседневной жизни ла-

гетерей военнопленных в СССР и на его Дальнем Востоке.

Первоначально «Ниппон симбун» являлась лишь возможностью информировать военнопленных о действиях советских властей, публиковать для них различные инструкции. Со временем газета разворачивает активную антиамериканскую пропаганду, которая к 1947 г. стала доминирующей. «Ниппон симбун» резко критиковала оккупационную политику США в Японии, пропагандировала советский образ жизни. Тогда же газета опубликовала серию антимилитаристских материалов, выдержанных в резком тоне. В них подчеркивалось, что император и военные круги Японии ответственны за то положение, в котором оказались десятки тысяч японских военнопленных в СССР. «Ниппон симбун» провозгласила: «Долой императорскую систему», «Уничтожить офицерские привилегии», «Улучшить жизнь нижних чинов». Эта идеологическая программа имела большой успех среди военнопленных, тем более, что она поощрялась лагерными властями. Военнопленные выходили из подчинения офицеров, им внушалось, что их соотечественники в Японии тоже должны освободиться «от...военной тирании» [2, с. 57].

Антимилитаристская тема в газете преследовала и практические цели, поскольку именно через газету советские власти объяснили военнопленным задержку их репатриации «происками» американских оккупационных властей, которые якобы не выполняют своих обязательств по доставке кораблей для репатриантов. Таким образом советские власти подтверждали антинародную сущность политики американцев в Японии достоверными, на первый взгляд, фактами.

Военнопленным внушалось, что репатриация не является эффективным средством их спасения до тех пор, пока в Японии существует реакционное правительство, действующее совместно с американцами. Военнопленным также внушалось, что японскому правительству нельзя доверять, т.к. его цель – закабаление и эксплуатация бывших военнопленных.

Газета «Ниппон симбун» выпускалась в Хабаровске, а ее редакторы работали в тесном контакте с военнопленными-активистами. Хотя газета распространялась по многим лагерям военнопленных и была для японцев фактически единственным окном во внешний мир, отношение военнопленных к ней было неоднозначным. Так, военнопленный Хамасаки так отзывался о

«Ниппон симбун» и других газетах, которые распространялись в лагерях: «Газеты на японском языке мы получаем, но печатают их, конечно, не в Японии. В них пишут о Ленине, о выборах СССР, о советской демократии и разнице с японским парламентом. В этих газетах мало пишут правды...» [2, с. 59].

И все же большая часть японских военнопленных, находившихся в советском, в том числе дальневосточном плену, была насильственно обращена в коммунизм. «Наиболее слабой чертой японцев, особенно молодых, является слепое поклонение силе, – отмечали обозреватели японских газет. – От японцев, обученных подчиняться старшему со дня рождения, нельзя было ожидать, чтобы они изменили той дисциплине, которая существовала в советских лагерях. Наиболее легко поддавались перевоспитанию пленные в возрасте до 30 лет. Практически все они были убеждены в том, что их жизненные условия в лагерях и скорейший отъезд на родину в конечном счете зависят от их идеологических убеждений» (ГАХК. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 466. Л. 90, 91).

Таким образом, сталинская модель «воспитания в духе коммунизма» стала обязательной не только для нескольких поколений советских людей, но и для тысяч японских военнопленных. Расслоение японцев на «коммунистов» и «оппортунистов» приводило к стычкам, перераставшим в настоящие бои с десятками человеческих жертв. При отправке военнопленных из Находки периодически вспыхивали самосуды, провоцируемые членами противоположных по убеждению группировок.

Так, репатриант Мацуита, прибыв в Японию, заявил, что инциденты в Находке учинялись преимущественно «коммунистами», которые заявляли: кто против них, тот реакционер и на родину не поедет. Мацуита сам был зачислен в реакционеры из-за нежелания изучать научный коммунизм и уехал в Японию только со второй попытки. В первый раз он был выброшен с борта парохода уже во время посадки и отправлен обратно в лагерь (ГАХК. Ф. 1036. Оп. 4. Д. 1. Л. 106).

Другой свидетель, Хасакова, содержащийся перед отъездом в находкинском лагере, заявил, что по инициативе действовавшей в лагере демократической группы 200 японцев уже в порту были лишены возможности вернуться на родину. Здесь их неожиданно обвинили в недостаточном активном изучении «Краткого курса истории ВКП (б)», вернули в лагерь и постави-

ли на самые тяжелые работы (ГАХК. Ф. 1036. Оп. 4. Д. 1. Л. 106).

В воспоминаниях одного из репатриантов есть рассказ о митинге на корабле, доставлявшем бывших военнопленных в Японию. «В центральной каюте собрался почти весь отряд. Выступавшие возбужденно говорили: «... мы простим русским жестокость. Японцы подняли оружие против них. Но! Как относиться к землякам, чья совесть запятнана предательством. Они не только жирели, когда их соотечественники пухли от голода, но и пытались забить наши головы коммунистическим мусором! Двое из них среди нас. Как поступим с изменниками? – За борт, в воду», – кипела от возмущения толпа.

По прибытии репатриантов в Японию налицо было расслоение их на «левых» и «правых» по материальному положению. В начале 1950 г. газета «Дзи-Дзи-Симпо» сообщала, что среди высадившихся с репатриационного судна «Такасаго Мару» 1889 бывших военнопленных (с их же слов) принадлежат к группировке левого крыла, а 304 японца – к правой патриотической группе «Восходящее солнце» (ГАХК. Ф. 1036. Оп. 4. Д. 451. Л. 86).

Газета отмечала, что пленные, входившие в левое (прокоммунистическое крыло), были добротнo одеты, снабжены рюкзаками, в которых находились зимние пальто, новая одежда, по две сорочки, полотенца, носки, наволочки и обувь. У некоторых левых в рюкзаках были хорошие дамские туфли в качестве подарка семьям.

Совершенно другую картину представляли собой пленные, входившие в состав группы «Восходящее солнце». Они были бедно одеты, в их рюкзаках оказалось мало или вообще не было никаких вещей за исключением одной ложки и разбитой чашки (ГАХК. Ф. 1036. Оп. 4. Д. 451. Л. 86).

По сообщению газеты «Иомиури Симбун» свыше 80% японцев, прибывших по репатриации на родину, периодически устраивали паломничество в штаб Коммунистической партии Японии с требованием «записать их в коммунисты». Так, с мая по декабрь 1945 г. в ряды КПЯ вступило 6 тыс. японцев, репатриированных из СССР (ГАХК. Ф. 1036. Оп. 4. Д. 451. Л. 86).

Поскольку возвращение бывших военнопленных Квантунской армии из плена являлось долгожданным и радостным событием для всей общественности Японии, то подготовка к их приезду, встреча и размещение бывших военнопленных тщательно планировалось и про-

водилось на основе специальной программы, разработанной главнокомандующим союзными оккупационными войсками Д. Макартуром.

19 августа 1949 г. перед массовым прибытием репатриантов на родину во всех японских газетах был опубликован правительственный указ, называемый «План борьбы с беспорядками, устраиваемыми репатриантами, возвращающимися из Советского Союза». Появление такого указа было небезосновательным: большинство прибывших из СССР пытались устраивать «демократические» митинги и демонстрации, уличные драки, выкрикивали «коммунистические» лозунги. Многие из них, демонстративно не замечая встречавших их родственников, спешили в штаб Коммунистической партии Японии. Делалось это, как отмечали очевидцы, «в состоянии необыкновенной поспешности и даже страха» (ГАХК. Ф. 1036. Оп. 4. Д. 451. Л. 86). Корреспондент агентства «Киодо Ньюс» назвал такое поведение военнопленных «пощечиной по лицу встречавших» (ГАХК. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 461. Л. 82).

Указ от 19 августа 1949 г. предусматривал обеспечение порядка на улицах японских городов во время возвращения больших партий военнопленных. «Репатрианты должны вести себя мирно до тех пор, пока не приедут домой; политическим партиям Японии запрещается оказывать давление на репатриантов», – гласили строки указа (ГАХК. Ф. 35. Оп. 23. Д. 26А. Л. 367).

Кроме того, указ предусматривал немедленное трудоустройство прибывших по месту жительства бывших военнопленных, материальную помощь их семьям. Когда большие партии репатриантов стали прибывать на японскую землю, все газеты Страны восходящего солнца наперебой писали о своих встречах с бывшими военнопленными. Но, как нам кажется, наиболее ярко настроения прибывших из России передает заметка, опубликованная в газете «Акахата», органе Коммунистической партии Японии: «Сегодня, 29 августа 1949 года, 258 репатриантов пришли в штаб Компартии и все вступили в ее ряды. Когда поезд с репатриантами прибыл на вокзал Уэно, то платформу заполнил цвет хаки. Через платформу перекачивается волна красных флагов и слышны революционные лозунги. Репатрианты спешат скорее стать коммунистами.

Пытаясь помешать этому, члены реакционного союза студентов Японии кричат: «Желающие пойти в баню – стройся!» Однако, быстро покушав, репатрианты строятся для того, чтобы пойти в штаб Компартии.

«От тех, кто пойдет в штаб Компартии, вещи на хранение приниматься не будут, – кричат студенты. – Для вас приготовлена баня. Красивые девушки будут танцевать для вас. Если вы пойдете в штаб Компартии, то опоздаете. Однако вопреки всему репатрианты идут в штаб Компартии» (ГАХК. Ф. 35. Оп. 23. Д. 26А. Л. 368).

Вместе с тем 400 японцев, вернувшихся из России, обратились в специальный совет по делам репатриированных с обвинениями генерального секретаря Коммунистической партии Японии Кюици Токуда в поощрении насильственной коммунистической обработки соотечественников в советском плену и преднамеренной задержке их возвращения на родину.

Репатриантами были предоставлены непроверяемые документы – письма, почтовые открытки, адресованные военнопленным, в которых генеральный секретарь КПЯ К. Токуда просил соотечественников проявить благоразумие и вернуться на родину настоящими революционерами, политически подкованными борцами за коммунистический порядок. Известно стало в Японии и обращение Токуда к советскому правительству с просьбой не репатриировать на родину «реакционных» военнопленных.

Учитывая особую болезненность и сложность проблемы военнопленных для японского народа, расследование деятельности КПЯ и лично К. Токуда в деле задержания репатриации было поручено специально созданной для этого независимой комиссии. После длительного изучения всех имевшихся у комиссии документов и опроса нескольких сотен свидетелей, комиссия пришла к заключению, что генеральный секретарь КПЯ К. Токуда действительно просил советское правительство не репатриировать «реакционных» военнопленных в Японию, что доказывало, таким образом, его виновность в задержке программы репатриации.

Комиссия сообщила, что содержание почтовой открытки, которую Токуда, как он сам признался, все же посылал Сталину, могло быть понято однозначно: «Не отправляйте обратно реакционеров» (ГАХК. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 481. Л. 39). Исходя из вышеизложенного, комиссия порекомендовала японскому правительству применить в отношении Токуда и в целом Коммунистической партии Японии строгие меры, принимая во внимание серьезный нравственный ущерб, нанесенный КПЯ японскому народу. В заявлении комиссии были выдвинуты следующие обвинения:

1. Японские коммунисты тайно поддерживали связи с Советским Союзом;
2. Токуда в действительности предлагал русским репатриировать обратно только коммунистов.

Было установлено, что КПЯ и лично К. Токуда несут ответственность за задержку репатриации. Члены комиссии проголосовали за судебное расследование деятельности КПЯ и немедленное возвращение всех японских военнопленных из России. В итоге 24 члена КПЯ, в том числе и сам К. Токуда, были отстранены от политической деятельности (ГАХК. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 481. Л. 39).

Вместе с тем многолетнее «обучение» военнопленных в советских лагерях потеряло на родине для японцев всякий смысл. «Наиболее эффективное средство в деле противостояния идеологии Сталина состоит в том, чтобы каждый репатриант получил работу и смог обеспечить свой прожиточный минимум, свою семью», – отмечалось на заседании специальной комиссии по делам репатриированных соотечественников (ГАХК. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 487. Л. 1).

Правительство Японии неоднократно рассматривало вопросы обеспечения бывших пленных работой. На одной из парламентских сессий был предоставлен специальный законопроект страхования бывших военнопленных против безработицы. В нем рассматривались вопросы первоочередного обеспечения работой японцев, вернувшихся из СССР. Парламент также постановил распространить в первую очередь на военнопленных различные правительственные льготы, в том числе различные суммы страхования от безработицы (ГАХК. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 451. Л. 83).

Свыше 100 общественных и государственных организаций страны участвовали в трудоустройстве репатриантов и оказании материальной помощи их семьям. Так, в Майдзуру было создано специальное бюро по оказанию помощи репатриированным при их устройстве на работу. Министерством просвещения Японии был подготовлен проект, по которому репатриированные из России в первую очередь принимались на обучение различным рабочим специальностям в портах и на стройках японских городов.

Министерство земледелия и животноводства Японии постановило увеличить продовольственную норму риса репатриантам по сравнению с японцами, не бывшими в плену, на 100 г – с 500 до 600 г в день (ГАХК. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 451. Л. 83). Кроме этого, вернувшимся

из Советского Союза, независимо от их политических убеждений, выплачивали ежемесячно 1800 иен, чего в те годы вполне хватало на обзаведение предметами первой необходимости (ГАХК. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 451. Л. 83).

Встречали репатриантов не только официальные власти Японии. Им стремились помочь некоторые общественные организации, например, Студенческая лига («Гакусэй домэй»), члены которой бесплатно работали при регистрационных бюро в портах. Они помогали вчерашним военнопленным пройти начальный период адаптации. В результате интенсивной работы правительства и общественных организаций Японии по созданию нормальных жизненных условий репатриантов через год после приезда в Японию только 10% бывших военнопленных сохранили сталинские убеждения. Вместе с тем число устроенных на работу бывших военнопленных за 1949-1950 гг. составило 55 300 чел, из 71 тыс. вернувшихся (ГАХК. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 451. Л. 83) Причем 1 287 чел. устроились на свои прежние довоенные места (ГАХК. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 451. Л. 83)

Со временем бывшие репатрианты из СССР стали объединяться в общественные организации, в которых насчитывалось свыше 5051 чел. Формировались они по принципу «землячества» и объединяли людей либо служивших вместе, либо оказавшихся в одном лагере или одной местности.

Цели, которые преследовали бывшие военнопленные, объединенные в многочисленные ассоциации и общества, сводились в основном к следующему: уточнение правового статуса японских военнопленных в СССР; определение и возмещение ущерба, причиненного военнопленным, бывшим в советском плену, решение вопроса о заработной плате, полагающейся каждому военнопленному за его труд в лагерях.

Эти требования были вызваны также фактами довольно холодного приема со стороны многих иммиграционных чиновников. Недоверие к бывшим военнопленным со стороны властей выражалось в многочисленных проверках и допросах. В этом же направлении активно действовали оккупационные американские власти. Связано это и с тем фактом, что, прибыв в Японию, бывшие военнопленные явились проводниками чуждой идеологии. Иногда это ставило репатриантов в положение «неприкасаемых», которые вынуждены были уже на родине начать борьбу за свои права.

Признавая марксистско-ленинскую идеологию единственно верной, советские власти пытались навязать ее и японским военнопленным. Таким образом, японцы испытывали не только физические мучения плена – голод, холод, тяжелый физический труд, но и находились под жестким идеологическим прессингом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузьмина М.А. Плен: Японские военнопленные в Хабаровском крае. Комсомольск-на-Амуре, 1996.
2. Кузнецов С.И. Проблема военнопленных в российско-японских отношениях после Второй мировой войны. Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 1994.

REFERENCES

1. Kuz'mina, M.A., 1996. Plen: Yaponskie voennoplennyye v Khabarovskom krae [The captivity: Japanese prisoners of war in Khabarovskiy krai]. Komsomol'sk-na-Amure. (in Russ.)
2. Kuznetsov, S.I., 1994. Problema voennoplennykh v rossiysko-yaponskikh otnosheniyakh posle Vtoroy mirovoy voyny [The problem of the prisoners of war in Russian-Japanese relations after World War II]. Irkutsk: Irkut. gos. un-t. (in Russ.)

АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В CIRCUM-PACIFIC

УДК 397+94(5)+ 94(47).06+910.4

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2017-3/49-59

С.В. Березницкий*

ФРИДРИХ ПЛЕНИСНЕР И ЕГО ВКЛАД В ИССЛЕДОВАНИЯ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ И ПРИРОДЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В XVIII в.

В середине XVIII в. Россия активно занималась освоением и исследованием северо-востока Азии, тихоокеанского побережья и островов. С этой целью проводились экспедиции, устройством которых занимались Академия наук, Правительствующий Сенат и другие государственные органы. Имена В. Беринга, А. Чирикова, Г. Миллера, Г. Стеллера, С. Крашенинникова известны всему мировому сообществу. Однако имелись и менее известные люди, которые принимали активное участие в этом процессе. Одним из таких исследователей был российский офицер Фридрих Плениснер, участник Второй Камчатской экспедиции, впоследствии организатор ряда локальных изысканий на северо-востоке, Медвежьих и Курильских островах. По его указанию собирались этнографические материалы о чукчах, эскимосах, других коренных народах Чукотки, Аляски и Курил. Плениснер известен как топограф, составитель географических карт, плана Петропавловской гавани; как живописец он сделал зарисовки аборигенов, природы и животного мира; как ученый создал несколько трудов, связанных с обобщением этнографических, географических, и исторических сведений о северо-востоке России XVIII в.

Ключевые слова: российская наука, XVIII век, академические экспедиции, Фридрих Плениснер, этнографические материалы, музейные коллекции

Friedrich Plenisner and his contribution to the study of the indigenous population and the nature of the Russian Far East in the XVIIIth century. SERGEY V. BEREZNITSKY (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography)

In the middle of the XVIII century Russia was actively engaged in the exploration of the northeast Asia and the Pacific islands. For this purpose the Academy of Sciences, the Senate and other state bodies initiated and organized several expeditions. The names of V. Bering, A. Chirikov, G. Miller, G. Steller, S. Krashennikov are world famous. However, there were lesser-known people who played an active role in this process. One of them was Russian officer Friedrich Plenisner, the participant of the Second Kamchatka Expedition, later an organizer of a number of local expeditions in the Medvezh'i and the Kurile Islands. Plenisner is known as a topographer, compiler of several maps and the

* БЕРЕЗНИЦКИЙ Сергей Васильевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Кунсткамеры и отечественной науки XVIII века (Музея М.В. Ломоносова) Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН.

E-mail:svbereznitsky@yandex.ru

© Березницкий С.В., 2017

plan of the Petropavlovsk harbor. As a painter, he made sketches of the aboriginal peoples, nature and wildlife. As a researcher, he was the author of several works summarizing ethnographic, geographical, and historical facts about northeast Russia of the XVIII century. Ethnographic materials about the Chukchi, Eskimos, and other indigenous peoples of Chukchi Peninsula, Alaska and the Kuril Islands were collected under his instruction.

Keywords: Russian science, XVIII century, academic expeditions, Friedrich Plenisner, ethnographic materials, museum collections

В XVII – первой половине XVIII вв. исследованиями Дальнего Востока России, островов Тихого океана, побережья Северной Америки занимались русские казаки, военные, мореплаватели, промышленники, ученые. Всему миру известны имена и достижения С. Дежнева, М. Стадухина, В. Атласова, М. Гвоздева, С. Крашенинникова, В. Беринга, А. Чирикова, Г. Стеллера, Я. Линденау, Г. Миллера. Уже в середине XVII в. было выяснено, что Евразия и Северная Америка разделены проливом. Однако лишь через десятилетия эти данные были введены в научный оборот в результате исследовательской работы в сибирских архивах Г.Ф. Миллера. Важными пунктами освоения и исследования Чукотки, Камчатки, охотского побережья и тихоокеанских островов были Якутский и Анадырский остроги. В результате работы Камчатских экспедиций 1725-1743 гг. были собраны колоссальные сведения в области ряда естественных и гуманитарных наук о берегах Ледовитого океана, об устьях сибирских рек, о Курильских островах, созданы географические карты Сибири, Дальнего Востока и Северной Америки [23, с. 166-212]. Этнографическая информация о коренных народах фиксировалась на основе разработанных Академией наук, Г.Ф. Миллером и другими учеными, инструкций и программ.

Таким образом, к моменту появления Фридриха Плениснера на северо-востоке в качестве командира Анадырского острога в 1760-х гг. российская наука уже располагала этнографическими, географическими, геодезическими, гидрографическими, климатическими, ботаническими и другими сведениями об этом огромном регионе.

Плениснер был знаком с выдающимися людьми своего времени: Ф.И. Соймоновым, В.И. Берингом, Г.Ф. Миллером, Г.В. Стеллером. Сотрудничество с ними благотворно сказалось на его научно-организационной работе, исследовать которую можно на основе методологии микроистории. Тезис «История через личность»

применяется по отношению к людям, не входящим в плеяду великих, знаменитых, всемирно известных, но внесших определенный вклад в жизнь своей эпохи [36, с. 7].

Именно к такой категории людей относился Фридрих Плениснер, он же Федор Христианович, Федор Христофорович Пленистер, Пленснер, Пленшнер, Пленцнер, Пленстнер. Под такими именами был известен в России прибалтийский немец, выходец из Курляндии, родившийся в 1713 г. в Риге в семье музыканта и умерший в Санкт-Петербурге в конце 1770-х гг. Точную дату его рождения удалось установить из его письма Г.Ф. Миллеру от 1775 г. [Российский государственный архив древних актов, далее – РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 546. Ч. 8. Д. 6. Л. 3-4об.].

Эпизоды биографии и деятельности Плениснера освещены в публикациях XIX-XXI вв. [39, с. 37-46; 49, 57-58, 62; 40, с. 46-51; 9, с. 117-118; 8, с. 56-60; 22, с. 15-17; 47, с. 179; 21, с. 42-44; 26, с. 709; 10, с. 335-344].

С 1730 по 1735 гг. Ф. Плениснер служил в Конной гвардии, но за проступок был сослан в Сибирь вместе с рейтаром Андреем Фурманом (РГАДА. Ф. 248. Оп. 20. Д. 1327. Л. 605). В 1736-1737 гг. в Якутске Плениснер познакомился с В. Берингом, который помог ему занять пост начальника артиллерии Охотского порта. По приглашению Беринга Плениснер участвовал с 1740 по 1742 гг. во Второй Камчатской экспедиции в качестве живописца и топографа. Он занимался раскрашиванием морских судов, начертил карту Камчатки и план Петропавловской гавани, сделал зарисовки аборигенов, природы и животного мира. Во многих изданиях, начиная со знаменитой книги «Описание земли Камчатки» С.П. Крашенинникова, опубликованы варианты гравюр с изображением алеута в лодке, морской коровы, сивуча, морского котика. В некоторых трудах эти рисунки приписываются С. Вакселю или неизвестному художнику [11, с. 196, 201, 257]. Однако автором первоначальных рисунков, с которых впоследствии

были сделаны гравюры, является Ф. Плениснер [44, с. 68, 138, 162-163]. Эти рисунки Плениснера были приложены к рукописи Вакселя о Второй Камчатской экспедиции [13].

На пакетботе В. Беринга «Св. Петр» Плениснер в 1741 г. посетил берега Северной Америки, во время плавания подружился с Г.В. Стеллером, который впоследствии высоко отзывался о его моральных качествах [46, с. 332-333]. В августе 1742 г. Плениснера отослали из Второй Камчатской экспедиции в Большерецкую приказную избу и он возвратился из ссылки в Санкт-Петербург.

В 1747 г. Плениснер служил в галерном флоте в войне со Швецией, в 1748 г. – в войне за австрийское наследство, затем капитаном в Вятском пехотном полку, в 1751 г. – секунд-майором в Оренбургском гарнизоне, секунд и премьер-майором в 1752-1753 гг. в Якутском пехотном полку, на китайской границе. В 1760 г. по ходатайству сибирского губернатора Ф.И. Соймонова Плениснер был назначен командиром Анадырского острога, с производством в подполковники. Этот острог, основанный на острове р. Анадырь в 480 км от устья участниками похода С.И. Дежнева в 1649 г., в течение ста лет играл важную роль в закреплении за Россией Чукотки, в процессе включения чукчей в российское подданство в XVIII в., посредством Анадырской секретной экспедиции, ряда военных походов и других мероприятий [24, с. 147-149; 1, с. 44; 19, с. 3-4; 20, с. 71; 18, с. 231-237; 7, с. 70, 74; 14, с. 134-136; 40, с. 41-42; 5, с. 76, 80]. Плениснер прибыл в Анадырский острог 6 января 1763 г. на место умершего весной 1758 г. командира И.С. Шмалева [2, с. 24-25]. В 1764-1772 гг. Плениснер продолжил службу на северо-востоке в качестве главного командира огромного Охотско-Камчатского края. В 1765 г. он получил звание полковника. В соответствии с пунктами выданной ему Соймоновым инструкции в 1760-х гг. Плениснер совершал поездки по Чукотскому полуострову, организовывал сухопутные и морские экспедиции по исследованию Чукотки, Медвежьих и Курильских островов, акватории Охотского моря. По его указанию собирались ценные этнографические материалы о чукчах, эскимосах, других коренных народов Чукотки и Аляски.

С 1772 по 1774 г. Плениснер находился под следствием по ряду возбужденных против него дел. Его обвиняли в гибели кораблей, морских экипажей, грузов, подозревали, что он помог ссыльному полковнику польских конфедератов

М.А. Беневскому (1746-1786) бежать с Камчатки [40, с. 46-51].

В 1774 г. Плениснер вышел в отставку и уехал к семье в Тобольск. В 1776 г. выехал вместе с семьей в Санкт-Петербург, где умер в 1778 или 1779 г. Имеется указ Сената 1779 г. о назначении пенсии Плениснеру.

Определив основные черты деятельности Плениснера, можно показать его вклад в развитие истории, этнографии, географии, картографии северо-востока России XVIII в. Историческая биография через личность исследует эпоху, выбранный индивид является действующим лицом истории, хотя и не играет в ней главную роль, так как не относится к выдающимся деятелям, а остается в тени великих [36, с. 6-7]. Однако его нельзя считать человеком случайным, так как и на втором плане он занимается важными для социума, государства, культуры и науки делами. Можно исследовать эволюцию его личности, с одной стороны, как субъект научной деятельности, с другой – как объект социокультурного влияния среды, в которой проходило его формирование, в том числе и как ученого. Необходимо учитывать общую картину состояния науки конкретного периода, чтобы показать вклад исследуемого персонажа в процесс ее развития. Реконструкция жизни такого человека, включение в процесс научного постижения окружающего мира и «творения истории» может служить средством познания всего социума в определенный исторический период [37, с. 345, 351; 35, с. 9].

Историческая наука часто недооценивала случаи нестандартного поведения людей, за которыми скрывалась культурная уникальность эпохи [12, с. 10]. В данном случае Фридрих Плениснер за свое нестандартное поведение был сослан в Сибирь, где впоследствии и началась его научно-организационная деятельность. На этом же основании Плениснер не был официально включен в штат Второй Камчатской экспедиции, а участвовал в ней лишь по приглашению Беринга в качестве художника. В дальнейшей его службе также можно найти случаи не совсем обычного поведения. Например, непонятный пока конфликт Плениснера с членами Второй Камчатской экспедиции в Охотске; отказ Плениснера в выдаче необходимого оборудования для нужд секретной экспедиции П.К. Креницына и М.Д. Левашева. Впоследствии, за самовольный просмотр корреспонденции этой экспедиции он был отдан под суд. Много спорных вопросов возникло с

экспедицией С. Андреева на Медвежьих островах и с несуществующей «Землей Андреева». До сих пор продолжается дискуссия по поводу того, посылал ли Плениснер своего переводчика Н.И. Дауркина в экспедицию по изучению Чукотки или Дауркин совершил побег. По данным А.И. Алексеева, А.С. Зуева Дауркин уехал без разрешения и сам проводил исследования на Чукотском полуострове в 1763-64 гг. [3, с. 58, 77-78, 92-93; 6, с. 80-82; 21, с. 42-44]. П.А. Словоцов, В.И. Греков считали, что Плениснер и Дауркин инсценировали побег последнего, чтобы заручиться помощью его чукотских родственников в перемещении по территории и в сборе научного материала [42, с. 345-347; 16, с. 203-204, 210-211]. Вполне могло быть, что активная исследовательская деятельность Плениснера содействовала развитию поискового интереса Дауркина, который, осознав всю серьезность своего проступка, постарался смягчить вину, приведя часть чукчей в русское подданство и собрав ценные географические и этнографические сведения. В РГАДА хранятся показания Дауркина, который признавался в совершении побега, но без злого умысла (РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 528. Ч. 2. Д. 4. Л. 121об.-124).

Фридрих Плениснер известен как автор нескольких трудов, связанных с обобщением этнографических, географических, картографических и исторических сведений о северо-востоке России XVIII века. Например, «Карта Чукотской земли, составленная Плениснером в 1763 г.», «Река Анадырь по описям Лаптева и Плениснера, 1742 и 1763 г.» [30, с. 120-123; 43, с. 163-166].

В архивах страны хранятся рукописи Плениснера о Камчатке, о реке Анадыре и Анадырском крае, письма к Г.Ф. Миллеру за 1760-е – 1770-е гг., другие ценные материалы (Санкт-Петербургский филиал архива Академии наук, далее – СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10. Д. 137, Д. 139; Российский государственный военно-исторический архив, далее – РГВИА. Кол. 414. Д. 417. Л. 1-5, 10-12; РГАДА. Ф. 24. Д. 36; Ф. 24. Д. 44; РГАДА. Портфели Миллера. Портф. 528. Ч. 1. Д. 18. Л. 11-15об.; Д. 5. Л. 1-9; 43, с. 163-166; 22, с. 15-17). В Российском государственном военно-морском архиве содержатся рапорты Плениснера сибирскому губернатору Д.И. Чичерину; инструкция Плениснера для И. Синдта по исследованию Охотского моря и американского побережья; данные о сборе в 1760-х гг. этнографических данных у чукчей сотником Н. Куркиным по указанию Плениснера (Россий-

ский государственный военно-морской архив, далее – РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 77. Л. 388-395; Ф. 913. Оп. 1. Д. 101. Л. 8 об.-9; Ф. 174. Оп. 1. Д. 18. Л. 306-307; Ф. 172. Оп. 1. Д. 408. Ч. 1. Л. 58-60; 38, с. 11-12, 53-54, 67-69).

Во время участия во Второй Камчатской экспедиции Плениснер занимался зарисовками природы, планами американского побережья, привлекался «...к сочинению описи тамошним берегам и в сему пути, где надлежит быть почтам и строению гаванов и для вымеривания воды и протчего»; «... оной Плениснер в ведомстве Камчатской экспедиции исправлял положенное на него дело, а именно: шести берегов рисунками изображал, також и морских зверей и рыб рисовал исправно...» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 20. Д. 1327. Л. 611, 611об., 615). Таким образом, Плениснер в Камчатской экспедиции не только красил суда, но и проводил географические, гидрографические и другие научные исследования. Выяснить это можно из анализа архивного документа РГАДА «По челобитью лейб-гвардии конного полку бывшего капрала Плениснера о определении за понесенные ево в ссылке в Сибире при Камчатской экспедиции во время разных компаней и вояжей немалые трудности в гарнизонные полки поручиком по рассмотрению Военной коллегии» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 20. Д. 1327. Л. 602-618). В челобитной на имя Елизаветы Петровны Плениснер сообщил данные о своей военной службе в Конной гвардии и в Камчатской экспедиции: «А в бытность при американском берегу, касающиеся по моей должности оному берегу надлежащие разные рисунки прешпектов, також, что касалось по кондукторской должности, сочинены мною именованием, которые от обретающегося там флота капитана Чирикова отосланы в Адмиралтейскую коллегию» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 20. Д. 1327. Л. 604-604об., 611). Однако эти зарисовки американских берегов до сих пор не найдены.

Плениснер является автором небольшой по объему, но ценной этнографическими, историческими и географическими данными заметки о Чукотке и лежащих в море островах: «Замечания полковника Плениснера о Чукотской земле» (РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 46). Данные для нее и для создания впоследствии географической карты Плениснер собрал во время экспедиции по рекам Анадырь и Красная в 1763 г. Кроме непосредственного наблюдения, сведения, по указанию Плениснера, собирались, с помощью знающего язык сотника Никиты Куркина у чукчей, приплывших к устью Красной для промыс-

лов. Часть данных Плениснер позаимствовал у Н. Дауркина, из журналов сержанта С. Андреева, исследовавшего Медвежьих островов, у казаков Анадырского острога, которые еще помнили походы к чукчам Д. Павлуцкого. Плениснер честно писал, что относительно первого похода Д. Павлуцкого в 1731 г. бывшие в нем служители точно не могли вспомнить маршрут и названия рек, поэтому эти данные он не использовал.

В результате организационной деятельности Плениснера были собраны и зафиксированы ценные этнографические сведения об особенностях культуры материковых, приморских и островных групп чукчей, данные об эскимосах и юкагирах, сведения о сложных межэтнических контактах на Чукотке и Курильских островах: «Показания о Чукоцкой земле бывшего в плену у чукчей казака Бориса Кузнецова» (РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 47), «Показание подписанное сибирским губернатором Денисом Чичериным и отобранное от чукотской женщины Иттени о чукотской земле и островах» (РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 48; 34, с. 164-201).

Отдельный важный пласт научно-организационной деятельности Плениснера занимают историко-географические исследования. Именно он дал название архипелагу Медвежьих островов в Восточно-Сибирском море к северу от устья реки Колымы и организовывал их исследования в 1760-1770-х гг. [17], (РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 55, Д. 45). Кроме того Плениснер, на основе обобщения материалов Н. Дауркина и других источников, нарисовал карту Чукотки и предполагаемого побережья Аляски [30, с. 120-123]. Ряд исследователей XIX-XX вв. справедливо указывали на неточности изображенного Плениснером побережья Северной Америки напротив устья Колымы. Имелись сомнения в точности этой карты и у самого Плениснера [30, с. 121-123]. Данную карту он передал в 1777 г. директору Академии наук В.Г. Орлову¹ [9, с. 120-121; 27, с. 11-128; 29, с. 31-33; 28, с. 48].

В 1765 г. Плениснер написал эссе об истории освоения Америки европейскими путешественниками и о проливе между Азией и Америкой: «Замечания полковника Плениснера о том, что в древние времена Америка была соединена с Азией» (РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 44). Эта ста-

¹ Граф Владимир Григорьевич Орлов (1743-1831), генерал-поручик (1775), директор Петербургской Академии наук при президенте К.Г. Разумовском (1728-1803), возглавлявшем ее более пятидесяти лет с 1746 по 1798 гг.

тья Плениснера была частично опубликована в работе Н.Н. Зубова и К.С. Бадигина об истории исследования Медвежьих островов [17, с. 84-85]. Плениснер подчеркивал, что русские исследователи собрали гораздо больше сведений о Северной Америке, чем английские и голландские. Здесь же он отводил большое место собственным изысканиям и карте северо-востока Азии. В опущенной Зубовым и Бадигиным части эссе Плениснер привел исторические сведения, связанные с открытием Америки в результате плаваний А. Веспуччи и Х. Колумба, кратко осветил заселение американского континента в результате миграций людей через беринговский перешеек. По мнению Плениснера, это были потомки Ноя, спасшиеся и размножившиеся, согласно библейским мифам, после всемирного потопа. В завершении своей работы Плениснер заверил, что если бы поступило распоряжение российских властей, то можно было бы присоединить к России огромную часть Северной Америки, включая Калифорнию.

В результате научно-организационной деятельности Плениснера в 1766-1769 гг. были обследованы Курильские острова, а в Кунсткамеру отправлена коллекция этнографических предметов, иллюстрирующих культуру курильских айнов и их этнокультурные контакты с японцами. А.С. Сгибнев описал историю начала торговых отношений России с Японией и с коренными жителями Курильских островов в XVIII в. [41, с. 37-72]. Первые достоверные сведения о Курильских островах доставили экспедиции 1711-1713-х гг. И. Козыревского и Д. Анциферова, 1720-х гг. – геодезистов И. Евреинова и Ф. Лукина, 1738-1739-х гг. – М.П. Шпанберга и в начале 1740-х гг. Г.В. Стеллера – участников Второй Камчатской экспедиции. С.П. Крашенинников, проводивший исследования на Камчатке в 1737-1741 гг., одним из первых русских ученых попытался собирать сведения о культуре и языке японцев и отсылать их Г.Ф. Миллеру. При отправлении на Курилы сборщика ясака С. Плишкина Крашенинников поручил ему приобрести у жителей остров образцы японской письменности для последующей пересылки в Кунсткамеру [25, с. 564, 566, 604; 24, с. 112].

Тойон Сторожев в 1750-53 гг. по указанию Большерецкой канцелярии посетил первые от Камчатки 16 остров Курильской гряды, чтобы вернуть уехавших на дальние острова айнов, спасавшихся от грабежей сборщиков ясака для российской казны, и собрал этнографические материалы об айнах [41, с. 46]. Однако все из-

вестные сведения, а также сообщения японцев о Курилах не удовлетворили исследовательский интерес Ф.И. Соймонова, узнавшего о том, что острова независимы от Японии. Поэтому он в начале 1761 г. дал указание и инструкцию командиру Анадырского острога Ф. Плениснеру организовать комплексное обследование Курильских островов [33, с. 51-54]. Необходимо было прежде всего выяснить численность населения на островах, в том числе ясачного, глубины проливов между островами, занятия жителей и возможность приведения их в российское подданство.

Выполнение задания Ф.И. Соймонова совпало для Ф. Плениснера со сложнейшими мероприятиями по закрытию Анадырского острога. Плениснер провел тщательное исследование, пришел к выводу о военной нецелесообразности и экономической невыгодности Анадырского острога и в 1764 г. предложил его ликвидировать. В результате был издан указ, утвержденный в 1766 г. Екатериной II, об упразднении Анадырской крепости. Ф. Плениснер занимался организацией перевода гарнизона, перевозки различного имущества в Гижигинскую крепость, Охотский порт.

В этот же период Плениснер несколько раз пытался направить тойонов Шумшу и Парамушира для обследования Курильских островов [33, с. 54-57; 41, с. 46; 4, с. 67-68.]. В 1764 г. на Камчатке он поручил это дело камчатскому тойону Я. Бутину, который согласился сделать айнов подданными Российской империи, но в следующем году Бутин умер. В 1765 г. Плениснер передал исполнение инструкции Соймонова камчатскому командиру капитан-лейтенанту И.С. Извекову. Для приведения айнов в подданство был послан тойон Н. Чикин, получивший в январе 1766 г. инструкцию Большерецкой канцелярии, но также внезапно умерший в том же году. В результате, задание Соймонова-Плениснера выполнял сотник Иван Черный в 1766-1769 гг. [32, с. 56-72; 38, с. 132-140].

И. Черный собрал данные о Макарнуши, Онекотане, Шиашкотане, Матуа, Расшуа, Кетое, Симушире, Уруп, Итурупе и других островах, привел в подданство часть населения островов Уруп и Итуруп. Благодаря А.С. Полонскому журнал Черного был введен в научный оборот [32, с. 56-72; 38, с. 132-140]. Материалы экспедиции Черного в 1766-1769 гг. были основными научными данными о Курилах вплоть до конца XIX в. М.В. Хартанович обобщила архивные и опубликованные сведения о процессе сбора эт-

нографических коллекций для Кунсткамеры в XVIII в. на Тихоокеанских островах, в том числе и на Курилах, кратко показала деятельность И. Черного, и, самое главное, привела описание собранной им коллекции: предметы оружия, утвари, одежды, украшений и т.п. [45, с. 145-155].

Мотивация сбора этнографической коллекции была связана больше не с научными целями, а с выяснением условий возможной торговли с жителями Курильских островов, с японцами, как это следует из инструкции Большерецкой канцелярии для сотника И. Черного: собирать не только сведения о географии, гидрологии и гидрографии, фауне и флоре островов, но и данные о материальной и духовной культуре, быте и хозяйстве жителей [4, с. 67]. Можно предположить, что часть коллекции представляет собой отдельные предметы, полученные сотником Черным в качестве своеобразного ясака айнов (особенно меч, отделанный драгоценным металлом), которыми (как и своим дневником) он хотел хоть как-то задобрить следственные органы, разбиравшие впоследствии его крайне жестокое отношение к коренным жителям Курил. Суд не состоялся, так как сотник И. Черный умер от оспы по прибытию в Иркутск в 1771 г.

Иркутский губернатор А.И. Бриль сообщал директору Академии наук В.Г. Орлову о том, что в 1770 г. он получил от Ф. Плениснера айную коллекцию, собранную на Курилах сотником Большерецкого острога И. Черным. Затем она, при этом же письме, была переслана в Академию наук В.Г. Орлову 28 февраля 1774 г., а копия журнала сотника отправлена в Правительствующий Сенат [8, с. 60; 26, с. 337-338], (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 1. Л. 46-48). Ф.И. Соймонов, Ф.Х. Плениснер, И. Черный каждый на своем посту, приложили все возможные усилия для того, чтобы коллекция айных предметов появилась в Кунсткамере в последней четверти XVIII в. Попытки привести айнов в российское подданство и установить торговые отношения с Японией были продолжены действиями иркутского губернатора А.И. Бриля, который выслал в ноябре 1772 г. инструкцию об организации экспедиции очередному командиру Камчатки премьер-майору М.К. Бему [38, с. 142-143].

Наиболее ценным для науки трудом Плениснера является его рукопись об истории освоения русскими людьми северо-востока, об этапах существования и ликвидации Анадырского острога «...о начале Анадырского острогу...». Эта рукопись известна в трех основных вариан-

тах и хранится в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 528. Ч. 2. Д. 4. Л. 1-36об.; Ф. 263. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 13. Д. 113. Л. 55-113) и в Санкт-Петербургском филиале архива Академии наук (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10. Д. 137). Это представление Плениснера от октября 1763 г. сибирскому губернатору Ф.И. Соймонову, в котором собрана ценная историческая и этнографическая информация.

Анализ рукописи показал, что Плениснер впервые сделал попытку создать историко-этнографический очерк о процессе освоения русскими людьми северо-востока Азии с XVII в. до 1760-х гг., дал подробное описание Анадырского острога с указанием причин его ликвидации. Плениснер предложил перевести всю команду острога с женами и детьми в Гижигинскую крепость, так как она располагалась на морском побережье и в нее можно было доставлять провиант и другие необходимые грузы из Охотска морем.

В рукописи имеется много ценного этнографического материала по истории, культуре и межэтническим контактам коряков, чуванцев, чукчей, юкагиров, якутов, подробное описание методики подготовки и проведения экспедиций на оленьих и собачьих упряжках, ценные замечания об особенностях сурового климата, фауны и флоры региона, о технологии выживания в экстремальных условиях Севера, сведения о топонимике, географических объектах Чукотки и Камчатки. Данная рукопись была не только представлена Плениснером сибирскому губернатору Ф.И. Соймонову, но и прислана в Академию при указе Правительствующего Сената [15, с. 5]. Таким образом, отчет Ф. Плениснера привлек внимание Академии наук в сфере его использования для пополнения исторических и географических знаний об этом далеком регионе. Кроме того, в рукописи содержится информация о многих российских путешественниках, военных, ученых того времени. Например, о первопроходцах С. Дежнев и В. Атласов; о капитане Д.И. Павлуцком и казачьем голове А. Шестакове; о И.К. Тауберте, одном из руководителей Кунсткамеры в 1740-х гг.; о Лоренце Ланге, русском дипломате шведского происхождения, руководителе торговых караванов в Китай, торговом агенте Петра I в Пекине, вице-губернаторе Иркутской провинции, авторе исторических и этнографических трудов; о В.В. Якоби, селенгинском коменданте, командире Якутского полка; о Х.Х. Киндермане, г.-майоре, начальнике сибирских пограничных

линий; о купцах и других исторических персонажах того времени.

В своей рукописи Ф. Плениснер сделал обобщение различных документов канцелярий Анадырского и Якутского острогов за период с 1649 по 1761 гг.: указов Е.И.В., Правительствующего Сената, различных коллегий и ведомств, Сибирского приказа, промеморий, донесений, рапортов, результатов устных опросов и т.п. В результате Плениснер нарисовал общую историческую картину развития не только Анадырского острога указанного периода, но и огромной территории северо-востока России: Чукотки, Камчатки, Курильских и других островов. Главный акцент Плениснер сделал на освещении сложных отношений русских центральных и местных властей, казаков, солдат, служилых и других категорий с коренными народами региона: коряками, чукчами, юкагирами. Плениснер показал, что часть из них платила ясак и была приведена в российское подданство. Другая часть, названная «немирными», всячески противилась вооруженному пути интеграции в российское государство.

В целом, исследование жизни и деятельности Фридриха Плениснера во второй половине XVIII в. показывает не только его важный вклад в развитие российской науки, но и многогранный дух эпохи просвещения, периода активного накопления отечественной наукой новых знаний по этнографии и истории, географии, картографии Чукотки, Камчатки, Курильских островов, северо-западного побережья Северной Америки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А.И. Береговая черта. Магадан: Кн. изд-во, 1987.
2. Алексеев А.И. Братья Шмалевы. Исторический очерк. Магадан: Кн. изд-во, 1958.
3. Алексеев А.И. Колумбы росские. Магадан: Кн. изд-во, 1966.
4. Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки до конца XIX века. М.: Наука, 1982.
5. Алексеев А.И. Охотск – колыбель русского тихоокеанского флота. Хабаровск: Кн. изд-во, 1958.
6. Алексеев А.И. Судьба Русской Америки. Магадан: Кн. изд-во, 1975.
7. Алексеев А.И. Сыны отважные России. Магадан: Кн. изд-во, 1970.
8. Андреев А.И. Русские открытия в Тихом океане в XVIII веке. Обзор источников и ли-

тературы // Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке / под ред. А.И. Андреева. М.: ОГИЗ. 1948. С. 5-76.

9. Берг Л.С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга 1725-1742. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1935.

10. Березницкий С.В. Исследования Фридриха Плениснера на северо-востоке России в XVIII веке (историографический аспект) // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2016 г. / отв. ред. Ю.К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 335-344.

11. Беринг В.И. Камчатские экспедиции. М.: Эксмо; Око, 2013.

12. Бессмертный Ю.Л. Что за «Казус»? // Казус. 1996. Вып. 1. С. 10.

13. Ваксель С. Вторая камчатская экспедиция Витуса Беринга / под ред. А.И. Андреева. Л.-М.: Изд-во Главсевморпути, 1940.

14. Вдовин И.С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.-Л.: Наука, 1965.

15. Гнучева В.Ф. Материалы для истории экспедиций Академии Наук в XVIII и XIX веках. Хронологические обзоры и описание архивных материалов. М.-Л.: АН СССР, 1940.

16. Греков В.И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725-1765 гг. М.: АН СССР, 1960.

17. Зубов Н.Н., Бадигин К.С. Разгадка тайны Земли Андреева. М.: Военно-морское изд-во Военно-морского министерства СССР, 1953.

18. Зуев А.С. К вопросу об изучении так называемой «чукотской войны» (30-70-е гг. XVIII в.) // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII-XIX вв. Т. 2 / под ред. А.Р. Артемьева. Владивосток, 1995. С. 231-237.

19. Зуев А.С. Поход Д.И. Павлуцкого на Чукотку в 1731 г. // Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII-XX вв.): Бахрушинские чтения 1998 г.; Межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В.И. Шишкина. Новосибирск, 2001. С. 3-4.

20. Зуев А.С. Приказчики камчатских острогов в 1700-1731 гг. // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII-XIX вв. Т. 4 / под ред. А.Р. Артемьева. Владивосток, 2003. С. 71.

21. Зуев А.С. Ф.Х. Плениснер как исследователь Северо-востока Азии // «Aus Sibirien – 2005»: научно-информационный сборник / под ред. А.П. Яркова. Тюмень: Экспресс, 2005. С. 42-44.

22. Косвен М.О. Местная этнография Сибири в XVIII в. // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. 6. ТИЭ. Т. 102. М.: Наука, 1974. С. 5-44.

23. Косвен М.О. Этнографические результаты Великой Северной экспедиции 1733-1743 гг. // Сибирский этнографический сборник. Вып. 3. М.-Л., 1961. С. 166-212.

24. Костанов А.И. Документальная история Сибири XVII – середина XIX вв. (Историко-архивоведческое исследование). Владивосток: Дальнаука, 2007.

25. Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. С приложением рапортов донесений и других неопубликованных материалов. М.-Л., 1949.

26. Летопись Кунсткамеры. 1714-1836 / отв. ред. Н.П. Копанева, Ю.К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2014.

27. Медушевская О.М. Картографические источники по истории русских географических открытий на Тихом океане во второй половине XVIII века // Труды Московского гос. историко-арх. ин-та. Т. 7. М., 1954. С. 111-128.

28. Пасецкий В.М. Русские открытия и исследования в Арктике. Первая половина XIX в. Л.: Гидрометеиздат, 1984.

29. Пасецкий В.М. Фердинанд Петрович Врангель (1796-1870). М.: Наука, 1975.

30. [Плениснер Ф.Х.] Карта Чукотской земли, составленная Плениснером в 1763 г. // Записки Гидрографического департамента Морского министерства, издаваемые с высочайшего разрешения. Т. 10. СПб., 1852. С. 120-123.

31. Полонский А.С. Курилы // Записки ИРГО по отделению этнографии. Т. IV. СПб., 1871. С. 367-576.

32. Полонский А.С. Курилы. СПб.: Типография Майкова, 1871.

33. Полонский А.С. Курилы // Краеведческий бюллетень. 1994. Вып. 3. С. 3-86.

34. Разные известия и показания о Чукотской земле // Северный архив. 1825. № 22. Ч. XVIII. С. 164-201.

35. Репина Л.П. Вместо предисловия // История через личность: Историческая биография сегодня / под ред. Л.П. Репиной. М.: Квадрига, 2010. С. 5-16.

36. Репина Л.П. От исторической биографии к биографической истории // В тени великих: образы и судьбы / отв. ред. Л.П. Репина. СПб.: Алетейя, 2010. С. 5-18.

37. Репина Л.П. Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социальной памяти // Сотворение Истории. Человек – Память – Текст / ред. Е.А. Вишленкова. Казань: Мастер Лайн, 2001. С. 344-360.

38. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в.: сборник документов. М.: Наука, 1989.

39. Сгибнев А.С. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. 1759-1772. Ч. III // Морской сборник. 1869. № 6. С. 36-69.

40. Сгибнев А.С. Охотский порт с 1649 по 1852 г. (Исторический очерк) // Морской сборник. 1869. № 11. С. 1-93.

41. Сгибнев А.С. Попытки русских к заведению торговых сношений с Японией в XVIII в. и в начале XIX столетия // Морской сборник. 1869. № 1. С. 37-72.

42. Словцов П.А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. М.: Вече, 2006.

43. Соколов А. Река Анадырь по описям Лаптева и Плениснера, 1742 и 1763 г. // Записки Гидрографического департамента Морского министерства, издаваемые с высочайшего разрешения. Т. 10. СПб., 1852. С. 163-166.

44. Стеллер Г.В. Дневник плавания с Берингом к берегам Америки 1741-1742. М.: АО изд-во «ПАН», 1995.

45. Хартанович М.В. К истории приобретения коллекций по этнографии народов островов Тихого океана для Кунсткамеры Академии наук во второй половине XVIII в. // Вестник ДВО РАН. 2015. № 5. С. 145-155.

46. Штеллер Г.В. Письма и документы 1740. М.: Памятники исторической мысли, 1999.

47. Элерт А.Х. Народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН. 1999.

REFERENCES

1. Alekseev, A.I., 1987. Beregovaya cherta [Coastline]. Magadan: Kn. izd-vo. (in Russ.)

2. Alekseev, A.I., 1958. Brat'ya Shmalevy. Istoricheskiy ocherk [Shmalev brothers. Historical essay]. Magadan: Kn. izd-vo. (in Russ.)

3. Alekseev, A.I., 1966. Kolumby rosskie [The Columbuses of Russia]. Magadan: Kn. izd-vo. (in Russ.)

4. Alekseev, A.I., 1982. Osvoenie russkimi lyud'mi Dal'nego Vostoka i Russkoi Ameriki do kontsa XIX veka [Exploration of the Far East and Russian America by the Russians up to the end of the XIXth century]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

5. Alekseev, A.I., 1958. Okhotsk – kolybel' russkogo tikhookeanskogo flota [Okhotsk – the cradle of the Russian Pacific Fleet]. Khabarovsk: Kn. izd-vo. (in Russ.)

6. Alekseev, A.I., 1975. Sud'ba Russkoi Ameriki [The fate of Russian America]. Magadan: Kn. izd-vo. (in Russ.)

7. Alekseev, A.I., 1970. Syny otvazhnye Rossii [Brave sons of Russia]. Magadan: Kn. izd-vo. (in Russ.)

8. Andreev, A.I. Russkie otkrytiya v Tikhom okeane v XVIII veke. Obzor istochnikov i literatury [Russian discoveries in the Pacific in the XVIIIth century. Review of sources and literature]. In: Andreev, A.I. ed., 1948. Russkie otkrytiya v Tikhom okeane i Severnoi Amerike v XVIII veke. Moskva: OGIz, pp. 5-76. (in Russ.)

9. Berg, L.S., 1935. Otkrytie Kamchatki i ekspeditsii Beringa 1725-1742 [The discovery of Kamchatka and the expedition of Bering, 1725-1742]. Leningrad: Izd-vo Glavsevmorputi. (in Russ.)

10. Berezniisky, S.V., 2017. Issledovaniya Fridrikha Plenisnera na severo-vostoke Rossii v XVIII veke (istoriograficheskiy aspekt) [The researches of Friedrich Plenisner in the northeast of Russia in the XVIIIth century (historiographical aspect)]. In: Radlovskii sbornik: Nauchnye issledovaniya i muzeinye proekty MAE RAN v 2016 g. Sankt-Peterburg: MAE RAN, 2017., pp. 335-344. (in Russ.)

11. Bering, V.I., 2013. Kamchatskie ekspeditsii [The Kamchatka expeditions]. Moskva: Eksmo; Oco. (in Russ.)

12. Bessmertnyi, Yu.L., 1996. Chto za «Kazus»? [What is "Casus"?], Kazus, no. 1, pp. 10. (in Russ.)

13. Vaksel', S., 1940. Vtoraya kamchatskaya ekspeditsiya Vitusa Beringa [The second Kamchatka expedition of Vitus Bering]. Moskva-Leningrad: Izd-vo Glavsevmorputi. (in Russ.)

14. Vdovin, I.S., 1965. Ocherki istorii i etnografii chukchei [Essays on the history and ethnography of the Chukchi]. Moskva-Leningrad: Nauka. (in Russ.)

15. Gnucheva, V.F., 1940. Materialy dlya istorii ekspeditsii Akademii Nauk v XVIII i XIX vekakh. Khronologicheskie obzory i opisaniye arkhivnykh materialov [Materials for the history of expeditions of the Academy of Sciences in the XVIIIth and XIXth centuries. Chronological reviews and description of archival materials]. Moskva-Leningrad: AN SSSR. (in Russ.)

16. Grekov, V.I., 1960. Ocherki iz istorii russkikh geograficheskikh issledovaniy v 1725-1765 gg. [Essays on the history of Russian geographical research in 1725-1765]. Moskva: AN SSSR. (in Russ.)

17. Zubov, N.N. and Badigin, K.S., 1953. Razgadka tainy Zemli Andreeva [Unravelling the mystery of Andreev's Land]. Moskva: Voennomorskoe izd-vo Voennomorskogo ministerstva SSSR. (in Russ.)

18. Zuev, A.S., 1995. K voprosu ob izuchenii tak nazyvaemoi «chukotskoi voiny» (30-70-e gg. XVIII v.) [Towards the issue of studying of the so-called "Chukchi war", 1730s-1770s]. In: Artem'ev, A.R. ed., 1995. Russkie pervopokhodtsy na Dal'nem Vostoke v XVII-XIX vv. T. 2. Vladivostok, pp. 231-237. (in Russ.)
19. Zuev, A.S., 2001. Pokhod D.I. Pavlutskogo na Chukotku v 1731 g. [The campaign of D. Pavlutsky to Chukchi Peninsula in 1731]. In: Shishkin, V.I. ed., 2001. Aktual'nye problemy sotsial'no-politicheskoi istorii Sibiri (XVII-XX vv.): Bakhruzhinskii chteniya 1998 g.: Mezhdvuz. sb. nauch. tr. Novosibirsk, pp. 3-4. (in Russ.)
20. Zuev, A.S., 2003. Prikazchiki kamchatskikh ostrogov v 1700-1731 gg. [The stewards of the Kamchatka stockladed towns in 1700-1731]. In: Artem'ev, A.R. ed., 2003. Russkie pervopokhodtsy na Dal'nem Vostoke v XVII-XIX vv. T. 4. Vladivostok, p. 71. (in Russ.)
21. Zuev, A.S., 2005. F.Kh. Plenisner kak issledovatel' Severo-vostoka Azii [F.Kh. Plenisner as an explorer of Northeast Asia]. In: Yarkov, A.P. ed., 2005. «Aus Sibirien – 2005»: nauchno-informatsionnyi sbornik. Tyumen: Ekspres, pp. 42-44. (in Russ.)
22. Kosven, M.O., 1974. Mestnaya etnografiya Sibiri v XVIII v. [Local ethnography of Siberia in the XVIIIth century]. In: Ocherki istorii russkoi etnografii, fol'kloristiki i antropologii. Vyp. 6. T. 102. Moskva: Nauka, pp. 5-44. (in Russ.)
23. Kosven, M.O., 1961. Etnograficheskie rezul'taty Velikoi Severnoi ekspeditsii 1733-1743 gg. [Ethnographic results of the Great Northern Expedition of 1733-1743]. In: Sibirskii etnograficheskii sbornik. Vyp. 3. Moskva-Leningrad, pp. 166-212. (in Russ.)
24. Kostanov, A.I., 2007. Dokumental'naya istoriya Sibiri XVII – seredina XIX vv. (Istoriko-arkhivovedcheskoe issledovanie) [Documentary history of Siberia, XVIIth – mid-XIXth century (Historical and archivist research)]. Vladivostok: Dal'nauka. (in Russ.)
25. Krasheninnikov, S.P., 1949. Opisanie zemli Kamchatki. S prilozheniem raportov, donesenii i drugikh neopublikovannykh materialov [Description of Kamchatka. With the application of reports and other unpublished materials]. Moskva-Leningrad. (in Russ.)
26. Letopis' Kunstkamery. 1714-1836 [Annals of the Kunstkamera. 1714-1836]. Sankt-Peterburg: MAE RAN, 2014. (in Russ.)
27. Medushevskaya, O.M., 1954. Kartograficheskie istochniki po istorii russkikh geograficheskikh otkrytii na Tikhom okeane vo vtoroi polovine XVIII veka [Cartographic sources on the history of Russian discoveries in the Pacific in the second half of the XVIIIth century]. In: Trudy Moskovskogo gos. istoriko-arkh. in-ta. T. 7. Moskva, pp. 111-128. (in Russ.)
28. Pasetskii, V.M., 1984. Russkie otkrytiya i issledovaniya v Arktike. Pervaya polovina XIX v. [Russian discoveries and research in the Arctic. The first half of the XIXth century]. Leningrad: Gidrometeoizdat. (in Russ.)
29. Pasetskii, V.M., 1975. Ferdinand Petrovich Vrangel' (1796-1870) [Ferdinand Petrovich Wrangel (1796-1870)]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
30. [Plenisner F.Kh.] Karta Chukotskoi zemli, sostavlennaya Plenisnerom v 1763 g. [Map of the Chukchi Land made by Plenisner in 1763]. In: Zapiski Gidrograficheskogo departamenta Morskogo ministerstva, izdavaemye s vysochaishego razresheniya. T. 10. Sankt-Peterburg, 1852, pp. 120-123. (in Russ.)
31. Polonskii, A.S., 1871. Kurily [Kuril Islands], Zapiski IRGO po otdeleniyu etnografii, T. IV, pp. 367-576. (in Russ.)
32. Polonskii, A.S., 1871. Kurily [Kuril Islands]. Sankt-Peterburg: Tipografiya Maikova. (in Russ.)
33. Polonskii, A.S., 1994. Kurily [Kuril Islands], Kraevedcheskii byulleten', no. 3, pp. 3-86. (in Russ.)
34. Raznye izvestiya i pokazaniya o Chukotskoi zemle [Various news and reports about the Chukchi land], Severnyi arkhiv, 1825, no. 22, pp. 164-201. (in Russ.)
35. Repina, L.P., 2010. Vmesto predisloviya [Instead of the preface]. In: Repina, L.P. ed., 2010. Istoriya cherez lichnost': istoricheskaya biografiya segodnya. Moskva: Kvadriga, pp. 5-16. (in Russ.)
36. Repina, L.P., 2010. Ot istoricheskoi biografii k biograficheskoi istorii [From the historical biography to the biographical history]. In: Repina, L.P. ed., 2010. V teni velikikh: obrazy i sud'by. Sankt-Peterburg: Aleteiya, pp. 5-18. (in Russ.)
37. Repina, L.P., 2001. Personal'nye teksty i «novaya biograficheskaya istoriya»: ot individual'nogo opyta k sotsial'noi pamyati [Personal texts and the "new biographical history": from individual experience to social memory]. In: Vishlenkova, E.A. ed., 2001. Sotvorenii Istorii. Chelovek – Pamyat' – Tekst. Kazan': Master Lain, pp. 344-360. (in Russ.)
38. Russkie ekspeditsii po izucheniyu severnoi chasti Tikhogo okeana vo vtoroi polovine XVIII v.: sbornik dokumentov [Russian expeditions to explore the northern part of the Pacific Ocean in the second half of the XVIIIth century: collection of documents]. Moskva: Nauka, 1989. (in Russ.)
39. Sgibnev, A.S., 1869. Istoricheskii ocherk glavneishikh sobytii v Kamchatke. 1759-1772. Ch. 3 [Historical outline of the main events in Kamchatka. 1759-1772. Part III], Morskoi sbornik, no. 6, pp. 36-69. (in Russ.)
40. Sgibnev, A.S., 1869. Okhotskii port s 1649 po 1852 g. (Istoricheskii ocherk) [The port of Okhotsk from 1649 to 1852. Historical sketch], Morskoi sbornik, no. 11, pp. 1-93. (in Russ.)
41. Sgibnev, A.S., 1869. Popytki russkikh k zavedeniyu torgovykh snoshenii s Yaponiei v XVIII v. i v nachale XIX stoletiya [Attempts of the Russians to establish commercial relations with Japan in the XVIIIth – the beginning of the XIXth century], Morskoi sbornik, no. 1, pp. 37-72. (in Russ.)
42. Slotsov, P.A., 2006. Istoriya Sibiri. Ot Ermaka do Ekateriny II [History of Siberia. From Ermak to Catherine II]. Moskva: Veche. (in Russ.)
43. Sokolov, A., 1852. Reka Anadyr' po opisyam Lapteva i Plenisnera, 1742 i 1763 g. [The Anadyr river as it appears in the descriptions by Laptev and Plenisner, 1742 and 1763]. In: Zapiski Gidrograficheskogo departamenta Morskogo ministerstva, izdavaemye s vysochaishego razresheniya. T. 10. Sankt-Peterburg, pp. 163-166. (in Russ.)
44. Shteller, G.V., 1995. Dnevnik plavaniya s Beringom k beregam Ameriki 1741-1742 [Diary of the voyage to the coast of America with Bering, 1741-1742]. Moskva: AO izd-vo «PAN». (in Russ.)
45. Khartanovich, M.V., 2015. K istorii priobreteniya kollektsii po etnografii narodov ostrovov Tikhogo okeana dlya Kunstkamery Akademii nauk vo vtoroi polovine XVIII v. [Towards the history of the acquisition of the collections on the ethnography of the peoples of the Pacific Islands for the Kunstkamera in the second half of the XVIIIth century], Vestnik DVO RAN, no. 5, pp. 145-155. (in Russ.)
46. Shteller, G.V., 1999. Pis'ma i dokumenty 1740 [Letters and documents, 1740]. Moskva: Pamyatniki istoricheskoi mysli. (in Russ.)
47. Elert, A.Kh., 1999. Narody Sibiri v trudakh G.F. Millera [The peoples of Siberia in the works of G.F. Miller]. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN. (in Russ.)

УДК 391.4
DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2017-3/60-67

Л.Н. Хаховская*

ОСОБЕННОСТИ ТОРГОВЛИ НА ЧУКОТКЕ В ПЕРВЫЕ СОВЕТСКИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ: ОПОРА НА КУЛАКА, САМОСНАБЖЕНИЕ И ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ «ПОТЛАЧ»

Автор исследует социальный, политический и ментальный контекст некоторых эпизодов торговли на Чукотке в первые советские десятилетия. При взаимодействии с аборигенами торговые работники опирались на опыт прежней, досоветской работы, оказывали предпочтение кулакам, а не беднякам, воспроизводили традиционные связи и иерархии. В среде торговых работников выявились приоритетные интересы самоснабжения дефицитными товарами «европейского» ассортимента. Помимо собственного потребления, некоторые торговцы устраивали своеобразный потлач для избранных лиц, щедро угощая и снабжая их за счет государства.

Ключевые слова: Чукотка, торговля, фактория, аборигенное население, кулаки, бедняки, дефицит, самоснабжение, потлач

The trade in Chukotka in the first Soviet decades: reliance on the kulaks, self-supply and selective «potlatch». LYUDMILA N. KHAKHOVSKAYA (N.A. Shilo North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)

The author explores the social, political and mental context of several episodes in the trade in Chukotka in the first Soviet decades. In the interaction with the indigenous population, tradespersons relied on the experience of pre-Soviet times, prioritizing the kulaks and reproducing traditional ties and hierarchies. Self-supply of scarce “European” goods emerged as the priority of the tradespersons. In addition to their own consumption of the goods, some of them arranged a kind of potlatch for selected persons, generously treating them at the expense of the state.

Keywords: Chukotka, trade, trading post, indigenous population, kulaks, paupers, deficit, self-supply, potlatch

Для современной антропологической мысли характерно внимание к переходным, транзитным состояниям общества, во время которых происходит изменение жизненного уклада, социальных институтов, коллективных представлений. Изучение такого рода процессуальности позволяет проследить действия и мотивации общественных групп и отдельных личностей, их переплетение и взаимовлияние. Данная эпистемологическая установка смыкается с микроисторической методологией и концепцией антропологически ориентированной истории [1; 3]. В центре внимания таких исследований находятся повседневные практики и ситуации, через которые раскрываются события и сдвиги более широкого масштаба. Микроисторическая

и историко-антропологическая индивидуализирующая перспектива позиционирована как своего рода переход между повседневной реальностью и высокой теорией, поскольку именно в этой области происходит формирование понятий на основе метафор [4; 5]. Создание конкретных и ярких образов сообщает историописанию достоверность, подготавливая почву для преобразования эмпирических фактов в язык теории.

Выявленные нами в Государственном архиве Магаданской области документы открывают доступ к неизвестным страницам становления советских структур и институтов через раскрытие конституирующего их характера деятельности реальных лиц. Статья посвящена исследованию социального, политического и ментального контекста некоторых эпизодов торговли на Чукотке в первые советские десятилетия, ставшие переломным моментом истории для аборигенного населения. В досоветское время наиболее интенсивное взаимодействие аборигенного и пришлого населения на Чукотке шло именно в сфере торгового обмена. Преобразующее воздействие торговли с европейцами, которые на Чукотке были представлены в основном американскими и русскими купцами и промышленниками, простиралось на все стороны жизни аборигенного сообщества [2]. Менялся его культурный облик, шло выстраивание новых социальных связей и иерархий, трансформировались способы охоты и домашнего труда. Торгово-обменные операции исподволь формировали обновленное лицо аборигенного сообщества.

Одновременно складывалась прослойка европейцев, постоянно участвующих в торговле с «иногородцами». Американские и русские купцы, промышленники и даже простые обыватели вели дела на свой страх и риск, стремясь добиться материального и нематериального успеха. Их торговая деятельность протекала в рамках отношений, регулируемых самой обменной ситуацией, которая для европейцев была осложнена спецификой традиционного уклада и менталитета северных аборигенов [6]. Участники торгового обмена с обеих сторон находились под давлением норм, складывавшихся стихийно, но с течением времени обретавших характер стереотипного поведения, обязательного для всех участников сделки.

После смены государственного строя и утверждения советской власти сложились условия, вызвавшие трансформацию прежнего

типа европейского торговца. Прежде всего, торговля становилась не частным, а государственным, даже политическим делом, поэтому из нее очень быстро были вытеснены и частники, и иностранные подданные. Торговцами работниками на местах становились лица, официально находившиеся на службе легитимных (государственных и акционерных) торговых фирм. Социальное положение их оказалось амбивалентным: с одной стороны, это были наемные работники, подчинявшиеся ведомственной и общегражданской дисциплине; с другой стороны, перед ними раскрылись весьма широкие возможности проявлять свои индивидуальные стремления и склонности. Дело заключалось в том, что сотрудники торговых организаций получили в свои руки огромные по тем масштабам материальные ресурсы, контроль за которыми был малоэффективным вследствие сложного транспортного сообщения и слабых институциональных связей. В ситуации почти полного снятия ограничительных рамок люди руководствовались собственными представлениями о том, как следует вести торговлю и каким должен быть имущественный и общественный статус торговца. Во взаимодействии с аборигенами они зачастую опирались на опыт прежней, досоветской работы, а в отношении неаборигенного сообщества выстраивали избирательные социальные связи и демонстрировали высокий уровень достатка. В некоторых местностях Чукотки торговые организации превращались в настоящую вотчину их начальников, которые не стеснялись шиковать за государственный счет.

Специфика торговли тех лет на Чукотке состояла в том, что она охватывала в основном контингент людей с достаточно специфическими потребностями, обусловленными преобладанием традиционного природопользования, архаичного жизненного уклада и сформированных прежде привычек. Аборигены нуждались в товарах так называемого туземного ассортимента, в который входили продукты, предметы обихода и орудия труда, а именно: мука, табак, кирпичный чай, спички; ткань; котлы и чайники большой емкости, чайные блюдца и чашки; ружья и боеприпасы, капканы, прядево для сетей, древесина для полозьев нарт и кухонной утвари. Однако завезти нужные коренному населению товары в необходимом количестве и составе на Чукотку длительное время не удавалось, хронический недовоз товаров являлся настоящим бичом торговли первых советских лет. Положение усугублялось сезонностью снабже-

* ХАХОВСКАЯ Людмила Николаевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории истории и экономики Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н.А. Шило Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: hahovskaya@gmail.com

© Хаховская Л.Н., 2017

ния: товары доставлялись только морем, а срок навигации был ограничен.

Советская власть рассматривала торговлю как очень важный канал воздействия на аборигенное общество. Во-первых, из торговой цепочки следовало исключить местных торговцев и так называемых кулаков, которые перепродавали товары тем, кого новая власть признавала бедняками и батраками. Целям социальной инженерии должен был служить и возникший товарный дефицит: право преимущественной покупки таких товаров предоставлялось малоимущим слоям населения, а зажиточные аборигены в этом отношении подвергались дискриминации. Во-вторых, торговля должна была сочетаться с простейшим кооперированием местного населения – предполагалось, что это подведет аборигенов к осознанию необходимости коллективного действия в сфере не только потребления, но и производства. В-третьих, обилие товаров и эквивалентные цены должны были склонить аборигенов на сторону советской власти. Подразумевалось, что советская торговля порывает с прежней порочной практикой «обирания туземцев». Соответственно, советский торговый работник – это лицо совершенно иного социального облика и поведения, нежели хищник-предприниматель капиталистического мира. Таким образом, торгово-экономические взаимодействия призваны были модернизировать архаичную социальную структуру, свойственную аборигенному сообществу.

Однако в силу того, что советская экономическая система еще не была отстроена, а у местного населения сохранялся привычный жизненный уклад, торговый процесс часто воспроизводил прежнюю схему действий через местных посредников. При этом торговые работники руководствовались не столько предписаниями советской администрации, сколько стремлением наиболее простым путем выполнить свою коммерческую задачу, а также соблюсти собственную выгоду. Поэтому они предпочитали иметь дело с несколькими зажиточными перекупщиками, нежели со множеством мелких покупателей. Так они торговали в стационарных селениях и в тундре, среди оленеводов. Разнонаправленные установки советских инстанций и интересы самих торговцев порождали конфликты политического характера.

Так, в наиболее советизированном Чукотском районе Чукотки с 1928 г. действовала культурная база (культбаза) в с. Лаврентия, при которой имелась торговая фактория Акци-

онерного Камчатского общества (АКО). Заведующий факторией Бочкарев в 1928-1929 гг. в окрестных селениях организовывал торговлю через посредников, что вызвало острую критику со стороны органов власти, которые не могли «опереться на него при проведении политической и культурной работы среди населения». Более того, отстаивая свое право занимать данную должность, Бочкарев обратился за поддержкой к дружески настроенной к нему «верхушке населения», тогда как партийные работники намеревались эту верхушку «при проведении классовой линии оттирать от работы» (Государственный архив Магаданской области, далее – ГАМО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 5. Л. 122). Данное противостояние завершилось поражением Бочкарева, но такие случаи время от времени возобновлялись.

Особенно устойчивой практика предпочтительного товарообмена с зажиточным населением оказалась в Чаунском районе, отдаленном и слабо советизированном регионе Чукотки. Основную массу аборигенов района, образованного в 1933 г., составляли кочевники (доля в общей численности населения свыше 70%), среди которых сохранялись имущественное и социальное неравенство. Главными торгующими организациями в районе были фактории треста «Дальсоюзпушнина» (ДСП) с управляющей конторой во Владивостоке.

Сотрудники этих факторий при контактах с аборигенами стремились задействовать уже существовавшие в тундре и на берегу налаженные схемы обмена: их контрагентами становились зажиточные оленеводы и охотники, которые не столько охотились сами, сколько скупали пушнину у окружающего населения. Перекупщики предлагали большие партии пушнины, поэтому, в отличие от бедняков с одной-двумя малоценными шкурами, находили теплый прием в факториях. Такая социальная асимметрия порождала протесты со стороны ущемленных групп, которые они высказывали представителям советской власти, распространявшей среди аборигенов совсем другие социальные ориентиры. Так, рядовые жители села Рыркайпий летом 1934 г. на собрании, организованном партийными руководителями района, жаловались на действия заведующего сельской факторией Венедиктова: «Венедиктов с первого дня своего приезда делал только плохо для нас. По 2-3 дня не отпускал. Приедут чукчи и ожидают его, пока он смилостивится, отпустит [товары], кулакам дает хорошие товары, а бедноте не дает,

а кулаки наберут у него товару и торгуют в тундре, соберут песцов и снова торгуют» (ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 4. Л. 93).

Как оказалось, для отсеивания нежелательных покупателей заведующий манипулировал режимом работы фактории, устанавливал произвольный товарный эквивалент, отказывался принимать у аборигенов-активистов деньги, которые те получали за работу в советских организациях. Рыркайпийцы приводили конкретные примеры такой дискриминации:

«В конце августа 1933 года Эппэ [оставил] песца в фактории ДСП как залог под покупку полозьев для нарт. В первых числах сентября Эппэ приехал за полозьями. Венедиктов сказал, что сейчас торговли нет, а полозья отбери себе и оставь здесь. <...> На обратном пути Эппэ ... встретил едущих торговать кулака Ятхиргикая с [его] работниками Пыэтто и Аччувья. По приезду в факторию им были отпущены в тот же день полозья, несмотря на то, что Эппэ было сказано, что торговли нет и не будет 10 дней. А когда приехал кулак, [Венедиктов] открыл магазин и в честь [кулака] пошла торговля»;

«В июле [1934 года] были отпущены кулаку Кумче [товары], а ... приехавшие в тот же день ... бедняки ... товары не получили <...>. Венедиктов сказал, что Кумча сдал много песцов зимой, и вообще, кто сдавал много песцов, тот и будет получать товар хороший всегда. А Таюрынтыну товаров не отпущу, потому что зимой сдал только одного песца»; «денег не хочет принимать Венедиктов, деньги хоть выбрось»; «... также у кого имеется много песцов, отпускает чайники, а бедноте нет» (ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 4. Л. 92, 93, 94об).

Таким образом, в реальных событиях того времени существовал выраженный разрыв между советской линией модернизации, направленной на кардинальную социальную инженерию, и текущим торговым процессом, консервировавшим архаичный уклад. Еще более выпукло этот разрыв прослеживается в деятельности Соболева, заведовавшего наиболее крупной в районе Чаунской факторией ДСП, располагавшейся в районном центре, поселке Певек. Соболев работал на своем посту с середины 1920-х гг., когда советских структур в этой части Чукотки еще не существовало. Проверка его работы управляющей конторой производилась редко и большей частью формально, поэтому Соболев привык действовать по собственному усмотрению. Спустя почти десять лет выяснилось, что он отпускал «кому сколько вздумается, безразлично

каких товаропродуктов», отдавая предпочтение «кулакам, своим знакомым и друзьям» (ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 4. Л. 89).

Лояльное отношение Соболева к дискриминируемым советской властью крупным хозяевам проявлялось в максимально полном удовлетворении их потребностей, а также принятии от них наличности: «Кулаки систематически получают 100% отоваривание, кроме того, они покупали за деньги». К тому же Соболев стал практиковать те же схемы самообогащения, которые были в ходу у зажиточной части аборигенов: «[Кулаки] ... занимались скупкой пушнины у бедняцко-средняцкой части населения». Примерно так же поступал и Соболев, выступая как бы невидимым посредником между сдатчиками и факторией: «Соболев обманывал бедняков-нацменов, платил дешевле за сданную пушнину и мехсырье, чем оно стоит. Сам же сдавал это пушмехсырье по действительной его стоимости, разницу присваивал себе» (ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 4. Л. 85об).

Итогом такой деятельности начальника фактории стало не ослабление, а, напротив, усиление социальной иерархии в чукотском обществе: «... кулак имеет колоссальные излишки товаропродуктов, этим самым создавалась удешевленная зависимость батрацко-бедняцко-средняцкой части населения от кулака. Соболев как завфакторией ежегодно закреплял политику кулаков и создавал для них самые наилучшие экономические условия... постановкой [своей] работы» (ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 4. Л. 88).

В 1935 г. Соболев был снят с работы, но и в дальнейшем за подобные действия подвергался критике сменивший его Нестеров. Во второй половине 1930-х гг. Чаунская фактория более активно, чем прежде, развернула развозную торговлю, но продолжала действовать привычным методом опоры на крупных хозяев: «Развозторг поставлен был очень плохо, развозимые основные товары и продукты не доходили до основного потребителя (бедняки, батраки), а зачастую попадали кулакам, шаманам. Сам ... Нестеров ездил с развозторгом в Усть-Чаунский нацсовет и остановился в стойбище кулака Эльвакургина и брата его шамана Енеле, в результате чего большинство проданных товаров находятся у кулаков, которые занимаются перепродажей беднякам»; «Прискорбные факты: развозторг доезжает до кулака, складывает товар, берет у него пушнину, и в результате этот кулак становится торгашем, спекулянт, результат – помощь кулакам для закабаления

бедноты» (ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 18а. Л. 17, 18).

Заведующий Шелагской факторией этого же района Яковлев аналогичным образом был нацелен на взаимовыгодный торг с теми людьми, которых никак нельзя было отнести к малоимущим и которые не были объединены в артель, а охотились индивидуально. Им и доставались товары, необходимые для промысла: «Яковлев продал шаману Каравуге целого лахтака¹, а бедноте отказывал в подошвах <...>. Мотор² тоже попал в руки Каравуге... <...> русские охотники Малькова получили по заданию Яковлева две шкуры лахтака, лучшие продукты, были снабжены всем» (ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 18а. Л. 22). Такой социальный перекося наносил ущерб малоимущим хозяевам, ставил их в сложное положение, вплоть до драматических случаев: «... беднота-охотники остались без капканов в сезон охоты. Лучший охотник и его семья голодовали, ели дохлую собаку» (ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 18а. Л. 22).

Важным мотивом приобретения ходовых товаров со стороны зажиточных аборигенов была не только дальнейшая выгодная перепродажа, но и публичная демонстрация своего экономического и морального преимущества, прилюдное уничижение менее удачливых сородичей: «... [на полученного лахтака] Каравуге купил после у Таврата, бедняка-колхозника, винчестер, обманул его на этом деле, он смеется над членам артели...»; «Каравуге ... спекулирует [лахтаком] и ведет разговоры с чукчами: «Вот, мол, вы состоите в товариществе, а вам ничего не дают, в то время как я получил лахтака»» (ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 18а. Л. 22, 37).

Во второй половине 1930-х гг. в факториях продолжалась практика ухода от бумажных денег, по сути дела, сотрудники практиковали не собственно торговлю, а утвердившийся в досоветский период натуральный обмен: «На Чауне в интегральной системе в фактории работает ... Дьяконов ... , [который] дискредитирует советскую торговлю. Он подрывает наш рубль, не выдавая товары на деньги, а требуя обязательно пушнину» (ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 14а. Л. 16об, 18).

Деятельность торговых работников, нацеленную лишь на коммерческий успех и не принимающую во внимание задачи советского реформирования аборигенного общества,

советская администрация квалифицировала как «старые торгашеские методы торговли», «торговлю «лавочки»», но в первое время часто была бессильна изменить ее. В институциональном и социальном плане торговля первых советских десятилетий на Чукотке в известной степени наследовала прежние, досоветские модели взаимодействия с аборигенным населением. Торговые работники оказывали предпочтение кулакам, а не беднякам, если говорить в терминах тех лет; воспроизводили прежние связи и иерархии. Отчасти и поэтому зажиточные аборигены все еще сохраняли свою экономическую и общественную власть, тогда как малоимущие слои были ущемлены.

Но с установлением советской власти торговые работники действовали не только в аборигенной среде. С каждым годом увеличивалась численность так называемого пришлого населения, которое становилось преобладающим в наиболее крупных населенных пунктах Чукотки. Шло формирование социального окружения, которое для торговцев являлось своим, близким по культуре и идентичности. Наличие этой среды обусловило ряд специфических явлений, связанных с показательным, престижным потреблением, демонстрацией торговыми работниками собственного преуспевания и созданием вокруг себя ауры социальной респектабельности и исключительности. С первых же советских лет в сфере торговли формируется устойчивая практика избирательного товароснабжения пришлого населения, при котором дефицитные товары попадали в руки небольшого круга людей, в первую очередь самих работников прилавка. В узкой прослойке торговых работников ярко обозначились приоритетные интересы самоснабжения, в некоторых случаях принявшие гротескные формы.

В начале 1930-х гг. фактория при Чукотской (Лаврентьевской) культбазе, о которой речь шла выше, была преобразована в кооператив. Возглавивший кооператив Червов сосредоточил свое внимание на товарах не «туземного», а «европейского» ассортимента: «На культбазе ... укоренилось такое явление, когда дефицитные для европейцев товары не продаются. Некоторые такие товары забирает все себе заведующий, а остальные дефицитные товары распределяются неофициальным порядком в узком кругу «приблизженных» <...>: картофель сушеный, сахарный песок..., мед, конфеты экспортные и шоколадные, свежие утки, оленина и т.д. Все эти товары забрал себе ... Червов. Если кому и

давались эти товары, то только с квартиры, как из личных запасов <...>. Неоднократно от Червова приходилось слышать фразу: «такого-то товара мало, чтобы всем делить, поэтому я все взял себе»; «Полученные из Уэленского кооператива 15 покрывал распределены «домашним» порядком, кому 2, кому 3, <...> есть основания полагать, что Червов взял себе ... 8 штук [покрывал]» (ГАМО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 8. Л. 11).

В преимущественно «пришлых» по составу населенных пунктах, какими были в то время районные центры, формировалась новая, то есть неаборигенная избирательная торговая клиентура, в состав которой входили советские и партийные работники, руководители и специалисты других организаций, обосновавшихся на Чукотке. Их скрытые, неофициальные связи с торговым «патроном» были реальной силой, связывавшей всех в невидимую, но могущественную сеть, в которой важную роль играли и члены семьи торговцев: «Весьма крупную роль в распределении дефицитных товаров играет жена Червова. Что нельзя приобрести в кооперативе официально, то можно достать через жену Червова, больше это касается предметов домашнего обихода, в которых нуждаются домашние хозяйки (мануфактура, ленты, пуговицы и т.д.). Жена Червова пользуется правом бесконтрольного посещения складов кооператива, для чего в отсутствие Червова имеет ключи от складов» (ГАМО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 8. Л. 12).

Неограниченный доступ к ресурсам приводил к тому, что среди торговцев складывался особый стиль жизни, направленный на наиболее комфортное обустройство быта, укрепление социального престижа, повышенное и показное потребление. Своеобразный расцвет данное явление получило в поселке Певек во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг. Связано оно с именем и деятельностью уже известного нам заведующего факторией Соболева, дом которого стал центром притяжения для «сливок» певекского общества. За счет сосредоточенных в его руках государственных ресурсов Соболев упрочивал свои социальные позиции, ставил в зависимость людей, занимавших ключевые посты в районе: «Лучшие товары продукты брались в неограниченном количестве Соболевым для себя и раздавались знакомым и друзьям. Между работниками районного исполнительного комитета Чернышевым, Косицыным и завфакторией Соболевым существует круговая порука, друг друга покрывают, вместе прячут концы преступления. Например, Коси-

цын, Чернышев и жена Соболева в любое время берут ключи и идут в склад и берут там (по потребности и способности), без веса и никакого контроля. Спирт выпивают, а потом составляют акт, что спирт вытек, проржавел и прочее» (ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 4. Л. 89).

Уровень собственного потребления Соболева, безусловно, был необычайно высок для того времени. Он «занимался ... самоснабжением, сколько хотел, столько и брал товаропродуктов из склада фактории». Но его возможности не ограничивались складским ассортиментом, а простирались шире, охватывая цепочками обмена и аборигенное, и пришлое население: «Мясо тушами покупалось у кулаков, а кулакам за это платилось товаропродуктами с фактории»; «Как-то на зимующем пароходе в 1933 году Соболев купил лично себе двух поросят по 100 руб[лей] каждый. Отпустил с фактории за этих поросят товаропродуктов, а также и кормил их факторийным добром». В домашнем хозяйстве Соболева были не только свиньи, которых он «кормил ... рисом, картофелем сушеным, белой мукой и прочим», но и собачья упряжка, едва ли не лучшая на Чаунском побережье, содержание которой обходилось не слишком накладно. В то время как другие домохозяйства были вынуждены заготавливать для собак рыбу и мясо морских животных, семья Соболева не обременялась этим: «На кормление собако-нарт отпускались мясные консервы, рис и крупа без всяких норм, заготовок собачьего корма не делалось, в то время как для того имеется полная возможность» (ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 4. Л. 85).

Соболев, судя по всему, добивался не просто материального благополучия, а хотел окружить себя достаточно утонченной обстановкой, даже роскошью, по меркам Чукотки того времени: «Квартира Соболева изнутри оббита материалом за счет фактории, на оббивку и занавеси пошло 75 метров разного материалу». По заказу Соболева была изготовлена мебель, за что он также расплатился даровыми товарами со склада. Далее, домашнее благополучие семьи Соболева обеспечивал работник, по сути, находившийся на положении прислуги. Это был ученик при фактории, 16-летний чукча Тумна-теген: «Соболев вместо того, чтобы учить ученика, он его эксплуатировал в личных интересах. Например, заготовка и рубка дров, уход за собаками, свиньями, носка воды не только для питья и пищи семье Соболева, но и для стирки белья, купания в ванне и т.д.» (ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 4. Л. 88).

¹ Имеется в виду шкура лахтака, из которой кроились подошвы для обуви.

² Речь идет о рутьмоторе для вельбота.

Соболев создавал вокруг своей семьи атмосферу респектабельности, в ней не было места грубой реальности быта, которую мог привнести, например, помощник по дому: «Ученик был беспризорник, ходил по ярангам ночевать, несмотря на большой простор у Соболева в доме». Приют не получали не только аборигены, но и приезжие люди, если они не входили в избранный круг общения Соболева: «Работники ... просили уголок (4 человека) для того чтобы переночевать и работать, так как не было совершенно где жить, на что Соболев ответил: «Дом я строил не для вас, а поэтому впустить не могу»» (ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 4. Л. 83об).

Однако Соболев, как показано выше, не замыкался в узком домашнем мирке, он создавал себе общественный вес и репутацию человека богатого и щедрого, организуя некое подобие светской жизни для избранных лиц. Дом Соболева был открыт перед теми, кого он признавал верхушкой местного сообщества. К ним, помимо представителей власти, относились экипажи и пассажиры пароходов, переживавших зиму в Чаунской бухте: «В течение девяти с половиной месяцев (с 01.10.32 по 15.07.33) из [пассажиров] зимующих пароходов у Соболева гостило в среднем ежедневно 4-5 человек, кроме того, было устроено два бала с многочисленными блюдами и разными спиртными напитками, <...>, известно, что каждый бал обошелся в среднем в 1000 руб.». Помимо балов, для избранной публики « устраиались именины жены Соболева, на которые из фактории отпущены подарки, например, характерный подарок <...> – это 3-х пудовая бочка варенья» (ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 4. Л. 89).

Заведующий факторией предоставлял экипажу и пассажирам пароходов и другие предпочтения, например, продавал большие партии одежды и обуви. В итоге оказывалось, что эти вещи, предназначенные для реализации на Чукотке, наоборот, вывозились из региона. Показную расточительность Соболева на фоне общей скудости можно охарактеризовать как своеобразный избирательный потlach, устраиваемый в целях создания престижа среди определенного общественного слоя. Такое поведение, безусловно, выбивалось из общего ряда, поэтому его истоки следует искать в личных качествах Соболева. По собственному признанию, он был «сын попа и очень бедного попа» (ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 4. Л. 82об). Как выходец из бедной, но все же далеко не самой низкой социальной среды, он, по-видимому, был честолюбив

и стремился достичь не только материального успеха, но и весомого общественного признания. Проживая на Чукотке, среди сурового быта и крайне узкого круга неаборигенов, он мечтал о другом мире, который в виде крохотного фрагмента «большой земли» усматривал в пароходном обществе.

Определенный снобизм и пренебрежительное отношение к рядовым русскоязычным пеквечанам прослеживается в том, что Соболевы не отдавали свою дочь в местную школу, а обучали на дому, пригласив для этого пассажира Михайлову: «Соболев содержал учительницу (пассажирку с зимующих пароходов знакомую), которая учила дочку Соболева на квартире, оплата производилась товаропродуктами» (ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 4. Л. 83об). Как видим, заведующий факторией и тут остался верен себе – путь к высоким материям лежал через позволенное самому себе нарушение установленных торговых норм.

В целом у всех этих действий имелась глубинная ментальная подоплека: Соболев не считал свое поведение нелегитимным, поскольку не был согласен ни с внутриведомственной дисциплиной и практикой, ни с предписаниями советской власти, касавшимися сферы торговли. На этот счет у него был свой идеал: «У Соболева [любимая] тема разговоров была торговля Свенсона. Соболев систематически в беседах говорил, при любом количестве людей расхваливал постановку дела Свенсона, что [тот] любую заявку выполнял полностью, только заявляя, о шоколаде, мармеладе, фруктах, винчестерах и т.д. А теперь в этом отношении заявки не выполняются. Соболев говорил, что, бывало, наберу гвоздичного молока ящиков 12, да сгущенного ящиков 6, конфет, шоколаду, фруктов и т.д., и жил в полном довольствии, а теперь заявки не выполняются. А когда Соболеву говоришь, что ты проводишь массовую работу, организуешь охотничьи артели, и просили его жену в части организации и руководства женской артелью, они отвечали, что это не наше дело и нас не касается, а пусть этим делом РИК занимается» (ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 4. Л. 83-83об).

Сквозь лежащий на поверхности меркантилизм Соболева в части собственного снабжения любимыми лакомствами явно проскальзывает предпочтение американского, то есть коммерциализированного, рыночного способа организации торгового процесса советскому, вне рыночному и социально нагруженному: «... Он всячески расхваливал преимущества

американского торговца купца Свенсона над советской и практической постановкой дела, убеждая в этом бедняцко-средняцкую часть местного населения» (ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 4. Л. 85об). Принцип американской торговой системы состоял в том, чтобы аборигены (прежде всего зажиточные) сами шли к купцу, а советская власть, напротив, требовала от торговых работников вести повседневную организационную работу с беднотой. Тщательно создаваемый респектабельный образ и светский лоск поэтому хорошо вписывались в прежний иерархический строй, но тускнели при советских социальных перестройках.

Соболевский избирательный «потlach» за государственный счет, расцветший в Певеке в первой половине 1930-х гг., в 1935 г. пресекали. Конечно, это был исключительный случай, вершина тех возможностей, которые можно было извлечь из ресурсной доступности и ведомственной бесконтрольности первых советских десятилетий. В дальнейшем такие ситуации стали невозможными. Вследствие советской модернизации социального уклада аборигенов в скором времени из жизни исчезло и деление на кулаков и бедняков, и сама организованная система частных перекупок. Однако товарный дефицит и недостаточное снабжение на Чукотке имели место еще много десятилетий, поэтому возникшая в первые годы практика самоснабжения торговых работников оставалась «родимым пятном» советской торговли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кромм М.М. Историческая антропология: Учебное пособие. СПб, М.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, Квадрига, 2010.
2. Лебединцев А.И. Проблемы товарного снабжения населения Колымы и Чукотки в конце XIX – начале XX в. // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. 2013. № 1. С. 112-121.
3. Ревель Ж. Микроисторический анализ и конструирование социального // Одиссей. Человек в истории. 1996. Ремесло историка на исходе XX века. М., 1996. С. 110-127.
4. Урри Дж. Мобильности. М.: Практикс, 2012.

5. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994.

6. Ярзуткина А.А. Торговые отношения американцев и русских с коренным населением Чукотки в конце XIX – первой четверти XX века: экономико-антропологический ракурс (к постановке проблемы) // Наука и современность-2011: сборник материалов IX Международной научно-практической конференции: в 2-х частях. Новосибирск: Издательство НГТУ. 2011. С. 136-142.

REFERENCES

1. Kromm, M.M., 2010. Istoricheskaya antropologiya: Uchebnoe posobie [Historical anthropology: a tutorial]. Sankt-Peterburg, Moskva: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, Kvadriga. (in Russ.)
2. Lebedintsev, A.I., 2013. Problemy tovarnogo snabzheniya naseleniya Koylmy i Chukotki v kontse XIX – nachale XX v. [Problems of commodity supply of the population of Koylma and Chukotka in the late XIX – early XX century], Vestnik Severo-Vostochnogo nauchnogo tsentra DVO RAN, no. 1, pp. 112-121. (in Russ.)
3. Revel, J., 1996. Mikroistoricheskiy analiz i konstruirovaniye sotsial'nogo [Microhistorical analysis and the construction of the social]. In: Odissei. Chelovek v istorii. 1996. Remeslo istorika na iskhode XX veka. Moskva, pp. 110-127. (in Russ.)
4. Urry, J., 2012. Mobil'nosti [Mobilities]. Moskva: Praksis. (in Russ.)
5. Foucault, M., 1994. Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk [Words and things. Archeology of the humanities]. Sankt-Peterburg: A-cad. (in Russ.)
6. Yartzutkina, A.A., 2011. Torgovye otnosheniya amerikantsev i russkikh s korennyim naseleniem Chukotki v kontse XIX – pervoi chetverti XX veka: ekonomiko-antropologicheskii rakurs (k postanovke problemy) [The trade relations of Americans and Russians with the indigenous population of Chukotka in the late XIXth – early XXth century: the economic and anthropological aspect of the issue]. In: Nauka i sovremennost'-2011: sbornik materialov IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 2-kh chastiakh. Novosibirsk: Izdatel'stvo NGTU, pp. 136-142. (in Russ.)

РАКУРСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

УДК 94(71)

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2017-3/68-77

Д.В. Лихарев, Е.С. Симоненко*

ЭДВАРД ХАТТОН И ЕГО КОНЦЕПЦИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ
КАНАДСКОЙ МИЛИЦИИ (1898-1900 гг.)

В конце XIX в. активизация колониальной экспансии ведущих мировых держав заставила Великобританию искать новые способы защиты уже имеющихся в ее распоряжении колониальных владений. С этой целью британское военно-политическое руководство вынуждено было разработать план военного самоусиления Канады. Одним из составных элементов проекта стало реформирование канадской милиции (так до 1940 г. называлась сухопутная армия Канады). Главным архитектором будущих изменений в канадских вооруженных силах должен был стать британский генерал Эдвард Хаттон.

Ключевые слова: Канада, Британская империя, доминион, канадская милиция, военная реформа, Эдвард Хаттон

Edward Hutton and his Canadian militia modernization concept, 1898-1900.
DMITRIY V. LIKHAREV, EKATERINA S. SIMONENKO (Far Eastern Federal University)

The intensification of the colonial expansion of the leading world powers in the late XIXth century led Britain to seek new ways of protecting the previously acquired colonies. To this end, the British military and political leadership was forced to develop a plan of military reform in Canada, an integral part of which was the reform of the Canadian militia. British General Edward Hutton became the chief architect of these reforms in the Canadian armed forces.

Keywords: Canada, British Empire, dominion, Canadian militia, military reform, Edward Hutton

В августе 1898 г. новым главнокомандующим канадской милиции был назначен британский генерал Эдвард Хаттон. По мнению современников, он был военным новатором, отличался незаурядными организационными и ораторскими способностями. Приход к власти этого выдающегося во всех отношениях чело-

века обещал тотальную трансформацию военной системы доминиона, которая должна была обеспечить безопасность канадской части имперского пространства.

До назначения в Канаду Хаттон уже обладал опытом руководства колониальными вооруженными силами и их реформирования. В 1893-

1896 гг. он занимал руководящий военный пост в Новом Южном Уэльсе, где подготовил и провел реформу австралийской колониальной армии [12, pp. 65-75]. После возвращения в Англию он примкнул к когорте колониальных критиков, которые выступали за реформирование существующей системы имперской защиты [4]. Движимый идеей усовершенствовать оборону зависимых территорий империи, Хаттон проявил инициативу в стремлении быть назначенным на высший пост в канадскую милицию. В этом направлении он предпринял несколько шагов, которые впоследствии и привели его на должность главнокомандующего.

В первую очередь из канадских газет он узнал о состоянии общественного мнения доминиона и сформулировал перечень недостатков канадской военной системы. Для преодоления выявленных проблем он выдвинул идею создания канадского комитета обороны, однако не хотел, чтобы в поисках председателя комитета выбор пал на его персону. Затем, в сентябре 1897 г., Хаттон направил министру по делам колоний официальный запрос о возможности его назначения в Канаду и получил позитивный отзыв. Кроме того, он отправил командующему канадской милицией генералу Герберту письмо, в котором просил его поддержки. Сам генерал находился на пороге добровольной отставки и с энтузиазмом рекомендовал Хаттона в свои приемники. Наконец, в апреле 1898 г. он направил в Королевский колониальный институт обращение под заголовком «Коллективная система обороны империи», где предлагал организовать имперскую оборону на основе наступательно-оборонительного союза [10, pp. 136-137]. В соответствии с его планом, все зависимые владения Короны должны были обеспечивать собственную оборону, а в случае необходимости оказывать империи содействие в осуществлении наступательной стратегии. Кроме того, все заграничные владения Короны должны были заключить между собой взаимное оборонное соглашение. Ознакомившись с документом, в военном министерстве решили, что идеям и способностям Хаттона можно найти применение в Канаде.

В доминионе новый главнокомандующий был встречен крайне сдержанно. Канадцы считали, что назначение британского генерала на высший пост в милиции фактически навязано доминиону метрополией и является лишним доказательством военной слабости Канады и ее зависимости от Британии. Сторонники находя-

дения на высшем военном посту в доминионе офицера канадского происхождения отказались поддерживать кандидатуру британского генерала. Их фаворитом стал генерал-квартирмейстер канадской милиции Перси Лэйк. В его поддержку неоднократно выступали канадский генерал-губернатор граф Абердин, либеральное правительство Уилфрида Лорье, министр милиции и обороны Фредерик Борден. Однако для назначения на высший пост в милиции офицера канадского происхождения имелось серьезное препятствие. Дело в том, что в соответствии со статьей № 37 канадского закона о милиции (1886 г.) должность командующего мог занимать только офицер регулярной британской армии в чине не ниже полковника [10, p. 132]. Поэтому назначение Лэйка могло породить ненужные трения между британскими и канадскими властями. Не желая обострять политические отношения, министр колоний Дж. Чемберлен предоставил правительству доминиона возможность отказаться от кандидатуры Хаттона. Однако у британского генерала нашлись в доминионе влиятельные сторонники.

По замыслу британских властей новому главнокомандующему в деле модернизации канадской милиции должен был содействовать новый генерал-губернатор Гилберт Эллиот-Мюррей-Кининмонд, граф Минто. Его знакомство с доминионом состоялось задолго до официального назначения. В 1883-1885 гг. он находился на посту военного секретаря канадского генерал-губернатора лорда Лансдауна, где занимался вопросами имперской защиты. Этот опыт впоследствии сослужил ему хорошую службу и сформировал отчетливое представление о канадских проблемах в области обороны. Но его деятельность не ограничивалась бумажной работой. Так, в 1884 г. он стал инициатором и организатором рейда канадских добровольцев, которые в составе отряда лорда Уолселея предприняли неудачную попытку спасти генерала Гордона в Хартуме [13, pp. 320-324]. В 1885 г. по инициативе Минто канадские добровольцы приняли участие в суданском конфликте [14, pp. 37-40]. В том же самом году он исполнял обязанности главы штаба генерала Миддлтона в ходе северо-западного восстания.

12 ноября 1898 г. (спустя три месяца после прибытия Хаттона) Минто становится канадским генерал-губернатором. В октябре 1899 г., когда о его назначении стало известно в Канаде, журналист из газеты «Мейл энд Эмпайр» (Торонто) взял у Хаттона интервью. Ориентируясь

* ЛИХАРЕВ Дмитрий Витальевич, доктор исторических наук, профессор кафедры исторического образования Школы педагогики Дальневосточного федерального университета.

E-mail: liharev.dv@dvfu.ru

СИМОНЕНКО Екатерина Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры исторического образования Школы педагогики Дальневосточного федерального университета.

E-mail: simonenko.es@dvfu.ru

© Лихарев Д.В., Симоненко Е.С., 2017

на слухи, дошедшие из Лондона, он поинтересовался, не являются ли назначения Хаттона и Минто доказательством того, что британские власти решили усовершенствовать схему имперской обороны в Канаде. На что командующий милицией осторожно ответил: «Любое обновление или перестройка, которая может произойти в канадских вооруженных силах, является прерогативой исключительно канадского правительства. Главнокомандующий следует линии поведения, указанной ему народом, говорящим через своих представителей» [5, р. 51]. Перед тем, как Минто покинул Англию, Хаттон написал ему письмо, в котором предостерег от обнародования сведений о реформе канадской милиции, пока будущий губернатор не познакомится с военно-политической обстановкой в Канаде [7, р. 33]. Отставка предшественника Минто графа Абердина публично объяснялась внутренними трениями, хотя канадское общественное мнение интерпретировало ее как вынужденный отзыв.

Сразу после своего назначения Хаттон заявил, что его усилия на посту главнокомандующего будут направлены на модернизацию системы управления канадской милицией. Свою цель британский генерал видел в том, чтобы унифицировать имперскую военную структуру и сделать канадскую милицию идентичной британскому аналогу. Дело в том, что организация канадских вооруженных сил имела сходство с регулярной британской армией только до середины XIX в. В Англии военные чины исполняли многие гражданские обязанности и находились под контролем гражданского лица – военного министра. В Канаде со второй половины века начал происходить обратный процесс: гражданские отделы штабов исполняли многие военные обязанности. Что касается должности главнокомандующего, то она появилась в Канаде только в 1875 г. Формально полномочия нового должностного лица были аналогичны функциям командующего английской армией. Однако на практике командующий имел номинальные совещательные полномочия при министре милиции и обороны.

План Хаттона по модернизации милиции состоял из четырех пунктов. Во-первых, он стремился привить милиции и канадской обществу «чувство военной целеустремленности». Реформа должна была стимулировать военных дух канадцев и способствовать преодолению инертности в военных делах, которая была характерна для доминиона из-за глубоко

укоренившихся там традиций пацифизма. Британский генерал полагал, что канадская общественность поддержит реформу и поможет ему сделать из милиции полноценную военную силу. Во-вторых, британский генерал хотел приучить канадцев к идее участия в имперских войнах. В-третьих, Хаттон считал необходимым реформировать существующую структуру вооруженных сил и превратить их в национальную армию. В-четвертых, генерал задумывал провести штабную реорганизацию. В целом план Хаттона во многом перекликался с программой реформирования милиции, которую еще в 1896 г. начал реализовывать министр Ф. Борден [9, pp. 265-284].

Неприятно удивленный состоянием милиции, Хаттон считал своим долгом информировать об этом, а также о своих намерениях широкую канадскую военную и гражданскую общественность. Свое первое обращение он адресовал офицерам Торонто. Британский генерал заявил, что прибыл в Канаду со специальной миссией, которая состоит в том, чтобы усовершенствовать канадскую милицию так, чтобы она могла отвечать всем требованиям имперской обороны.

Основное внимание он обратил на необходимость создания в Канаде национальной армии, чья «главная обязанность должна была заключаться не только в обороне канадской территории; при необходимости она должна была участвовать в коллективной обороне империи» [11, р. 50]. Главнокомандующий подчеркнул, что канадское руководство должно при строительстве такой армии отказаться от политического патронажа и не оказывать на нее влияния выражением своих субъективных политических или религиозных взглядов. Он заявил, что обязанностью Канады является воспитание сильного воинского духа, на котором базируется любая великая нация. История учит: чтобы стать великой, страна должна быть военной. По словам Хаттона, национальная армия должна состоять из всех родов оружия и быть способна не только к оборонительной тактике, но и к наступательной обороне. Он заявил, что канадская армия в настоящее время находится в «состоянии временного паралича». Начальник полиции Торонто, полковник Грэссет, вспоминая услышанное, писал, что Хаттон был «очень приятным человеком и блестящим оратором, который произнес лучшую речь, которую он когда-либо слышал от солдата» [10, р. 144]. В речи оказались искусно смешаны все пункты программы

Хаттона. В ней присутствовала критика неудовлетворительной системы военного управления и сверхзависимости Канады от метрополии, а также указывалось на необходимость военного сотрудничества для обороны империи.

Чем больше Хаттон произносил речей и становился публичным в Канаде человеком, тем больше он раздражал министра милиции и обороны Бордена. Он встревоженно писал Лорье: «Сказать по правде, я сильно озабочен тем, чтобы он [Хаттон] избегал публичных разговоров, и я должен сказать ему об этом [7, р. 34]. Министр решил сделать замечания главнокомандующему не лично, а через своих доверенных лиц. Несколько дней спустя редакция газеты «Торонто Глоуб» получила письмо за подписью «Офицер», в котором остро критиковалась речь Хаттона. Основное содержание письма сводилось к тому, что если военная программа Хаттона будет реализована, то созданная национальная армия окажется не во временном, а в постоянном параличе. Содержание, стилистические особенности, дата написания и публикации письма позволили канадскому историку Норману Пенлингтону предположить, что оно было написано начальником военных складов при штабе полковником Макдональдом. Он был энергичным либералом и соратником министра милиции Бордена [10, pp. 145-146]. Кроме того, командующий имперскими отрядами в доминионе Уильям Сеймур вынужден был передать Хаттону слова министра о том, что командующий «говорит очень много и давит на правительство слишком сильно» [10, р. 146]. Генерал вынужден был извиниться. В свое оправдание он заявил, что располагал неточными сведениями, и что прибыл в Канаду не в частном порядке, а назначен Военным кабинетом для модернизации военной системы доминиона на принципах, выработанных в Британии.

В отличие от своих предшественников Хаттон отказался от практики пассивной кабинетной работы и в полной мере использовал возможность узнавать канадскую военную систему «из первых рук», совершая длительные инспекционные туры. Его энергия, знания, способности, его внимание к деталям производили большое впечатление на местных офицеров и личный состав. В ходе инспекционных туров он устраивал неформальные приемы для личного знакомства с местными офицерами.

Первый такой инспекционный тур состоялся осенью 1898 г. В ходе поездки глава милиции познакомил со своей программой модернизации

канадскую прессу. Таким образом он попытался, во-первых, преодолеть инерцию и пробудить «волну военного энтузиазма и патриотического рвения», а, во-вторых, дать публике корректное представление о планируемых им изменениях. В ходе поездки он говорил о необходимости обсуждения ряда важнейших вопросов, касающихся организации обучения и снабжения милиции вооружением, продовольствием, вещевым довольствием. В ноябре 1898 г. состоялась четырехдневная конференция, которая явилась высшей точкой инспекционного тура. Критические замечания главы милиции сводились к пересмотру старого артиллерийского стандарта, улучшению системы обучения, увеличению оплаты и введению военного пенсионного обеспечения.

Несмотря на то, что канадские офицеры уже были отправлены в Англию для прохождения курса артиллерийской подготовки, Хаттон направил министру милиции Фредерику Бордену памятную записку, в которой указал на необходимость технической подготовки канадцев для имперской службы. В ней он отметил, что стрелкам не хватает специальной амуниции, полигонов, практического курса обучения стрельбе. Он заметил, что канадцы склонны рассматривать ружейную стрельбу как спорт, а не воинскую обязанность [10, р. 156].

Для того чтобы улучшить качество обучения генерал рекомендовал сконцентрировать батальоны постоянной милиции в Оттаве, где в течение полутора месяцев провести строевую подготовку и инструктаж. Для этого планировалось пригласить в Канаду сержантов шотландской гвардии. Хаттон был настроен довольно оптимистично и считал, что канадские офицеры в большинстве своем не проходят ежегодного обучения и инструктажа из-за недостатка времени ввиду сверхурочной службы. Вместе с тем он предложил, чтобы продвижение по службе и увеличение жалования были возможны только при наличии высокого уровня профессиональных знаний [10, р. 156].

Генерал рекомендовал привести систему оплаты труда офицеров и личного состава милиции в соответствие с уровнем, существующим в армиях других держав. Так, на рубеже веков жалование канадского офицера было на 30% меньше жалования американского и на 50% британского коллеги [10, pp. 156-157]. Кроме того, командующий предложил учредить в доминионе систему пенсионного обеспечения для офицеров. Канадский полковник Хьюз

поддержал идею и, как депутат от провинции Онтарио, представил парламенту ходатайство о введении пенсий для офицеров постоянной милиции. Министр обещал рассмотреть этот вопрос, хотя противники нововведения предлагали экономить.

Хаттон стремился повысить престиж военной профессии путем создания специальных военных ассоциаций для защиты интересов канадского офицерства, хотя некоторые исследователи склонны были считать, что командующий планировал использовать их в качестве полигона для озвучивания своих идей. Глава милиции стремился помогать продвижению по службе способных молодых офицеров. Он упразднил два приказа (№ 105 за 1898 г. и № 20 за 1900 г.), согласно которым при переводе из одного отряда в другой офицеру приходилось жертвовать рангом. Тем, кто претендовал на командную должность, надо было сдавать экзамен, доказывая свою профессиональную пригодность [10, p. 158].

В англоязычной Канаде призывы Хаттона имели успех, в то время как во французской Канаде интерес к оборонным проблемам стимулировать не удалось. Ни более тесное военное сотрудничество с Британией, ни противостояние с США не вызывали во французской Канаде никакого интереса. Однако британского генерала не слишком пугала франкоканадская апатия. Он приписал это безразличию такому же равнодушному отношению властей к участию французских канадцев в любых военных мероприятиях. Например, в 1896 г. в Квебеке участие канадских добровольцев в венесуэльском конфликте власти расценили как пустую «трату денег». На банкете в честь министра общественных работ Исраэля Тарта Хаттон, обращаясь к франкоканадцам, подверг критике их отказ участвовать в формировании канадской милиции и обратился за помощью к церкви. Летом 1899 г. архиепископ Бручесси в Монреале служил торжественную мессу, где командующий произнес небольшую речь в адрес канадских отрядов. Хаттон заявил, что впредь будет привлекать франкоканадцев к службе в милиции, а офицеры канадской армии, стремящиеся к высоким должностям, должны говорить на двух языках: английском и французском [10, pp. 147-148]. Правительство одобрило этот принцип, хотя он продолжал носить рекомендательный характер.

В конце 1898 г. Хаттон совместно с Комитетом колониальной обороны (ККО) подготовили

традиционный ежегодный отчет, посвященный состоянию канадской обороны. Документ, составленный экспертами Комитета, состоял из двух частей. Первая часть заключала в себе критические замечания, касающиеся неудовлетворительного состояния канадской милиции. Специалисты сравнивали неподготовленность канадских вооруженных сил с состоянием американской армии во время испано-американской войны. Вторая (секретная) часть отчета содержала схему мобилизационного плана на случай войны с США. В 1898 г. На фоне роста американского флота в Западной Атлантике стало понятно, что военная помощь доминиону со стороны метрополии в случае континентальной войны может оказаться неэффективной. В целом, в отчете затрагивались различные сферы канадской обороны: интеграция канадских и британских экспедиционных сил, штабная работа, полномочия командующего, снабжение армии.

Генерал-губернатор лорд Минто нашел в отчете комитета слабые места. В частности, он отмечал, что предложенный мобилизационный план был рассчитан на оборону только восточной Канады и совсем не учитывал незащищенность западного побережья. Вслед за Минто отчет комитета оценил Хаттон. Он заявил, что канадская оборона не может быть основана на еще не существующих административных ведомствах, создание которых потребует месяцы. Также Канада не может зависеть от британских штабных офицеров, которые в случае войны могут понадобиться самой Британии. Наконец, Хаттон указал на то, что в случае принятия предложенного мобилизационного плана следует удвоить ежегодный милицейский бюджет (до 22,5 млн. канадских долларов) [10, p. 151]. Канадское правительство возвратило отчет комитета без каких-либо комментариев. Между тем требования британских экспертов были приняты за некий образец развития военной системы доминиона.

Отчет Хаттона идейно дополнял рекомендации британских экспертов и содержал детальное описание недостатков канадской обороны. Главнокомандующий резюмировал, что в доминионе не существует армии, а есть только несколько не связанных друг с другом военных подразделений, отсутствует эффективная система управления, инженерных корпусов, военных складов. Военные стандарты не соответствовали двум принципам, лежащим в основе канадской обороны: охрана территории доми-

ниона и участие в имперской защите. Для того чтобы реализовать первый принцип доминион нуждался в гарнизонах для защиты стратегических центров, а также в хорошо обученном и организованном личном составе. Для создания полноценной канадской армии, во-первых, необходимо было тщательно определить полномочия главнокомандующего, чтобы избежать трений между военным и гражданским департаментами милиции, во-вторых, создать систему административных ведомств и военных складов и, наконец, увеличить расходы на содержание новой армии. Все эти меры, с точки зрения Хаттона, были необходимы для трансформации милиции в военную силу, способную защитить канадские национальные интересы [10, pp. 152-154]. Эта военная сила должна была стать той национальной армией, на создание которой была нацелена реформа. Она могла не только эффективно защищать канадскую территорию, но и активно участвовать в имперской обороне. Такие образом воплощался в жизнь второй принцип канадской обороны.

Отчет Хаттона был опубликован, а затем перепечатан целиком или отдельными частями в прессе. В сельской глубинке он был интерпретирован как стремление создать маленькую, но очень дорогую армию. За этим исключением план командующего был благоприятно принят милицией, канадской общественностью и обеими палатами парламента. Этот теплый прием удивил как автора проекта, так и некоторых иностранных наблюдателей. Артур Ли, британский военный атташе в Вашингтоне, написал генералу в следующих выражениях: «Я думаю, вы загипнотизировали их всех!» [10, p. 154]. Однако министр милиции Борден заявил, что при реализации рекомендаций, когда он заметит различия в двух отчетах, он будет следовать советам комитета.

Еще одной проблемой для британского генерала стало присутствие в канадских вооруженных силах такого феномена как «политический патронаж». Сущность этого явления состояла в том, что если офицер канадской милиции становился членом парламента, этот политический пост мог усилить его военное влияние в полку и наоборот: свой военный авторитет он мог использовать для принятия политических решений. У офицеров, которые не были членами парламента, нередко были обширные политические связи. Таким образом, назначения и отставки офицеров напрямую зависели от их собственного политического веса или поли-

тического влияния покровителей. Если такого офицера привлекали к ответственности, он имел право обратиться к главнокомандующему. В случае если результат его не удовлетворял, либо ему было отказано в проведении расследования, он мог напрямую обратиться к министру милиции. Часто офицерам, обладающим политическим влиянием и авторитетом среди местных членов парламента, после консультации с министром милиции, смягчали или вовсе снимали дисциплинарное взыскание. В таких обстоятельствах привлечь злоупотребляющих своими полномочиями офицеров к ответственности было очень сложно. Не удивительно, что в 1884 г. американский критик описывал канадскую милицию как «разновидность военной системы подкупов в политической жизни» [15, p. 63]. Военные-парламентарии могли протестовать против распоряжений командующего, обвинять его в неконституционных действиях, отсутствии такта. Фактически такие протесты «военных политиков» помогли отставке двух предшественников Хаттона – генералов Герберта и Гасконе.

Традиции политического патронажа были использованы, когда Хаттон попытался представить имперским офицерам приоритет над офицерами милиции канадского происхождения на основе буквальной интерпретации статьи №50 канадского закона о милиции (1886 г.). В ноябре 1898 г. он расположил во главе списка офицеров, направляемых на курсы инструктажа, имена имперских полковников Китсона и Стоуна. В августе следующего года правительство отменило это распоряжение как ущемляющее интересы местных офицеров и поместило во главу списка «военных политиков» канадского происхождения [16, p. 292]. Хаттон настаивал на сохранении прерогатив имперских военных, но отмененные распоряжения так и не были восстановлены. Когда Хаттон обратился к военным юристам Короны, они подтвердили канадское решение.

Хаттон попытался бороться с традициями политического патронажа в канадской милиции и в этой связи подверг критике самоуправство министра и генералов. Он выяснил, что, пользуясь своими политическими связями, они продали свиноводческой ферме половину площадей, предусмотренных под летние тренировочные лагеря, без оповещения самого командующего и его окружения. Для того чтобы сохранить полную самостоятельность, Хаттон ввел систему личных приказов, которым должны были под-

чиняться все служащие департамента милиции, а также запретил своим подчиненным консультироваться с министром без его разрешения. Таким образом он пытался обособить военную администрацию от гражданской власти (министра милиции и его заместителя).

Хаттон, руководствуясь статьей о верховенстве имперских офицеров в доминионе, был убежден, что действует строго по закону и в рамках конституции. Однако знатоки канадского военного законодательства считали иначе. На основе принципа ответственного правительства они доказывали, что Хаттон действует неконституционно. Принцип ответственного правительства означал верховенство канадских властей во взаимоотношениях с имперскими чиновниками, находящимися на службе в доминионе. Хаттон же стремился быть единственным военным советником министра, что вызвало неудовольствие Бордена. По чисто военным делам министр предпочитал советоваться не с Хаттоном, а со своим заместителем. А заместитель и его сторонники находились в сильной оппозиции к действиям британского генерала.

Несмотря на рост правительственной оппозиции, Хаттон имел успех в канадском обществе. Лорд Минто писал, что «люди и пресса, в общем, на его стороне» [11, р. 52]. В октябре 1899 г., благодаря пропаганде национальной армии, канадская общественность выступила за отправку отрядов в Южную Африку. Еще до начала англо-бурской войны по поручению Минто командующий канадской милицией разработал схему мобилизации канадских вооруженных сил в случае войны. «Хаттон даже сообщил британскому военному министерству о том, что предоставление Канадой в распоряжение Лондона бригады в 1200 человек – дело «практически решенное», хотя это было весьма далеко от истины. И генерал-губернатор, и командующий милицией прилагали немалые усилия к тому, чтобы убедить канадское правительство в необходимости выступить с официальным предложением об оказании помощи метрополии, порой выходя при этом за рамки своих конституционных полномочий» [1, с. 38]. Для канадского правительства была предпочтительнее идея организации бригады добровольцев, тогда можно было избежать официального участия в войне. Между тем, лорд Минто и Хаттон опасались, что британское правительство могло отказаться от принципа добровольного участия и в принудитель-

ном порядке заставить доминион отправить официальный контингент.

Для канадского премьер-министра и его коллег в правительстве Южная Африка была слишком далеко и ее проблемы никак не затрагивали интересы Канады. Однако имперские настроения в Канаде были еще слишком сильны, а общественность была заинтересована в добрососедских отношениях с Британией. Поэтому серьезно рассматривать тот факт, что Канада могла отказаться от отправки отрядов, не представляется возможным, хотя по данному вопросу в доминионе наблюдались значительные противоречия. Фактически борьба шла не на официальном уровне между правительствами, а в частном порядке – между британским генералом Хаттоном и канадским полковником Хьюзом. Главкомандующий широко пропагандировал среди военных и в прессе идею официального участия доминиона в имперской войне. Хьюз, будучи командиром 45 канадского батальона, предложил организовать и возглавить канадских добровольцев для отправки в Трансвааль [8, р. 34].

Полемике, которая активно продолжалась в течение длительного времени, можно проследить по тому большому количеству писем, которыми обменивались летом 1899 г. Хаттон, Хьюз и другие канадские офицеры. В письмах, адресованных Хаттону, канадский полковник высказывал абсолютную веру в то, что метрополия остро нуждается в канадских вооруженных силах, и требовал принятия плана добровольного участия Канады в войне. В ответ на призыв Хьюза сотни добровольцев выразили желание воевать с бурами, что встревожило британского генерала. На следующее утро, после того как Хьюз обнародовал в палате общин канадского парламента свой план призыва добровольцев, Хаттон категорически запретил ему впредь публично выступать по вопросам военного участия доминиона в войне без его персонального разрешения [2, р. 301]. В частной беседе с премьером глава милиции заявил, что канадские добровольцы не обладают высокой боевой готовностью, профессиональной и полевой выучкой, тактической подготовкой и не способны вести боевые действия в условиях современной войны. Поэтому план, предложенный Хьюзом, был абсолютно неприемлем. В свою очередь генерал заявил, что все добровольцы смогут присоединиться к официальному канадскому контингенту. Он предложил разделить канадский воинский контингент на боевые группы по

125 человек для поглощения их отрядами регулярной британской армии [3, р. 268].

В сентябре 1899 г. Хьюз попытался в частном порядке сформировать добровольный воинский контингент для службы в Южной Африке, разослав во все канадские воинские корпуса письменное обращение с патриотическим призывом. Командующий признал действия Хьюза незаконными, нарушающими британский армейский акт. В октябре 1899 г. он официально обратился с письмом к министру милиции Бордену. С одной стороны, Хаттон высоко оценивал «рвение и патриотизм», с которым Хьюз склонял канадское общественное мнение к идее военной службы на пользу империи. С другой стороны, он не мог поощрять деятельность Хьюза «из-за отсутствия должного духа субординации и недостатка военной рассудительности» [2, р. 301]. В письме командующий рекомендовал отставку Хьюза от командования полком и перемещение его в список офицеров, находящихся в отставке. В ответ Хьюз, объясняя в палате общин свои действия, заявил: «Я выполнял все приказы, которые давал мне генерал Хаттон, хотя признаю, что многие из них противоречили инструкциям и здравому смыслу» [2, р. 302].

Когда события англо-бурской войны стали развиваться стремительно (бурский ультиматум королеве Виктории, серия сокрушительных поражений британской армии в декабре 1899 г.) на повестку дня с особой остротой был поставлен вопрос о канадской помощи. В этих условиях канадское правительство стало подозревать Хаттона в том, что он втайне обещал Британии официальный воинский контингент и явился инициатором преждевременного объявления в «Канадиен Милитари Газетт» сообщения об отправке такого контингента. И хотя конкретных фактов представлено не было, в Канаде считали, что отправка контингента в Африку явилась заслугой командующего милицией [7, р. 34].

Летом 1900 г. Лорье направил генерал-губернатору как посреднику между канадскими и британскими властями запрос об отставке Хаттона. Аргументы в пользу отставки генерала были весомыми. Выяснилось, что генерал помимо того, что искусственно форсировал отправку отрядов в Африку, давал своим подчиненным «секретные инструкции». Он приказал не показывать Бордену многие ведомственные документы, которые по закону, прежде чем вступить в силу, должны были получить санк-

цию министра милиции. Кроме того, он не позволял отдавать ведомственные документы на подпись министру без его разрешения [7, pp. 34-35]. Когда эти факты стали известны, разразился скандал и премьер-министр потребовал его отставки. В официальном заявлении Лорье обвинил британского генерала в том, что он, чувствуя за спиной поддержку министра по делам колоний и генерал-губернатора, неумеренно критиковал колониальную армию, требовал беспрекословного повиновения со стороны своих подчиненных и пытался диктовать местному правительству условия [11, р. 167].

Минто в обращении к премьеру выступил в защиту Хаттона. Он указал на опасность политического равнодушия к милиции и обратил внимание на неучитываемость министра в отношении командующего. Однако эти аргументы не убедили Лорье, и губернатор вынужден был уступить. Он написал Дж. Чемберлену, что было бы большой политической ошибкой выступать в защиту позиции, занятой генералом. Любая попытка оставить Хаттона на посту расценивалась бы в доминионе как «не имеющее оправдания имперское давление» [16, р. 293].

В результате Хаттон по требованию канадского правительства был уволен со своей должности за превышение служебных полномочий. Британское правительство поддержало требование доминиона и приняло факт неповиновения британского генерала канадским инструкциям. Военно-политическое руководство метрополии, ознакомившись с работой Хаттона, заявил, что он был бессилен модернизировать канадскую милицию без поддержки парламента, премьер-министра и министра милиции и обороны. Генерал-губернатор доказывал, что отзыв Хаттона добавит трудностей, поскольку другие имперские офицеры будут отказываться принять этот пост в будущем. Кабинет Лорье имел свое представление по данной проблеме: «Имперские офицеры, кажется, чувствуют, что они служат в канадских вооруженных силах в качестве имперских офицеров, но как таковые они не находятся в Канаде под контролем соответствующего министра Короны. Они подчиняются канадским властям и контролируются канадским правительством» [6, р. 169].

14 февраля 1902 г., за день до отъезда, на банкете в свою честь Хаттон публично атаковал правительство за политику вмешательства в дела милиции. Однако замечания генерала получили на удивление незначительный отклик канадской общественности и парламента. По-

сле отставки генерала в обществе наблюдалось оживление агитации за назначение главнокомандующего канадского происхождения. Британские власти выразили протест, и канадское правительство согласилось с тем, что для такого изменения еще не пришло время [11, р. 59].

Несмотря на попытки Хаттона провести модернизацию канадской милиции, в ней не произошло значительных изменений. Как пишет канадский историк Норманн Пенлингтон, в теории канадцы хотели реализовать реформу, но на практике это желание, как обычно, потонуло в общественном равнодушии, стремлении к экономике и интересах политического патронажа [11, р. 133]. Милицией по-прежнему командовал имперский офицер, британские отряды несли гарнизонную службу в Галифаксе, британский флот патрулировал канадские воды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кукушкин В.Е. Канада и англо-бурская война / Из британской истории нового и новейшего времени. Межвузовский сборник научных трудов. Челябинск, 1992. С. 35-51.
2. Hopkins, J.C. ed., 1902. The Canadian Annual Review of Public Affairs. Vol. 1. Toronto.
3. Denison, G.T., 1909. The struggle for imperial unity: recollections and experiences. London, 1909.
4. Dilke, C.W. and Wilkinson, S., 1892. Imperial defense. London.
5. Evans, W.S., 1901. The Canadian contingents and Canadian imperialism. A story and the study. Toronto.
6. Gordon, D.C., 1965. The Dominion partnership in imperial defense, 1870-1914. Baltimore-Maryland.
7. Gundy, H.P., 1952. Sir Wilfrid Laurier and Lord Minto, Report of the Annual Meeting of the Canadian Historical Association, Vol. 31, no. 1, pp. 28-38.
8. Hughes, S.H., 1950. Sir Sam Hughes and the problem of imperialism, Report of the Annual Meeting of the Canadian Historical Association, Vol. 29, no. 1, pp. 30-41.
9. Miller, C., 1969. Sir Frederic William Borden and military reform, 1896-1911, Canadian Historical Review, Vol. 50, no. 3, pp. 265-284.
10. Penlington, N., 1974. Canada and imperialism, 1896-1899. Toronto.
11. Penlington, N., 1969. General Hutton and the problem of military imperialism in Canada, 1898-1900. In: Imperial relations in the age of Laurier. Toronto, pp. 45-60.

12. Perry, W., 1956. Military reforms of General Sir Edward Hutton in New South Wales, 1893-1896, Australian Quarterly Review, Vol. 28, no. 4, pp. 65-75.

13. Stacey, C.P., 1952. Canada and the Nile Expedition of 1884-85, Canadian Historical Review, Vol. 33, no. 4, pp. 320-324.

14. Stacey, C.P., 1957. John A. Macdonald on raising troops in Canada on imperial service, 1885, Canadian Historical Review, Vol. 38, no. 1, pp. 37-40.

15. Stacey, C.P., 1940. The military problems of Canada. Toronto.

16. Stanley, F.G., 1954. Canada's soldiers. 1604-1954. Toronto.

REFERENCES

1. Kukushkin, V.E., 1992. Kanada i anglo-burskaya voyna [Canada and the Anglo-Boer war]. In: Iz britanskoi istorii novogo i noveishego vremeni. Mezhdvuzovskiy sbornik nauchnykh trydov. Chelyabinsk, pp. 35-51. (in Russ.)
2. Hopkins, J.C. ed., 1902. The Canadian Annual Review of Public Affairs. Vol. 1. Toronto.
3. Denison, G.T., 1909. The struggle for imperial unity: recollections and experiences. London, 1909.
4. Dilke, C.W. and Wilkinson, S., 1892. Imperial defense. London.
5. Evans, W.S., 1901. The Canadian contingents and Canadian imperialism. A story and the study. Toronto.
6. Gordon, D.C., 1965. The Dominion partnership in imperial defense, 1870-1914. Baltimore-Maryland.
7. Gundy, H.P., 1952. Sir Wilfrid Laurier and Lord Minto, Report of the Annual Meeting of the Canadian Historical Association, Vol. 31, no. 1, pp. 28-38.
8. Hughes, S.H., 1950. Sir Sam Hughes and the problem of imperialism, Report of the Annual Meeting of the Canadian Historical Association, Vol. 29, no. 1, pp. 30-41.
9. Miller, C., 1969. Sir Frederic William Borden and military reform, 1896-1911, Canadian Historical Review, Vol. 50, no. 3, pp. 265-284.
10. Penlington, N., 1974. Canada and imperialism, 1896-1899. Toronto.
11. Penlington, N., 1969. General Hutton and the problem of military imperialism in Canada, 1898-1900. In: Imperial relations in the age of Laurier. Toronto, pp. 45-60.
12. Perry, W., 1956. Military reforms of General Sir Edward Hutton in New South Wales, 1893-

1896, Australian Quarterly Review, Vol. 28, no. 4, pp. 65-75.

13. Stacey, C.P., 1952. Canada and the Nile Expedition of 1884-85, Canadian Historical Review, Vol. 33, no. 4, pp. 320-324.

14. Stacey, C.P., 1957. John A. Macdonald on raising troops in Canada on imperial service,

1885, Canadian Historical Review, Vol. 38, no. 1, pp. 37-40.

15. Stacey, C.P., 1940. The military problems of Canada. Toronto.

16. Stanley, F.G., 1954. Canada's soldiers. 1604-1954. Toronto.

ФУНКЦИИ СМИ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В ЭФИРЕ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫХ ТЕЛЕНОВОСТЕЙ (НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ О КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВАХ)

В статье рассматривается вопрос о реализации институциональных функций средств массовой информации в современной России. В качестве основного объекта исследования были выбраны материалы о жизни Курильских островов. На основе контент-анализа выпусков федеральных программ теленовостей за 2016 г. автор определяет тематику телесюжетов о данном регионе и особенности работы корреспондентов с материалами о нем. Опираясь на данный анализ, автор приходит к выводу, что в случае с Курильскими островами СМИ в большей мере реализуют информационную функцию, а также частично функцию эмоциональной разрядки.

Ключевые слова: журналистика, телевидение, медиаобраз, социальные функции, Курильские острова

The functions of mass media and their implementation in national TV news programs (the case of the Kuril Islands). ANASTASIA A. MAKSIM (Saint Petersburg State University)

The article deals with the issue of implementation of the institutional functions of the mass media in modern Russia. The news items about the life of the Kuril Islands were chosen as the main object of the study. Basing on the content analysis of the national TV news programs of 2016, the author determines the subject area of TV pieces about the region and specifics of the journalists' work with materials about it. Relying on this analysis, the author comes to the conclusion that in the case of the Kuril Islands the media is more likely to realize the information function, as well as partly the function of emotional relaxation.

Keywords: journalism, television, media image, social functions, Kuril Islands

Журналистика и социально-политическая реальность существуют в отношениях взаимовлияния. Для большей части аудитории окружающий мир воспринимается посредством СМИ. Ежедневно мы посвящаем в среднем почти 4 часа социальным сетям и интернет-ресурсам, более 2 часов телевидению и еще более 2 часов радио и печатным источникам информации [5, с. 5]. На наше восприятие реальности влияет не только то, как мы сами выбираем контент для ознакомления, но и то, как журналисты видят окружающую действитель-

ность. Телевидение, радио, печать и другие СМИ, ставшие в наше время доступными почти всем слоям населения, не просто информируют общество о тех или иных событиях, но и предлагают людям свою оценку происходящего, свои идеалы.

У журналистики существует социальное предназначение «как системы задач по адекватному информационному обеспечению жизнедеятельности массовой аудитории и социальных институтов в соответствии с их информационными потребностями» [7, с. 58]. В данном случае

под формулировкой «адекватное информационное обеспечение» нужно понимать деятельность СМИ, способствующую развитию, совершенствованию общества. Как социальный институт журналистика обладает целым рядом функций, и их реализация или игнорирование оказывает непосредственное воздействие на характер конечного результата деятельности средств массовой информации. Дисбаланс в реализации ряда функций может стать толчком к нарушению стабильности социальной системы в целом.

Исследователи выделяют у средств массовой информации следующие функции:

- информационная – предоставление максимально полной информационной картины действительности;
- регулятивная – воздействие на общепринятые стандарты поведения, формирование общественного мнения;
- нормативная – способность формировать социальные ценности и нормы;
- просветительская – предоставление аудитории необходимой информации о правах, обязанностях и возможностях;
- социального контроля – формирование и корректировка социальной политики;
- политической социализации общества;
- эмоциональной разрядки – уменьшение или снятие напряжения.

Все эти в функции в той или иной мере должны способствовать просвещению аудитории, повышению уровня ее грамотности, а также давать возможности для взаимодействия с другими участниками социально-политических процессов.

Для российских медиапользователей в качестве источника информации большое значение имеет телевидение. Такая традиция сформировалась благодаря особым свойствам тележурналистики – вездесущности, экранности и непосредственности, которые делают информацию, поданную с экрана, более доступной для восприятия. Одними из наиболее востребованных и рейтинговых передач на телевидении являются новости. По данным ВЦИОМ, телепередачи остаются основным источником информации о событиях в окружающем мире для 57% россиян, хотя и с некоторым падением популярности [6].

Эфир теленовостей показывает нам мозаичную картину мира, даже на уровне одной страны. Одни регионы появляются в эфире регулярно, о других могут не вспоминать месяцами. Как правило, это отдаленные области со слабой инфраструктурой. Контент-анализ выпусков новостей, который проводился автором в ма-

е-июле 2014 г., показал, что до 40% материалов, вышедших в эфир в период исследования, относятся к событиям, происходившим в Москве, республике Крым и Санкт-Петербурге. Около 10 регионов набирают от 1,5% до 2% эфирного времени, в основном за счет происшествий или официальных мероприятий. Еще 71 регион России появляется в выпусках всего 1-3 раза в месяц в среднем. Как правило, внимание журналистов привлекают либо ухудшение погоды, либо события, характерные для этого конкретного региона (например, национальные праздники) [4]. Это способствует тому, что в медиасреде формируются стереотипы восприятия тех или иных областей, которые транслируются аудитории. Получается, что СМИ реализуют свои социальные функции в малой степени, во многом случайно и неосознанно.

Нужно отметить, что средства массовой информации занимают важное место в системе взаимодействия между обществом, политическими институтами, бизнесом и некоммерческими структурами. «Журналистика не только артикулирует определенные социальные ценности, не только утверждает в сознании аудитории общественно одобряемые нормы жизнедеятельности, не только формирует мировоззрение, общественное мнение, но и определяет как нравственный климат в обществе, так и совокупность его социальных настроений» [9, с. 4]. Особенность функционирования СМИ в том, что они не вырабатывают управленческих, политических решений, законов. Они должны создавать такую социально-информационную ситуацию, когда любое решение может быть подвергнуто общественным мнением социальной экспертизе, оценке, принятию, одобрению или неприятию и пассивному (активному) сопротивлению.

Рассмотреть пример формирования стереотипов восприятия в СМИ можно на примере медиаобраза Курильских островов. Эта небольшая по меркам России территория имеет важное геополитическое, социокультурное и историческое значение. В 2016 г. средства массовой информации вновь обратили внимание на регион после ряда заявлений и визита президента России в Японию. Основная тема, в связи с которой журналисты вспоминают об островах, – спор о принадлежности Курил. Как известно, со времен окончания Второй мировой войны Япония претендует на 4 острова: Шикотан, Хабомаи, Итуруп и Кунашир. Из-за разногласий вокруг этих территорий между Россией и Японией до сих пор нет мирного договора.

* МАКСИМ Анастасия Андреевна, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры телерадиожурналистики Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: aa.maksim@inbox.ru

© Максим А.А., 2017

Освещение вопроса принадлежности островов позволяет реализовать функции журналистики максимально полно. Во-первых, раскрывая тему международных отношений, СМИ должны предоставлять аудитории актуальную информацию о конфликте вокруг спорных территорий и знакомить с историей вопроса. Во-вторых, Курильские острова – это территория со сложной социально-экономической ситуацией, которая нуждается в привлечении внимания и критическом осмыслении журналистов. Наконец, через материалы об истории, природных и социальных особенностях островов масс-медиа могут способствовать формированию единого социокультурного пространства российских регионов. Наблюдения за ежедневной практикой средств массовой информации показывают, что третий упомянутый аспект зачастую выпадает из внимания журналистов и незаслуженно остается в тени. «Население интересуется в основном внутренними проблемами своего региона и взаимоотношениями местных органов власти с «центром», тогда как о жизни других регионов, даже соседних, «средний» россиянин, как правило, знает крайне мало. Такое положение дел обуславливает особую значимость средств массовой информации в формировании представлений о российском пространстве» [1, с. 10].

Почему же Курильские острова так важны для России? Во-первых, в силу своего стратегического положения. С точки зрения обороноспособности страны эти острова являются удобным восточным форпостом для защиты основной территории. Это идеальное место для расположения военно-морских баз, так как глубоководные проливы здесь не замерзают. Во-вторых, на Курилах есть запасы востребованных полезных ископаемых, а на Итурупе также находится крупнейшее в мире месторождение редкого металла рения, который используется в суперсплавах для космической и авиационной техники. Наконец, за счет особенностей климата и морских течений район островов богат рыбными ресурсами и морепродуктами [3, с. 405-406].

Курильские острова, которые входят в состав Сахалинской области, относятся к «регионам-невидимкам». Традиционные информационные поводы для появления Курил в эфире – природные катаклизмы, проблемы с рыболовецкими шхунами и редкие визиты официальных лиц.

Чтобы оценить, насколько знакомы журналисты с особенностями жизни этого региона, был проведен контент-анализ выпусков феде-

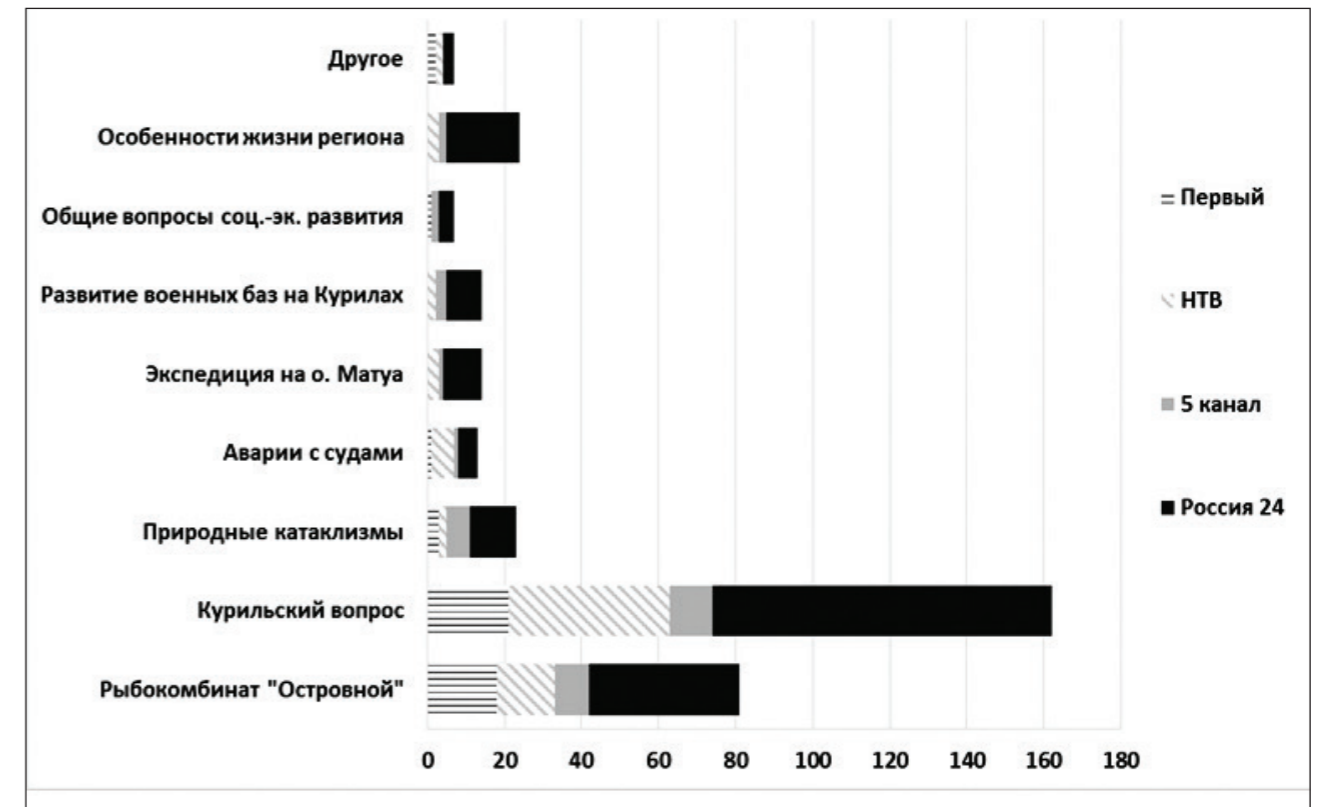
ральных программ теленовостей за 2016 г. Для анализа картины, которая складывается на основе материалов СМИ, были использованы интернет-архивы телеканалов «НТВ», «Первый» и «5 канал», а также интернет-канал vesti.ru, на котором представлены информационные сообщения телеканалов «Россия 24» и «Россия 1». В ходе исследования оценивалось, какие темы и как часто появляются в эфире, а также было проанализировано содержание сюжетов по итогам визита В.В. Путина в Японию, чтобы выделить смысловые акценты.

Как видно из диаграммы (табл. 1), основная часть материалов посвящена, так называемому Курильскому вопросу – теме споров между Россией и Японией о принадлежности части островов. Особенности жизни региона и его социально-экономического развития редко привлекают внимание редакций федеральных теленовостей. Из 347 сюжетов, которые вышли в 2016 г., бытовым проблемам Курил был посвящен только 21 материал, то есть всего около 6%, и почти все они вышли в эфире телеканала «Россия 24».

Единственная тема из этой сферы, которая ожидаемо имела широкое освещение, – это на шумевшая история о рыбокомбинате «Островной» на Шикотане. Во время прямой линии с В.В. Путиным работники предприятия пожаловались президенту на невыплату зарплаты. И реакция как чиновников, так и журналистов последовала незамедлительно. В течение следующих двух недель в эфире всех телеканалов выходили материалы о том, какие меры принимаются для разрешения ситуации. Однако после этого интерес СМИ начал затухать. Единственный канал, который регулярно отслеживал новости на рыбокомбинате «Островной» – это «Россия 24». Получается, что в отношении этой темы СМИ не выполнили свою функцию социального контроля в полном объеме. Из материалов эфира мы видим только констатацию факта конфликта и оперативных шагов по его разрешению. Однако понимания того, что предпринято для предотвращения подобных случаев в будущем, нет. То есть внимание журналистов к проблеме существует до тех пор, пока есть реакция федеральных властей. «В настоящее время на российском телевидении показывают в основном только сами проблемы... но не их решения. Таким образом, даже в случаях, если ситуация уже приведена в норму, в массовом сознании все равно остаются негативные ассоциации, связанные с данным регионом. Улучшение образа региона возможно только при проведе-

Таблица 1

Тематическое разнообразие выпусков федеральных теленовостей с упоминанием Курильских островов. 2016 г.

нии планомерной работы по решению этих проблем с одновременным освещением в СМИ всех предпринимаемых действий» [1, с. 20].

Контент-анализ наглядно показывает, как складываются стереотипы восприятия того или иного региона. В случае с Курильскими островами, помимо международной темы, очевидными типичными темами стали природные катаклизмы (циклоны, тайфуны, землетрясения и т.п.), аварии с судами (рыболовецкими и другими) и проекты военного ведомства. Нужно отметить в данном случае положительный эффект от взаимодействия журналистов и Министерства обороны. Так как военные заинтересованы в освещении своих проектов, они предлагают журналистам широкие возможности для подготовки материалов, в том числе видеосъемки из труднодоступных мест учений и участие в экспедициях. Например, съемочная группа телеканала «Россия 24» фиксировала этапы исследований на острове Матуа и выпустила серию репортажей и документальный фильм об истории этого места и перспективах его развития.

И все же в 2016 г. значительная часть материалов о Курилах была посвящена российско-японским переговорам о принадлежности

островов. Помимо регулярного обмена заявлениями официальных лиц (43% материалов по теме принадлежности Курил), в этой теме можно выделить еще несколько крупных информационных поводов: встреча Владимира Путина и Синдзо Абэ в Сочи в мае 2016 г. (6%), встреча первых лиц в рамках Восточного экономического форума во Владивостоке в сентябре 2016 г. (9%), интервью В.В. Путина иностранным журналистам в течение года (12%) и, наконец, официальный визит президента России в Японию в декабре 2016 г. (29%). Именно перечисленные встречи первых лиц служили поводом для увеличения количества материалов о Курильских островах. Однако с точки зрения понимания проблемы и описания современного положения в регионе сюжеты носили в большинстве своем формальный характер. Они отработаны в событийном ключе и существуют в своеобразном вакууме: ни истории вопроса, ни объяснения значимости этих территорий для России, ни самостоятельного анализа социально-экономического состояния региона в материалах СМИ, как правило, нет. Сюжеты зачастую выполнены в пафосной риторике, с помощью которой журналисты стремятся выразить эффективность вы-

бранной Кремлем политики. «Информационная насыщенность, повторяемость и визуализация создают иллюзию понимания смысла: формируемое эмоциональное отношение к явлениям и событиям не оставляет места аналитическому восприятию сообщений» [8, с. 2].

В рамках исследования было проанализировано содержание сюжетов, подводящих итоги визита В.В. Путина в Японию. Оценивались видеоряд и содержание текста – какие акценты расставлял журналист. Единственный материал, в котором зритель мог увидеть, как живут современные жители Курил, вышел на «Первом канале». В нем упоминались туристический потенциал островов, возможности развития альтернативных источников энергии и строительство новой птицефермы. И по всем этим темам в сюжет были включены комментарии местных жителей. В остальных материалах кадров региона практически нет, несмотря на то, что значимость переговоров о принадлежности Курильских островов подчеркивалась. Журналисты больше увлекались деталями встречи, японским колоритом и яркими заявлениями Путина и Абэ. Однако значимость высказываний не подкреплена наглядной картинкой.

Таким образом, на основе контент-анализа можно сделать вывод, что СМИ реализуют в большей мере информационную функцию, а также частично функцию эмоциональной разрядки. В остальном работа журналистов носит точечный характер, что способствует созданию мозаичной картины мира. Для работы с информацией о жизни регионов характерна ориентация на официальные поводы. При этом корреспонденты зачастую слабо разбираются в истории вопроса выбранной темы, что отражается на качестве анализа ситуации и выборе фактов для отражения в материалах. «Нетрудно видеть в этих сюжетах «полюса» социальной жизни; явно недостает информации о «среднем слое», где рождаются и развиваются проблемы. Бытие, этапы их жизненного цикла в период, когда проблемы требуют внимания и решений, как правило, не привлекают внимания как не имеющие острых событийных поводов» [8, с. 4]. В случае с Курильскими островами получается, что аудитория должна на веру принимать тезис о значимости этого региона для страны, в том время как в эфире зрители видят место с некомфортными для жизни условиями как на бытовом уровне, так и в свете природных условий. Сместить акценты могли бы материалы об истории открытия, освоения и освобождения в ходе Второй мировой войны, но этой теме так-

же уделяется крайне мало внимания. Также в современном эфире федеральных теленовостей не хватает жанрового разнообразия, когда речь идет о жизни регионов. Наиболее часто встречающиеся жанры – видеoinформация, зачитанная ведущим, и событийный репортаж. В то же время ощущается недостаток аналитических и портретных материалов.

Особенность телевизионного медиа-продукта в том, что сообщения, появляющиеся в эфире, воспринимаются обществом как наиболее важные и значимые в контексте жизни страны. СМИ, и особенно телевидение, являются основным инструментом выражения общественного мнения и во многом влияют на его формирование, а значит – на журналистов ложится ответственность за формирование информационной повестки дня. При этом растет конкуренция традиционных СМИ с новыми медиа, например, социальными сетями. «Если раньше традиционные СМИ, выделяя небольшое количество тем и концентрируя на них внимание аудитории, обеспечивали некое согласие массовой аудитории по поводу предпочтительных тем для обсуждения, то с помощью новых медиа у пользователя есть возможность идентифицировать себя с более индивидуальными повестками. Падение влияния традиционных медиа и мультипликация новых площадок средств массовой информации ведет к снижению интереса к национальным, наднациональным проблемам и повышению внимания к локальным. По мнению многих исследователей, такая тенденция грозит увеличением и углублением социальных расколов» [2, с. 33].

Степень участия журналистики в общественно-политических процессах зависит от формы политического устройства государства и его информационной политики. В случае, когда государственная политика реализуется как управленческая директивная деятельность, медиа преимущественно выполняют инструментальные функции, в том числе пропагандистскую, агитационную, релаксационную. В условиях сотрудничества общественно-политических институтов расширяется возможность реализации всего спектра функций журналистики, что стимулирует социальную активность населения и открытое проявление обществом отношения к социальной реальности. В этом случае журналистика выступает как своеобразный модератор формирования политической культуры. Сегодня она определяется элитарным характером взаимодействия власти и медиа и ограниченными

возможностями равноценного участия граждан в общественно-политических процессах.

Однако журналистика может служить одним из наиболее заметных стимулов для развития гражданского общества. Именно на средства массовой информации возлагается задача донести до общества идею, основные принципы гражданского общества, приемы и особенности его функционирования, пробудить интерес и активность людей, мобилизовать их на позитивную деятельность в данном направлении, то есть сформировать определенную политическую культуру общества. Работа журналистов в этом направлении может способствовать формированию и укреплению единых культурных и социальных ценностей общества и обеспечить социально-политическую стабильность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грибок М.В. Анализ формирования образов регионов России в федеральных информационных программах телевидения с помощью ГИС: автореф. дисс. ... канд. геогр. н. М., 2009.
2. Дзялошинский И.М., Дзялошинская М.И. Технологические аспекты социальной ответственности журналиста // Меди@льманах. 2014. Вып. 2. С. 32-41.
3. Кошкин А. Россия и Япония. Узлы противоречий. М.: Вече, 2010.
4. Максим А.А. Региональная информация в федеральных теленовостях как фактор формирования картины мира // Медиаскоп. 2016. Вып. 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mediascope.ru/?q=node/2092>
5. Медиапотребление в России. Ключевые тенденции за 2016 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/technology-media-and-telecommunications/articles/2016/media-consumption-in-russia.html>
6. Пресс-выпуск № 3284. Медиапотребление сегодня: пять основных фактов. 13.01.2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116026>
7. Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики. М.: Аспект Пресс, 2011.
8. Фролова Т.И. Проблемы социальной сферы в телевизионной журналистике // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2014. Вып. 2 [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: <http://www.journ.msu.ru/downloads/2015/Frolova11z.pdf>

9. Чирков М.Г. Ценности демократии в телевизионном вещании: дисс. ... канд. полит. н. СПб., 2002.

REFERENCES

1. Gribok, M.V., 2009. Analiz formirovaniya obrazov regionov Rossii v federal'nykh informatsionnykh programmakh televideniya s pomoshch'yu GIS [The analysis of the formation of the images of Russian regions in federal television information programs using GIS technology], avtoreferat dissertatsii kandidata geograficheskikh nauk. Moskva. (in Russ.)
2. Dzyaloshinskiy, I.M. and Dzyaloshinskaya, M.I., 2014. Tekhnologicheskie aspekty sotsial'noy otvetstvennosti zhurnalista [Technological aspects of the journalist's social responsibility], Medi@l'manakh, no. 2, pp. 32-41. (in Russ.)
3. Koshkin, A., 2010. Rossiya i Yaponiya. Uzly protivorechiy [Russia and Japan. Tangles of contradictions]. Moskva: Vechе. (in Russ.)
4. Maksim, A.A., 2016. Regional'naya informatsiya v federal'nykh telenovostyakh kak faktor formirovaniya kartiny mira [Regional information in national TV news as a factor in forming media reality]. URL: <http://mediascope.ru/?q=node/2092> (in Russ.)
5. Mediapotreblenie v Rossii. Klyuchevye tendentsii za 2016 god [Media consumption in Russia. Key trends for 2016]. URL: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/technology-media-and-telecommunications/articles/2016/media-consumption-in-russia.html> (in Russ.)
6. Press-vypusk № 3284. Mediapotreblenie segodnya: pyat' osnovnykh faktov. 13.01.2017 [Press release № 3284. Media consumption today: five main facts. 13.01.2017]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116026> (in Russ.)
7. Prokhorov, E.P., 2011. Vvedenie v teoriyu zhurnalistiki [Introduction to the theory of journalism]. Moskva: Aspekt Press. (in Russ.)
8. Frolova, T.I., 2014. Problemy sotsial'noy sfery v televizionnoy zhurnalistike [Problems of social sphere in television journalism]. URL: <http://www.journ.msu.ru/downloads/2015/Frolova11z.pdf> (in Russ.)
9. Chirkov, M.G., 2002. Tsennosti demokratii v televizionnom veshchani [The values of democracy in television broadcasting], dissertatsiya kandidata politicheskikh nauk. Sankt-Peterburg. (in Russ.)

ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

УДК 94(47)08(571.5)

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2017-3/84-89

Т.А. Кискидосова*

СВЕДЕНИЯ О ГОРОДАХ И ГОРОДСКОМ НАСЕЛЕНИИ
ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.
В НАУЧНОМ АРХИВЕ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматриваются материалы научного архива Русского географического общества о городах и городском населении Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. Показана уникальность и ценность рукописных работ, большая часть из которых осталась неопубликованной. Автор приходит к выводу, что рукописи выполняли научно-просветительскую функцию, они предоставляли информационные сведения и имели цель познакомить читателя с региональными особенностями сибирских городов и образом жизни местных жителей.

Ключевые слова: город, городское население, Восточная Сибирь, Русское географическое общество, архив, рукопись

Documents with information about the cities and urban population of Eastern Siberia of the late XIXth – early XXth century in the archives of the Russian Geographical Society. TATIANA A. KISKIDOSOVA (Khakass Research Institute of Language, Literature and History)

The article considers the documents of the Russian Geographical Society's archives on the cities and urban population of Eastern Siberia in the second half of the XIXth and the beginning of the XXth century. The author examines the uniqueness and value of the manuscripts, most of which remain unpublished. It is concluded that the manuscripts performed a scientific and educational function, they provided valuable information and were aimed at getting their readers acquainted with the regional specifics of Siberian cities and the way of life of local residents.

Keywords: town, urban population, Eastern Siberia, Russian Geographical Society, archives, manuscript

В последние годы исследователи вводят в научный оборот все большее количество разнообразных источников. Историки использовали и используют материалы научного архива Русского географического общества (РГО). Ряд исследователей выявили роль и значение РГО и его отделений в изучении истории и этнографии Сибири [1; 2; 4; 6; 7, с. 72-82]. Среди эпистолярного наследия архива РГО интерес представляют источники по истории городов и городского населения Восточной Сибири во второй половине XIX – начала XX в. В фондах архива по

данной теме хранятся уникальные материалы, большая часть из которых не опубликована.

В научный архив рукописи поступали как от членов Общества, так и от любителей географии и истории из широких масс. К последним относились в основном представители местной интеллигенции: учителя, врачи, чиновники, инженеры и т.д. Среди авторов работ были уроженцы или постоянные жители Сибири, а также временно оказавшиеся по службе или находившиеся в специальной научной экспедиции.

Рукописи по городам и городскому населению второй половины XIX – начала XX в. хранятся в разрядах: 55 «Сибирь», 57 «Енисейская губерния», 58 «Забайкальская область», 59 «Иркутская губерния» и 63 «Якутская область». Работы содержат географические, статистические и этнографические сведения. Большую часть рукописей представляют описания, очерки и путевые записки или заметки. Сведения о городских жителях Восточной Сибири можно также найти в материалах нескольких этнографических экспедиций начала XX в. К ним относятся песни, частушки, описания обрядов и обычаев местного населения и т.д. Записки наблюдателей-корреспондентов являются важным дополнением к истории городов и городского населения восточносибирского региона.

Отличительной чертой путевых записок или заметок является «описание путешественником географического, этнографического и социального облика увиденных им стран, земель, народов. Сибирские путевые записки нередко описывали повседневную жизнь обитателей посещаемых автором местностей» [3, с. 11-15]. Большая часть трудов представлена в виде разнообразных описаний. Членами РГО были собраны материалы и подготовлены рукописи по географическо-этнографическому описанию различных городов и областей Восточной Сибири. Все работы носили описательный характер и имели ознакомительную цель. В описании городов авторы освещали географическое местоположение, городскую инфраструктуру, занятия, обычаи и нравы местных жителей и т.д.

В ряде трудов отсутствовали важные сведения, например, имя автора и дата написания. Так, например, в «Географо-этнографическом описании Енисейской губернии» не были указаны автор и дата написания рукописи. Предположительно ее можно отнести к 1849 г. Особый интерес представляют особенности внешности, поведения, черт характера и обычаев горожан Енисейской губернии. В описании отмечалось,

что местные жители «отличались кротостью, благонаравием и гостеприимством. Любой приезжий будет принят ласково и радушно». В то же время читатель был предупрежден, что хозяев нельзя благодарить деньгами, потому что «сие повлечет хозяину неудовольствие, а деньги не примут» (Архив Русского географического общества, далее – АРГО. Разряд 57. Оп. 1. Д. 5. Л. 91).

В рукописи «Описание Енисейска» не были указаны автор и дата написания, можно предположительно отнести ее к середине XIX в. (АРГО. Разряд 57. Оп. 1. Д. 18). В описании представлена подробная информация о хозяйственной жизни Енисейска. Основное внимание обращалось на занятия горожан, ярмарочную торговлю в городе, обмен товарами с Туруханском. Подробно представленные сведения позволяют судить об активной торговой деятельности енисейских купцов. На енисейскую ярмарку съезжались иркутские, томские, и красноярские купцы, бухарцы и татары. С собой они привозили различные товары: шелковые и суконные ткани, фрукты, виноградные вина, фаянсовую и стеклянную посуду, китайские товары, хлеб, масло и т.д. Приезжих купцов интересовала прежде всего пушнина, предлагаемая на местной ярмарке в широком ассортименте. Спросом пользовались соболь, песок и белка (АРГО. Разряд 57. Оп. 1. Д. 18. Л. 9).

Сведения о городах Восточной Сибири и их особенностях представил С.М. Мармарисов, подписывавшийся инициалами «С.М.», в рукописи «Путешествие от Вологды до Якутска в половине XIX столетия». Сергей (в миру Стефан) Мармарисов был представителем духовенства. Он был архимандритом, позднее занимал должность ректора Иркутской духовной семинарии, являлся настоятелем Троицко-Селенгинского монастыря. Путевые записки были подготовлены в 1852 г. В них описывались сибирские города, основное внимание уделялось городской среде, архитектуре, быту обитателей. Рассматривая городскую среду, автор дал высокую оценку внешнему облику Красноярска. По его мнению, Красноярск «по красоте улиц и великолепию домов не уступает многим лучшим городам России» (АРГО. Разряд 55. Оп. 1. Д. 19. Л. 12). С.М. Мармарисов также описал Иркутск, назвав его «величайший, красивейший, отлично устроенный город на прекраснейшем живописном местоположении». Он восторгался множеством великолепных церквей, богатых каменных домов и торговых

* КИСКИДОСОВА Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, заведующая сектором истории Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории.

E-mail: tak_74@mail.ru

© Кискидосова Т.А., 2017

рядов с магазинами для склада товаров (АРГО. Разряд 55. Оп. 1. Д. 19. Л. 13). Сильное впечатление произвел на автора Якутск, он писал: «... вдруг из-за кустов пред Ленскими протоками представляется взором большой город с многими благолепными по краям и посередине его храмами» (АРГО. Разряд 55. Оп. 1. Д. 19. Л. 20 об.). В путевых заметках сибирские жители характеризовались в основном как честные и добрые люди. О русских переселенцах он писал, что они «очень добры, почтительны, гостеприимны, хотя большей частью не богаты, но и не бедны» (АРГО. Разряд 55. Оп. 1. Д. 19. Л. 21). Автор заметил, что жители Киренска отличались гостеприимством и широтой души. Гостей потчевали сдобными пирогами, чаем со сливками, несколькими видами рыбы, пивом, кедровыми орехами, брусникой, черемухой. В то же время С.М. Мармарисов писал, что, несмотря на честность и искренность местных жителей, к ним отчасти можно отнести русскую поговорку: «Сибирь благая, народ бешенный» (АРГО. Разряд 55. Оп. 1. Д. 19. Л. 11).

К путевым запискам можно отнести ряд работ с описанием городов Восточной Сибири, которые были подготовлены чиновником особых поручений Иркутского губернского управления В.П. Паршиным. Он собрал интересные сведения о Нерчинске, Иркутске, Канске, Красноярске и других городах. Особые симпатии у автора вызывал Иркутск, он выделял этот город среди других городов Сибири. В опубликованной работе «Описание пути от Иркутска до Москвы, составленные в 1849 г.» В.П. Паршин писал: «По красоте местоположения, сосредоточенности населения, Иркутск был значительнее Красноярска, Томска, Тобольска и даже Перми. По числу и величии он уступал только Томску» [5, с. 9].

Подробное описание Иркутска представлено в труде исследователя «Историко-географическое и этнографическое описание Иркутской губернии». Он рассмотрел разные стороны жизни города: климатические условия, архитектура, городской быт и др. К высшему обществу города были отнесены дворяне, купцы и чиновники. В.П. Паршин заметил, что последние «бьются из-за всех сил, чтобы поддержать хоть наружное свое значение». Далее автор красочно показал, какие усилия прикладывали чиновники для того, чтобы не уступать купцам. «Многие отказывают себе во всем, – писал он, – чтобы оплатить хотя бы дорогую шубу, шинель или праздничную суконную пару и, достигая этой

цели, не налюбуются собой. Соперничая с купцами, один день роскошной – окупают потом всевозможной экономией» (АРГО. Разряд 59. Оп. 1. Д. 15. Л. 226 об.). Угнаться за купцами по роскоши и блеску представлялось трудновыполнимой задачей для бедных чиновников. Попытки пустить пыль в глаза предпринимались ими нередко, но потраченные средства могли окончательно привести к разорению. В отличие от чиновников купцы вели достаточно роскошный образ жизни.

В описании городов Иркутской губернии просматривается настроение автора, его отношение к жителям того или иного населенного пункта. Например, хорошее впечатление на него произвели нижнеудинцы, он отмечал, что несмотря на малоллюдность города «живут весело, дружно и даже роскошно при существующей там дороговизне на все жизненные припасы». О жителях других городов автор был иного мнения. В.П. Паршин негативно оценил богатых верхнеудинцев: «В обращении и нравах богатых горожан есть, что-то грубое, угловатое, отталкивающее» (АРГО. Разряд 59. Оп. 1. Д. 15. Л. 323). В то же время иное мнение у него сложилось о чиновниках Верхнеудинска: «... живут дружно, весело, ставя последнюю копейку – ребром» (АРГО. Разряд 59. Оп. 1. Д. 15. Л. 329). О простолюдинах автор писал: «Это добрый и честный народ. С бойким русским смешливым умом, с веселым и насмешливым характером» (АРГО. Разряд 59. Оп. 1. Д. 15. Л. 236).

В другой работе В.П. Паршина «Историческое, географическое, статистическое и этнографическое описание Нерчинского округа Иркутской губернии» было уделено внимание Нерчинску. Автор живописно описал быт и нравы жителей города. По роду занятий и своему нраву нерчинцы были схожи с деревенскими жителями. В основном они занимались хлебопашеством и скотоводством. Горожане отличались «простотой, радушием и русским хлебосольством» (АРГО. Разряд 59. Оп. 1. Д. 13. Л. 68). В.П. Паршин заметил, что мещане и ремесленники отличались бесхозностью и ленью. Вместо того, чтобы трудиться, они сближались с поселенцами и предпочитали заниматься мошенничеством. Автор считал, что недостаток трудолюбия у местных ремесленников способствовал «резкой бедности, грубым нравам, склонности к пьянству». Иную характеристику В.П. Паршин дал представителям «высшего класса» Нерчинска. Выделялись такие положительные качества их представи-

телей, как радушие, хлебосольство и образованность. Эта часть жителей выписывала все русские журналы, в некоторых домах можно было найти порядочную библиотеку. Автор сравнивал Нерчинск с Кяхтой, которая «славилась блеском и роскошью своих пиров, а не книжным богатством» (АРГО. Разряд 59. Оп. 1. Д. 13. Л. 70 об.).

Интерес представляет рукопись «Предания о некоторых местностях Иркутской губернии». В нее вошли предания, легенды, поверья, записанные, по всей видимости, В.П. Паршиным. В рукописи автор подписался как «П-н», также неизвестна дата написания работы. Предположительно он подготовил ее в конце 1840-х – начале 1850-х гг. В.П. Паршин записал предания о некоторых местах Верхнеудинска со слов местных жителей. В частности, он зафиксировал истории, связанные с часовней и крепостью, являвшимися городскими достопримечательностями. Исследователь упомянул о древних курганах в округе, из них многие не были осмотрены (АРГО. Разряд 59. Оп. 1. Д. 38. Л. 4).

Информативностью отличаются очерки городов Восточной Сибири. В 1852 г. учитель истории и географии окружного училища Енисейска Василий Гашкевич подготовил «Очерк Енисейска». По распоряжению местных властей он написал работу о старых постройках в Енисейске. По всей видимости, исследователь наряду с заданием дополнительно занимался сбором информации о городе и его жителях. В очерке автор рассмотрел такие вопросы, как экономическое развитие и архитектура города, занятия горожан, повседневный уклад енисейцев. Он попытался проанализировать хозяйственное развитие города и указал на роль золотопромышленности в жизни региона. До открытия золотых приисков Енисейск славился нитками «как по оттенкам, так и белизне их». Этим видом рукоделия занималась исключительно женская часть Енисейска. С развитием золотопромышленности производство ниток стало постепенно угасать и в конце концов прекратилось. В. Гашкевич заметил, что золотой промысел прочно входил в жизнь обывателей, менял их уклад и давал возможность обогатиться. Он писал о негативном влиянии «золотой лихорадки» на нравственный облик енисейцев. Добыча золота «развивала ужасную роскошь, а с нею вместе страсти и губительные раздоры» (АРГО. Разряд 57. Оп. 1. Д. 10. Л. 16). В очерке уделено внимание наводнению 1848 г., которое принесло значительный урон горожанам. Автор

связывал частые наводнения с неудобным местоположением города (АРГО. Разряд 57. Оп. 1. Д. 10. Л. 7 об.).

Информация по городу Якутску получила отражение в работах статского советника, этнографа, сотрудника ИРГО В.Л. Приклонского. С 1881 по 1884 гг. он занимал пост вице-губернатора Якутской области, именно в это время он собирал материал по Якутской области и по г. Якутску. В результате исследований была подготовлена рукопись «Три года в Якутской области» (АРГО. Разряд 63. Оп. 1. Д. 9). В 1890–1891 гг. его исследования вошли в серию статей в журнале «Живая старина». В.Л. Приклонский, основываясь на собственных наблюдениях, привел разнообразные примеры из жизни представителей разных социальных групп. «Зажиточные жители Якутска, – заметил он, – занимаются земледелием, скотоводством, торговлей, рыбной отраслью. Бедные слои занимаются извозом, базарной торговлей, ремеслами» (АРГО. Разряд 63. Оп. 1. Д. 9. Л. 22). Автор остался неслестного мнения о русских старожилах. По его наблюдениям, по причине лени и презрения к честному труду никто из них не шел в услужение. Эта часть населения предпочитала влачить нищенское существование. В лучшем случае они занимались перекупкой мелких товаров, при этом имели склонность обмануть продавца и покупателя (АРГО. Разряд 63. Оп. 1. Д. 9. Л. 39). Особую роль в хозяйственной жизни города сыграли скопцы, которые получали временное разрешение проживать в Якутске. При найме на работу кухарки, няньки, кучера, сторожа и прочей прислуги большим спросом пользовались именно сосланные скопцы. Считалось, что наняв их, можно было быть спокойным за собственное имущество и безукоризненную чистоту в доме. Напротив, работники из поселенцев и якутов не обладали такими свойствами. Как и многие сибирские чиновники, автор затронул проблему ссыльных в регионе. Он писал: «В Якутск ссылают рецидивистов, прошедших всю Сибирь, отвыкших от всякого труда и стремления исправиться» (АРГО. Разряд 63. Оп. 1. Д. 9. Л. 39). В.Л. Приклонский упомянул обычай горожан отдавать детей в «якуты» или на «вскорм». Детей с младенчества и до 3-4-летнего возраста отдавали на воспитание якутам. Когда детей привозили обратно в дом к матери, то они уже не испытывали родственных чувств друг к другу, в дальнейшем между ними складывались прохладные взаимоотношения. Этот обычай становился частым явлением и

имел негативные последствия. В рукописи приведен пример, когда 18-летний юноша «имел в себе предрасудки обоим народам, ни одной прямой идеи и никакого языка, ибо якутский он недоучил, а русскому он ни у кого не учился; редкие из жителей среднего сословия не мешают плохой русский язык с еще более плохими приговорами якутского» (АРГО. Разряд 63. Оп. 1. Д. 9. Л. 39 об.).

В конце XIX – начале XX в. по заданию РГО был проведен ряд этнографических экспедиций в города и села сибирских губерний. Некоторые сведения о городах Восточной Сибири приведены в этнографических и фольклорных материалах, собранных корреспондентами РГО А.С. Скардиным, П.И. Перфильевым, Е. Ижицкой, М. Сперанской, С.М. Долгих и др. Этнографические экспедиции были совершены с 1912 по 1915 гг. в Забайкальскую область, Енисейскую и Иркутскую губернии. Информаторы описывали проведение разнообразных обычаев и обрядов, собирали песни, частушки, предания и т.д. Наряду с материалами о сельских жителях в них были приведены сведения о горожанах. Устное народное творчество ярко отразило быт и нравы местного населения. Из собранного материала только часть была опубликована в Записках РГО, периодических изданиях, сборниках. Основная масса неопубликованных материалов хранится в фондах научного архива РГО.

В целом, научный архив РГО содержит ценные материалы по истории городов и городского населения Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Исследователи в своих работах ставили прежде всего ознакомительные задачи, они акцентировали внимание на географических, статистических, климатических, этнографических описаниях. Несмотря на описательность работ, в некоторых из них были предприняты попытки осмыслить и оценить быт и нравы населения. Уникальность большей части материалов заключается в том, что они основывались на личных впечатлениях авторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арсеньева Л.Г. Деятельность Восточно-Сибирского отделения Императорского Русского географического общества по изучению истории монгольских народов (середина XIX – первая четверть XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2015.

2. Левченко А.О. Краеведческая и выставочная деятельность Восточно-Сибирского Рус-

ского географического общества (1851-1931 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2005.

3. Матханова Н.П. Сибирская мемуаристика первой половины XIX века как социокультурный феномен // Гуманитарные науки в Сибири. 2005. № 3. С. 11-15.

4. Оглезнева Т.Н. Русское географическое общество: Изучение народов северо-востока Азии. 1845-1917 гг. Новосибирск: ВО «Наука», 1994.

5. Паршин В.П. Описание пути от Иркутска до Москвы, составленное в 1849 г. М., 1851.

6. Пименова И.А. Организация и деятельность Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (1858-1918 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2007.

7. Пименова И.А. Предпосылки создания Сибирского отделения Русского географического общества и начало его экспедиционной деятельности // Проблемы Земной цивилизации. Вып. 7. Ч. II. Иркутск: «ASPrint», 2003. С. 72-82.

REFERENCES

1. Arsen'eva, L.G., 2015. Deyatel'nost' Vostochno-Sibirskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po izucheniyu istorii mongol'skih narodov (seredina XIX – pervaya chetvert' XIX v. [The study of the history of the Mongolian people by the East Siberian branch of the Imperial Russian Geographical Society (mid-XIXth – early XXth century)], avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk. Ulan-Ude. (in Russ.)

2. Levchenko, A.O., 2005. Kraevedcheskaya i vystavochnaya deyatel'nost' Vostochno-Sibirskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva (1851-1931 gg.) [Research and exhibition activity of the East Siberian branch of the Russian Geographical Society, 1851-1931], dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk. Irkutsk. (in Russ.)

3. Matkhanova, N.P., 2005. Sibirskaya memuaristika pervoi poloviny XIX veka kak sotsiokul'turniy fenomen [Siberian memoirist of the early XIXth century as a sociocultural phenomenon], Gumanitarnye nauki v Sibiri, no. 3, pp. 11-15. (in Russ.)

4. Oglezneva, T.N., 1994. Russkoe geograficheskoe obshchestvo: Izuchenie narodov severo-vostoka Azii. 1845-1917 gg. [Russian Geographical Society: the study of the peoples of Northeast Asia, 1845-1917.]. Novosibirsk: VO «Nauka». (in Russ.)

5. Parshin, V.P., 1851. Opisanie puti ot Irkutsk do Moskvy, sostavlennoe v 1849 g. [The description of the journey from Irkutsk to Moscow, made in 1849]. Moskva. (in Russ.)

6. Pimenova, I.A., 2007. Organizatsiya i deyatel'nost' Vostochno-Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva (1858-1918 gg.) [Organization and activities of the East Siberian branch of the Russian Geographical Society, 1858-1918], avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk. Ulan-Ude. (in Russ.)

7. Pimenova, I.A., 2003. Predposylki sozdaniya Sibirskogo otdeleniya Russkogo geograficheskogo obshchestva i nachalo ego ekspeditsionnoi deyatel'nosti [The background of the Siberian branch of the Russian Geographical Society and the beginning of its expeditionary activities]. In: Problemy Zemnoi tsivilizatsii, Vyp. 7, Ch. II. Irkutsk: «ASPrint», pp. 72-82. (in Russ.)

УДК 622.342.1(571.56+571.65)+910.4(571.5)
DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2017-3/90-94

Д.А. Ширина*

РАЗВИТИЕ ЗОЛОТОДОБЫЧИ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ СТРАНЫ И ОЛЕКМИНСКО-ВИТИМСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1866 г.

Целью статьи является установление роли и значения деятельности золотопромышленников в подготовке и проведении Олекминско-Витимской экспедиции. В связи с этим рассмотрена история организации предприятия и формирования состава его участников, представлен пройденный исследователями маршрут, условия и основные результаты их деятельности. Изучение документального материала об экспедиции позволило показать, что успех предприятия был обусловлен, прежде всего, сотрудничеством золотопромышленных компаний и представителей отечественной науки.

Ключевые слова: экспедиция, золотопромышленные товарищества, П.А. Кропоткин, Императорское Русское Географическое общество

The development of gold mining in the northeast of Russia and the Olekma-Vitim expedition of 1866. DANARA A. SHIRINA (Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences)

Most of the existing literature about the Olekma-Vitim expedition of 1866 is devoted to the work of Peter Kropotkin, a well-known scientist, geographer, and geologist, who headed the expedition on behalf of the Imperial Russian Geographical Society. Meanwhile, the main task of the undertaking was to search for a cattle road between the Olekma mines and the Nerchinsk District, in which the gold mining partnerships were interested. The article is aimed at establishing the role and significance of the gold miners in the organization and conduct of the Olekma-Vitim expedition. The author concludes that the success of the enterprise was mainly due to the effective cooperation of gold mining companies and Russian scientists.

Keywords: expedition, gold mining partnerships, P.A. Kropotkin, Imperial Russian Geographical Society

Как известно, в XVIII – XIX вв. в Англии, Германии, странах Скандинавии, России, Японии и США золото, которое еще до нашей эры использовали в качестве денег, становилось основой денежной системы. Обнаружение золота, разработка месторождений, появление золотых приисков стало характерным явлением в истории Сибири XIX в. В первых десятилетиях этого столетия заметный рост добычи золота в России был непо-

средственно связан с открытием богатых сибирских месторождений в Кольвано-Воскресенском горном округе, Томской губернии, Алтае-Саянской горной стране. Г.В. Наумов пишет, что Сибирь XIX в. называли «Золотым дном». Открытие в 1846 г. Ленского золотоносного района, включающего обширные территории рек Олекмы и Витима (до 1898 г. район входил в состав Якутской области) стало одним из значительных событий

в истории золотодобычи. Промышленники начали осваивать долину реки Хомолхо (приток Жуи), северо-восточную часть Ленского золотоносного района («Дальняя Тайга»), бассейн реки Бодайбо (приток Витима). Развитию добычи золота способствовали: отказ от государственной монополии на этот вид деятельности (до конца 1920 г. отрасль была казенной и кабинетской); разрешение купцам «приискивать золотосодержащие руды и пески» в Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях; указы, положившие начало формированию разрешительной системы допуска к промыслу частных лиц; наконец, разрешение заниматься разработками всем гражданам неподатных сословий. Освоение месторождений сопровождалось появлением золотопромышленных товариществ (так, в 1855 г. было создано Ленское золотопромышленное товарищество; в 1865 г. – Прибрежно-Витимское) и проводилось, в основном, при использовании купеческих капиталов [3, с. 155; 4, с. 270-271; 7, с. 603; 10, с. 87; 13, с. 11].

П.А. Кропоткин, возглавивший Олекминско-Витимскую экспедицию 1866 г., писал о системе золотых приисков («Олекминская тайга»), расположенной в «горной стране», начиная от устья Витима до города Олекминска по «системам правых притоков Лены и левых притоков Витима» [6, с. 1]. На этих приисках ежегодно работало несколько тысяч рабочих, часть продовольствия (мука и другие продукты) для которых доставляли с юга по Лене, а скот для снабжения мясом пригоняли с Вилюя. Последнее обуславливало значительные расходы капитала и высокие цены на мясо [6, с. 1].

В январе 1866 г. золотопромышленные товарищества (Ленское П.П. Баснина и П.И. Катышевцева; Прибрежно-Витимское Сибирякова, Базанова, Немчинова и Трапезникова), а также управление делами наследников К. Трапезникова обратились в Сибирский отдел Императорского Русского географического общества с просьбой командировать одного из его членов в экспедицию для отыскания скотогонного пути из Нерчинского округа на Олекминские прииски. При этом они сообщали о пожертвовании 1500 рублей на снаряжение этого предприятия. Приняв «с благодарностью» предложение, Сибирский отдел решил командировать в экспедицию П.А. Кропоткина [6, с. IX].

О главной цели Олекминско-Витимской экспедиции П.А. Кропоткин писал: «Пройти во что бы то ни стало и проложить дорогу для будущих гуртов скота, которые должны быть

прогнаны из Читы на Олекминские прииски». А «удастся собрать богатый научный материал или нет, – это был уже вопрос второстепенный» [6, с. XVI, XVIII].

Для обсуждения вопросов, касавшихся снаряжения экспедиции, маршрута ее продвижения, определения деятельности П.А. Кропоткина Распорядительный комитет сформировал специальную комиссию. Члены этой комиссии согласились с предложением золотопромышленников начать исследования в направлении с севера на юг, учитывая знания местности олекминскими тунгусами, значение приисков для снаряжения экспедиции, а также возможность приобрести якутских лошадей, отличавшихся особой выносливостью и невзыскательностью к корму. Кроме того, комиссия приняла решение освободить П.А. Кропоткина от ведения маршрутной съемки и предусмотрела его занятия геогностическими исследованиями [6, с. 19-21].

В состав экспедиции вошли:

– П.А. Кропоткин (1842-1921), руководитель экспедиции, тогда адъютант начальника штаба генерал-губернатора; известный географ, геоморфолог и общественно-политический деятель; автор ряда научных работ. Образование П.А. Кропоткин получил в Пажеском корпусе, позже – в Петербургском университете (математическое отделение). После путешествий 1864-1866 гг. по Забайкалью, Амуру, Сунгари, Тункинскому хребту, Лене, Витиму и Витимскому плоскогорью был избран секретарем отделения физической географии Русского географического общества. Как теоретика анархизма его преследовало царское правительство. В 1874 г. П.А. Кропоткин был арестован, бежал за границу (Англия, Швейцария, Франция), а в 1917 г. вернулся в Москву) [1, с. 352-355].

– И.С. Поляков (1847-1887), зоолог, антрополог, этнограф. Образование получил в университете Санкт-Петербурга; магистр зоологии, хранитель зоологического музея Академии наук; участник ряда путешествий 1870-х – 1880-х гг. (Олонская губерния, Березовский край, Мариинский округ Томской губернии, озеро Балхаш, остров Сахалин); автор ряда «Отчетов» об экспедициях и исследований по этнографии и антропологии, работ по истории изучения каменного века и крестьянского населения; составитель разнообразных коллекций, поступивших в Императорскую Академию наук [2, с. 460]; вошел в состав экспедиции по предложению П.А. Кропоткина «при полном согласии на это» золотопромышленников [6, с. 21]).

* ШИРИНА Данара Антоновна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН.

E-mail: danara_shirina@mail.ru

© Ширина Д.А., 2017

– П.А. Машинский, топограф, командирован для участия в экспедиции Генеральным штабом, который предусмотрел выдачу ему «суточных и прогонных денег»).

– П.С. Чистохин, читинский купец, нерчинский скотопромышленник «постоянно занимавшийся доставкой скота на Баргузинские прииски».

– С.К. Мельников, доверенный Ленского золотопромышленного товарищества, поручившего ему все хозяйственные работы, который вместе с П.С. Чистохиним приобретал все необходимое для экспедиции в приисковых магазинах, подбирал конюхов, седлал и вьючил лошадей.

– М.В. Рухлов, доверенный Ленского товарищества, «по мысли которого, – писал П.А. Кропоткин, – возникла эта экспедиция» и который «принимал в ней самое живое участие».

В экспедиции также приняли участие два бурята из Агинской степи, приглашенные П.С. Чистохиним, которые могли бы в будущем сопровождать гурты скота из Читы в Олекму [6, с. XII, XVII, 21], С. Степанов и К. Кудрин, проводники экспедиции, эвенки Жеюготского рода Олекминского ведомства [11, с. 58] и конюхи.

Маршрут экспедиции выглядел следующим образом: Иркутск (оставили 9 мая 1866 г.) – Якутский тракт – Качуг на Лене (прибыли 10 мая; остановились на 2 дня; здесь собрались вместе П.А. Кропоткин, И.С. Поляков, П.И. Машинский, П.С. Чистохин и два бурята) – Жигалово – Усть-Кут – Киренск – Крестовская «резиденция» (прибыли 30 мая; остановились на 5 дней) – Тихоно-Задонский прииск, «главный стан» Ленского золотопромышленного товарищества (прибыли 12 июня; пробыли 19 дней; прииск, по словам П.А. Кропоткина, «был избран исходной точкой ... путешествия», где золотопромышленники Ленского товарищества «заготовили все нужное для снаряжения экспедиции – лошадей, седла, припасы и т.п.»; посетили прииск Вознесенский; П.А. Кропоткин нашел «положительные доказательства прежнего распространения ледников», а И.С. Поляков собрал сведения о птицах тайги, местной флоре и фауне; оставили 2 июля) – «длинным, пестрым караваном» на 34 лошадях в составе 12 человек перебрались через Вачу – пересекли Ленско-Витимский водораздел – переправились через Витим (10-11 июля) – далее по речкам – Нерпи, Чаянгре, Янгуде, Уксёмукиту – долина Муи (вышли 23 июля; П.А. Кропоткин замечал: «Роскошь этой долины поражала нас») – прииск

Задорный – прииск Серафимовский Баргузинского округа (здесь экспедиция пополнила свои запасы) – переправились через Витим – миновали озеро Телембинское (5 сентября) – пересекли Яблоновый хребет – встали табором на берегу Читы, а 8 сентября вьючным караваном въехали в Читу [6, с. IX-XVI].

О сложности пройденного пути П.А. Кропоткин писал: «Мы шли большею частью тропой; но тунгусская тропа в большинстве случаев значит то, что в 50-100 саженях одно от другого надломлено деревце, или на его коре сделано пальвою крошечная затесь. Никто из нас, русских и бурят, никогда не мог разглядеть этой тропы» [6, с. XIX].

Благодаря золотопромышленникам экспедиция была обеспечена ржаными сухарями, спиртом, подковами, «просторными и великолепными» двускатными монгольскими палатками, порохом, свинцом и «в скромных пределах» – сахаром, крупой, маслом, одеждой, вяленным мясом [6, с. XIII]. О роли золотопромышленников в снаряжении экспедиции и их значении для научных исследований П.А. Кропоткин замечал: «Все эти весьма существенные пожертвования дали Сибирскому отделу возможность участвовать в экспедиции, снарядить которую на собственный счет нечего было и думать. Мы со своей стороны считаем нашим долгом выразить здесь нашу искреннюю признательность гг. золотопромышленникам за то, что они дали нам возможность ознакомиться с этой интересною страной, и за то радушное содействие, которое мы встречали во всех к выполнению возложенного на нас поручения» [6, с. 23]. Условиями, способствовавшими удачному проведению экспедиции, ученый также считал «обширный запас сведений», собранных предшественниками; карту, «которой могли доверять вполне»; заметное увеличение числа поселений на севере и юге в связи с развитием приисковых систем; «большие средства», располагая которыми, путешественники «могли смело идти на юг, не рискуя остаться без пищи где-нибудь в совершенно неизвестной стране» [6, с. XVI].

Обеспеченность экспедиции («гг. золотопромышленники решили принять на себя все расходы по экспедиции, снаряженной в этих размерах, какие они окажутся на месте» [6, с. 23]), продуманность маршрута ее продвижения («направление нашего пути было именно такое, какое следовало бы избрать, если бы цель экспедиции была чисто научная, – именно поперек всей группы этого сложного нагорья, от

Ленских плоских возвышенностей до Нерчинских степей» [6, с. XVIII]), практически полное освобождение П.А. Кропоткина и И.С. Полякова от хозяйственных работ стали условиями впечатляющих достижений Олекминско-Витимского путешествия в различных областях научного знания.

Главная цель экспедиции, писал П.А. Кропоткин, «была достигнута, и как показал опыт, наша дорога, не без которых исправлений, оказалась годною для прогона скота». В подтверждение этого, П.С. Чистохин в 1867 и в 1868 гг. пригонял скот из Забайкалья на Тихоно-Задонский прииск [6, с. XVI, 104].

П.А. Кропоткин впервые воссоздал представление о сложной орографии нагорной Азии, ограниченной на западе Байкалом, на востоке Олекмой, на севере Леной и на юге Читой; описал ее географические особенности и выделил четыре геоморфологических района (долина Лены, Ленская возвышенность, Олекминско-Витимская горная страна, Витимское плоскогорье); проводил геологические наблюдения, разработал новую теорию о первичном поднятии Азии. Материалы, найденные им на Тихоно-Задонском и Вознесенском приисках (сглаженные поверхности гнейсовых горных вершин, моренные отложения золотоносных песков, изборожденные валуны), послужили началом работы П.А. Кропоткина о древнем оледенении территорий Европы, Азии и Северной Америки, началом формирования его теории ледниковой эпохи. В отчете об Олекминско-Витимской экспедиции 1866 г. он замечал о своей убежденности, «что ледниковые явления распространялись и на Восточную Сибирь, по крайней мере, на северо-восточную ее часть» [5, с. 108-109; 8, с. 47, 48; 9, с. 10; 10, с. 88-90; 12, с. 92-93, 95-96].

И.С. Поляков проследил взаимозависимость местной флоры и фауны, исследовал изменения, происходившие в них «под влиянием человека» [6, с. XIII].

Экспедиция привезла 250 образцов горных пород; ботаническую коллекцию; журнал метеонаблюдений, который в течение 10 лет вел М.С. Игнатъев на прииске Вознесенском. Путешественники составляли климатические заметки и антропологические описания, разработали карту части Олекминско-Витимской горной страны и петрографическую карту золотых приисков Олекминской системы [6, с. XX, XXI, XXIII, 161; 10, с. 89].

После посещения Тихоно-Задонского и Серафимовского приисков П.А. Кропоткин заме-

чал, что можно было бы написать пару страниц о положении приискового рабочего, «которые вызвали бы либо проклятие, либо слезу у впечатлительного читателя» [6, с. XX].

Таким образом, представители золотопромышленных товариществ стали инициаторами экспедиции; непосредственно участвовали в формировании ее состава и определении маршрута следования путешественников; оплатили все экспедиционные расходы и создали благоприятные условия для научной работы. Изучение документального материала об Олекминско-Витимской экспедиции в контексте развития золотодобычи позволило показать положительный результативный опыт сотрудничества представителей золотопромышленных компаний и деятелей науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берг Л.С. Петр Алексеевич Кропоткин как географ (1842-1921) // Отечественные физико-географы и путешественники. М., 1959. С. 352-355.
2. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. XXIV, 1892. СПб.: Типо-литография И.А. Ефрона, 1892.
3. Золотодобывающая промышленность // Большая советская энциклопедия. 2-е издание. Т. 17. М., 1952. С. 154-156.
4. Кириллов А.К., Лаппарова И.Ф. Ленские золотые прииски // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 2. Новосибирск, 2009. С. 270-271.
5. Кропоткин П.А. Письма из Олекминско-Витимской экспедиции В.А. Милютину // Маркин В.А. Неизвестный Кропоткин. М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. С. 67-74.
6. Кропоткин П.А., Поляков И.С. Отчет об Олекминско-Витимской экспедиции // Записки РГО. 1873. Т. III. С. 15-930.
7. Лешков В.Г., Сапоговская Л.В. Золотопромышленность // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1. Новосибирск, 2009. С. 601-606.
8. Маркин В.А. Петр Алексеевич Кропоткин. М.: Наука, 1985.
9. Маркин В.А. П.А. Кропоткин и науки о Земле // Научное наследство. Петр Алексеевич Кропоткин. Естественно-научные работы. М.: Наука, 1998. С. 7-29.
10. Наумов Г.В. Олекминско-Витимская экспедиция П.А. Кропоткина // Вопросы истории естествознания и техники. 1970. Вып. 2(31). С. 87-90.
11. Оглезнева Т.Н. Русское географическое общество: изучение народов северо-востока Азии. 1845-1917 гг. Новосибирск: Наука, 1994.

12. Сухова Н.Г. Физико-географические исследования Восточной Сибири в XIX веке. М.-Л.: Наука, 1964.

13. Хатылаев М.М. Золотопромышленность Якутии (1923-1937 гг.). Якутск: Якутское книжное издательство, 1972.

REFERENCES

1. Berg, L.S., 1959. Petr Alekseevich Kropotkin kak geograf (1842-1921) [Peter Alekseevich Kropotkin as a geographer (1842-1921)]. In: Otechestvennye fiziko-geografy i puteshestvenniki. Moskva, pp. 352-355. (in Russ.)

2. Brokgauz, F.A. and Efron, I.A., 1892. Entsiklopedicheskii slovar' [Encyclopedic dictionary]. Vol. 24. Sankt-Peterburg: Tipolitografiya I.A. Efrona. (in Russ.)

3. Zolotodobyvayushhaya promyshlennost' [Gold mining industry]. In: Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya. Vol. 17. Moskva, 1952, pp. 154-156. (in Russ.)

4. Kirillov, A.K. and Lapparova, I.F., 2009. Lenskie zolotyie priiski [Lena gold mines]. In: Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri. Vol. 2. Novosibirsk, pp. 270-271. (in Russ.)

5. Kropotkin, P.A., 2002. Pis'ma iz Olekminsko-Vitimskoi ekspeditsii V.A. Milyutinu [Letters from the Olekma-Vitim expedition to Milyutin]. In: Markin, V.A. Neizvestniy Kropotkin. Moskva: «OLMA-PRESS», pp. 67-74. (in Russ.)

6. Kropotkin, P.A. and Polyakov, I.S., 1873. Otchet ob Olekminsko-Vitimskoi ekspeditsii

[Report on the Olekma-Vitim expedition], Zapiski RGO, Vol. III, pp. 15-930. (in Russ.)

7. Leshkov, V.G. and Sapogovskaya, L.V., 2009. Zolotopromyshlennost' [Gold industry]. In: Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri. Vol. 1. Novosibirsk, pp. 601-606. (in Russ.)

8. Markin, V.A., 1985. Petr Alekseevich Kropotkin [Peter Alekseevich Kropotkin]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

9. Markin, V.A., 1998. P.A. Kropotkin i nauki o Zemle [P.A. Kropotkin and the Earth sciences]. In: Nauchnoe nasledstvo. Petr Alekseevich Kropotkin. Estestvenno-nauchnye raboty. Moskva: Nauka, pp. 7-29. (in Russ.)

10. Naumov, G.V., 1970. Olekminsko-Vitimskaya ekspeditsiya P.A. Kropotkina [Olekma-Vitim expedition of P.A. Kropotkin], Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki, no. 2(31), pp. 87-90. (in Russ.)

11. Oglezneva, T.N., 1974. Russkoe geograficheskoe obshchestvo: izuchenie narodov severo-vostoka Azii. 1845-1917 gg. [Russian Geographical Society: the study of the peoples of Northeast Asia. 1845-1917]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)

12. Sukhova, N.G., 1964. Fiziko-geograficheskie issledovaniya Vostochnoi Sibiri v XIX veke [Physiographical studies of Eastern Siberia in the XIX century]. Moskva-Leningrad: Nauka. (in Russ.)

13. Khatylaev, M.M., 1972. Zolotopromyshlennost' Yakutii (1923-1937 gg.) [Gold industry of Yakutia, 1923-1937]. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo. (in Russ.)

УДК 930:001.83 (571.6) «1956»

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2017-3/95-104

О.П. Еланцева, С.В. Плохих, З.А. Ковалева*

«ЗДЕСЬ НЕПОЧАТЫЙ КРАЙ ВОЗМОЖНОСТЕЙ, ЗДЕСЬ ВЕЛИКОЕ БУДУЩЕЕ»: К ИСТОРИИ ВЫЕЗДНОЙ СЕССИИ ОИН АН СССР ВО ВЛАДИВОСТОКЕ (1956 г.)

В статье рассмотрена история подготовки и проведения выездной объединенной сессии Отделения исторических наук (ОИН) АН СССР и Дальневосточного филиала АН (ДВФАН) СССР во Владивостоке в 1956 г. Это важное мероприятие стало одновременно и примером активизации внимания к развитию исторической науки на Дальнем Востоке, и солидным фактором, содействующим ее успешному становлению. Документальной основой статьи является комплекс государственных и личных документов, материалы периодической печати, большая часть которых впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: историческая наука, научные учреждения, Дальний Восток, академик М.Н. Тихомиров, А.П. Окладников

“There is no end to possibilities, there is a great future here”: the visiting session of the Department of Historical Sciences of the USSR Academy of Sciences in Vladivostok (1956). OLGA P. ELANTSEVA, SVETLANA V. PLOKHICH, ZINAIDA A. KOVALEVA (Far Eastern Federal University)

The article deals with the history of organization and conducting of the joint visiting session of the Department of Historical Sciences (USSR Academy of Sciences) and the Far Eastern Branch of the USSR Academy of Sciences in Vladivostok in 1956. This important event became both an example of intensifying attention to the development of historical research in the Soviet Far East and a solid factor contributing to its successful development. The article is based on the study of a variety of public and private documents, and press.

Keywords: history, scientific institutions, Russian Far East, M.N. Tikhomirov, A.P. Okladnikov

В июне 2016 г. в конгрессно-выставочном центре Дальневосточного федерального университета во Владивостоке состоялась встреча Председателя Государственной Думы, председа- дателя Российского исторического общества С.Е. Нарышкина с историками Дальнего Востока, приехавшими из Благовещенска, Хабаровска, Южно-Сахалинска, Якутска и других

* ЕЛАНЦЕВА Ольга Павловна, доктор исторических наук, профессор Департамента истории и археологии Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: elantseva.op@dvfu.ru

ПЛОХИХ Светлана Васильевна, кандидат исторических наук, профессор Департамента истории и археологии Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: plokhikh.sv@dvfu.ru

КОВАЛЕВА Зинаида Алексеевна, кандидат исторических наук, профессор Департамента истории и археологии Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: kovaleva.za@dvfu.ru

© Еланцева О.П., Плохих С.В., Ковалева З.А., 2017

городов. Мероприятие высветило настоятельную необходимость укрепления профессиональных научных контактов гуманитариев как внутри региона, так и с коллегами из Москвы, Санкт-Петербурга и других центральных городов Российской Федерации.

Масштабность и значимость встречи дали повод обратиться к историческому событию, имевшему место во Владивостоке шестьдесят лет назад – в сентябре 1956 г. Речь идет о выездной сессии Отделения исторических наук (ОИН) Академии наук СССР, проходившей совместно с Дальневосточным филиалом АН (ДВФАН) СССР им. В.Л. Комарова.

Цель данной статьи – раскрыть важную роль Отделения исторических наук АН СССР, Президиума ДВФАН, местных партийных и советских органов в деле становления и развития исторической науки на Дальнем Востоке; показать активное участие академика-секретаря ОИН, академика М.Н. Тихомирова в укреплении отдела истории и археологии.

Внимание к развитию исторической науки на Дальнем Востоке Советского Союза активизировалось в первой половине 1950-х гг. Доказательством является, например, поручение, данное ученым секретарем Президиума Академии наук СССР С.В. Киселевым археологу А.П. Окладникову – составить соответствующую записку. В ноябре 1953 г. документ под заголовком «Об организации группы истории, археологии и этнографии при Дальневосточном филиале Академии наук СССР» был готов и направлен по нескольким адресам, в том числе во Владивосток, Председателю ДВФАН СССР В.Т. Быкову «для ознакомления» (Архив ДВФАН СССР. Ф. 1. Оп. 6. Д. 7. Л. 1, 2). Этот же вопрос обсуждался во Владивостоке при встрече А.П. Окладникова и В.Т. Быкова [13, с. 97].

В записке приводились весомые аргументы в пользу создания новой структуры. Так, с историко-этнографическими и археологическими исследованиями на российском Дальнем Востоке связывались «большие научные вопросы» не только отечественной истории, но и истории соседних стран Восточной Азии. «Здесь, – утверждал А.П. Окладников, – находится ключ к разгадке волнующей десятилетиями ученых различных стран проблемы первоначального заселения человеком американского континента, происхождения индейских племен, эскимосов и алеутов. Особого внимания заслуживает то время, когда на Дальнем Востоке возникают первые государственные образования по време-

ни – ровесники Киевской Руси. Совершенно недостаточно изучены, но заслуживают особого внимания вопросы начального освоения и изучения Дальнего Востока, Великих географических открытий русских исследователей; не нуждается в доказательствах актуальность задачи показать героические подвиги, прогрессивную роль великого русского народа и русской культуры на Востоке» (Архив ДВФАН СССР. Ф. 1. Оп. 6. Д. 7. Л. 2, 3).

По мнению автора записки, для выполнения этих внушительных научных задач нужно было «иметь какую-то прочную опорную базу и, само собой разумеется, не только в центре, но и на Дальнем Востоке». По причине отсутствия Дальневосточного университета¹ ставку предполагалось сделать на Дальневосточный филиал АН СССР; однако в начале 1950-х гг. гуманитарная тематика в нем не исследовалась. Вполне понятно, почему А.П. Окладников предлагал «создать в филиале сектор или группу по изучению археологии и этнографии Дальнего Востока» (Архив ДВФАН СССР. Ф. 1. Оп. 6. Д. 7. Л. 4).

Через два месяца, 29 января 1954 г. Президиум АН СССР принял важное решение: организовать в Дальневосточном филиале Академии наук не сектор или группу, а отдел истории и археологии. Руководству филиала следовало, во-первых, укомплектовать создаваемое подразделение кадрами за счет дополнительных штатных единиц и, во-вторых, обеспечить его планомерную научную работу в тесном контакте с Институтом истории материальной культуры и Институтом этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР (Архив ДВФАН СССР. Ф. 1. Оп. 6. Д. 7. Л. 13).

Весомый вклад в организацию и становление новой структуры ДВФАН СССР внесло Отделение исторических наук АН СССР, возглавляемое с 1953 г. крупнейшим историком страны Михаилом Николаевичем Тихомировым (1893-1965). Должность академика-секретаря как нельзя лучше подчеркивала масштабы организационной работы М.Н. Тихомирова. В ОИН входило около десятка больших учреждений: институты востоковедения, славяноведения, истории материальной культуры, этнографии, истории искусств и др., музей истории и атеизма, архивы Академии наук СССР в Москве и Ленинграде, научно-методический совет по охране памятников культуры, профильные комиссии.

¹ Дальневосточный государственный университет был воссоздан осенью 1956 г.

Деятельность Отделения исторических наук особенно активизировалась в 1956 г., когда XX съездом КПСС была отмечена «серьезная диспропорция научных сил» в нашей стране. Дальний Восток оставался почти не изученным в археологическом, этнографическом и историческом отношении. Для реализации комплекса данных исследований требовалось создание в этом регионе «серьезного историко-этнографического стационара» (Архив Российской академии наук, далее – АРАН. Ф. 693. Оп. 3. Д. 55. Л. 10). Не случайно весной 1956 г. бюро ОИН АН СССР рассмотрело вопрос «Об усилении работы Отдела истории и археологии Дальневосточного филиала АН СССР» (АРАН. Ф. 693. Оп. 3. Д. 55. Л. 10-12), наметив провести в сентябре 1956 г. во Владивостоке выездную сессию ОИН, посвященную «основным вопросам истории Дальнего Востока». Программу сессии поручалось подготовить Ю.В. Бромлею и В.В. Томашевскому².

Данный шаг предпринимался, по словам М.Н. Тихомирова, «после того, как выяснилось, что в течение многих лет на Дальнем Востоке не побывал ни один сколько-нибудь видный историк, а об академиках во Владивостоке после... [В.Л.] Комарова никто и не помнил» (АРАН. Ф. 693. Оп. 6. Д. 11. Л. 127). «Скажите, зачем поехал, – обращался Тихомиров к одному из своих учеников, – затем, отвечу, чтобы и на нашем русско-украинском Дальнем Востоке что-нибудь сделать. Не трудно ездить на Кавказ и произносить тосты в Баку и Эривани, а приехать в запущенное место, да так далеко, согласится не каждый. А как умереть, не увидав советский Тихий океан» [12, с. 313].

В состав делегации ОИН, командированной во Владивосток, вошли шесть человек: академик М.Н. Тихомиров, член-корреспондент Алексей Владимирович Ефимов из Института этнографии (г. Москва), доктора исторических наук, профессора Алексей Павлович Окладников из Института истории материальной культуры (г. Ленинград) и Израиль Менделевич Разгон из Института истории (в это время он трудился в Томском государственном университете), кандидат исторических наук, заведующий сектором народов Севера Института этнографии АН СССР Борис Осипович Долгих (г. Москва), заместитель ученого секретаря ОИН Юрий Оттович Бем (г. Москва). Интересно, что перво-

² Томашевский Всеволод Всеволодович – первый заведующий Отделом истории и археологии ДВФАН СССР.

начально в составе делегации предполагались заместитель директора Института этнографии АН СССР М.Г. Левин и «кто-то из китаеведов, работавших в Институте востоковедения» (АРАН. Ф. 693. Оп. 3. Д. 55. Л. 12).

Делегация съезжалась в столицу Приморского края разными путями: А.В. Ефимов, А.П. Окладников, И.М. Разгон и Б.О. Долгих прилетели на самолете. «Я же, – вспоминал М.Н. Тихомиров, – как человек больной и трудно переносящий далекую поездку по воздуху, отправился старинным способом – по железной дороге вместе с [Ю.О.] Бемом. Ехать надо было ни мало ни много, как восемь с половиной суток» (АРАН. Ф. 693. Оп. 6. Д. 11. Л. 128). Чтобы создать некоторые удобства, решили, несмотря на дороговизну, воспользоваться отдельным купе в мягком вагоне. М.Н. Тихомиров приобрел вместо одного три билета, истратив 3240 руб. (1080 руб. за билет); четвертый билет купил Ю.О. Бем (АРАН. Ф. 693. Оп. 2. Д. 51. Л. 1).

Из Москвы выехали в воскресенье 16 сентября в 9 час. 35 мин. утра. Пассажирский состав был «набитым битком, множество детей, а это, – уточнял академик, – придавало поезду какой-то домашний вид. Проводники оказались хорошими и дельными, и народ в вагоне был тихий». И все же, как заключал Михаил Николаевич, «нужно было иметь большое терпение, чтобы вынести это путешествие». Иногда было «страшно скучно», и тогда М.Н. Тихомиров называл «свою передвижную келью ловушкой» (АРАН. Ф. 693. Оп. 6. Д. 7. Л. 26, 27; Д. 11. Л. 128 и др.).

Для академика, больного серьезной формой диабета, почти каждая поездка сопровождалась постепенным ухудшением здоровья. В длительном путешествии на восток проблемой становилось поддержание стабильного состояния, что во многом зависело от соответствующего питания. В одном из писем академик подчеркивал, что командировку он «выдержал без диеты и лекарств: восемь с половиной дней в поезде, семь рабочих и поистине радостных дней во Владивостоке, день и две ночи пребывания в аэропорте [Владивостока] в ожидании застрявшего самолета и полтора суток в полете» (АРАН. Ф. 693. Оп. 6. Д. 11. Л. 20).

Поездка из Москвы во Владивосток по железной дороге, несмотря на немалые трудности, порадовала путешественников живописностью и своеобразием пути: удалось посмотреть всю Сибирь и Дальний Восток с их лесами и гора-

ми, увидеть священный Байкал, «благословенную, дорогую, вечно прославленную родину». «Самое потрясающее, – делился впечатлениями М.Н. Тихомиров, – это то, что и под Москвой, и под Омском, и за Байкалом, и на Амуре – всюду русские и украинские бабы торгуют жареной [и вареной] картошкой, огурцами, помидорами, варенцом, – нехитрой, но честной русской снедью, без подмеси и порчи» (АРАН. Ф. 693. Оп. 2. Д. 51. Л. 1; Оп. 6. Д. 7. Л. 28 и др.). Транссибирская магистраль показала «подлинно русской дорогой», вдоль которой «ощущаешь новую большую жизнь, заводы, станции» (АРАН. Ф. 693. Оп. 2. Д. 51. Л. 1).

25 сентября в половине третьего ночи, с опозданием на восемь часов, поезд прибыл в конечный пункт назначения (АРАН. Ф. 693. Оп. 6. Д. 7. Л. 28). Власти Владивостока проявили внимание и почтение к гостям. В этой связи М.Н. Тихомиров приводил несколько интересных штрихов. Так, буквально в первые минуты пребывания в городе «выяснилось одно небольшое, но любопытное обстоятельство: Владивосток в то время представлял собою закрытый город, куда можно было въехать только с пропуском. [Ю.О.] Бем такой пропуск взял для себя, а обо мне забыл. Тем не менее это обстоятельство не помешало мне устроиться во Владивостоке самым лучшим способом». Гостей из Москвы встречали представители Дальневосточного филиала АН СССР и «как свои люди, сказали что-то местным охранителям. Они безо всякого затруднения пустили меня в город» (АРАН. Ф. 693. Оп. 6. Д. 11. Л. 128). «В дополнение к сему, – продолжал Тихомиров, – я жил во Владивостоке без всякой прописки, что опять-таки, конечно было сделано с разрешения местных властей, вообще говоря, строго относившихся к такого рода приездам» (АРАН. Ф. 693. Оп. 6. Д. 11. Л. 129).

Показательно, что дважды – 26 сентября и 2 октября 1956 г. – делегацию Отделения исторических наук принимал первый секретарь Приморского крайкома партии Терентий Фомич Штыков, генерал, участвовавший в Великой Отечественной войне, по впечатлениям академика, человек простой и крайне благожелательный (АРАН. Ф. 693. Оп. 6. Д. 11. Л. 129).

Во Владивостоке готовились к проведению важного научного мероприятия. Буквально накануне, 21 сентября 1956 г. состоялось очередное заседание Президиума Дальневосточного филиала с повесткой дня «О выездной сессии Отделения исторических наук АН СССР». Во-

прос докладывал руководитель отдела истории и археологии В.В. Томашевский; высказались В.Т. Быков и В.М. Майоров (Архив ДВФАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 44. Л. 131 и др.). До наших дней сохранился пригласительный билет: «Уважаемый товарищ, – обращались организаторы сессии, – Президиум Дальневосточного филиала им. В.Л. Комарова Академии наук СССР приглашает Вас принять участие в работе выездной сессии Отделения исторических наук Академии наук СССР. Открытие сессии – 27 сентября 1956 года в 10 часов утра в помещении библиотеки Владивостокского городского комитета КПСС (Ленинская, 54)». И далее следовала программа мероприятия. Скромный по оформлению, отпечатанный типографским способом, билет имел помету: тираж 600 экземпляров. Для закрытого города того времени эта цифра была внушительной. Она говорила о размахе профессионального мероприятия историков.

Несомненный интерес представляет пригласительный билет, принадлежавший М.Н. Тихомирову, с коррективами, внесенными его рукой (АРАН. Ф. 693. Оп. 3. Д. 9. Л. 58, 59). Так, в тексте типографского варианта отсутствовало даже упоминание о секционных заседаниях. Богатый организационный опыт подсказал академику реформировать работу сессии, рассчитанную на три дня: 27 и 29 сентября провести пленарные заседания, а 28 сентября заслушать доклады и сообщения историков на секциях. Были внесены и другие изменения. В связи с тем, что М.Г. Левин не смог приехать на сессию и выступить по теме «Об этногенезе амурских народностей», в программу включили доклад Б.О. Долгих «Этнический состав и расселение народов Приамурья в XVII в.»; по основным проблемам гражданской войны на Дальнем Востоке вместо д.и.н. М.П. Кима наметили выступление И.М. Разгона. Таким образом, в программу пленарных заседаний вошли четыре доклада ученых из делегации Отделения исторических наук.

Сессия начала работу во Владивостоке 27 сентября в 10 часов утра, но не в библиотеке Владивостокского горкома партии, а в Доме офицеров флота, где имелся более вместительный зал. На утреннем заседании присутствовало более 400 человек (АРАН. Ф. 693. Оп. 3. Д. 55. Л. 1). Помимо сотрудников Дальневосточного филиала АН СССР, преподавателей и студентов Дальневосточного государственного университета, Владивостокского политехнического института, Института рыбной промыш-

ленности, слушателей курсов сети партийного просвещения, учителей, офицеров Тихоокеанского флота в сессии участвовали научные работники из Хабаровска, Читы, Благовещенска, Магадана, Петропавловска-Камчатского, Южно-Сахалинска и Уссурийска.

Открыл сессию Председатель Президиума ДВФАН, доктор химических наук В.Т. Быков, затем предоставивший слово М.Н. Тихомирову. Академик подчеркнул пристальное внимание всего советского народа к Дальнему Востоку: «Здесь непочатый край возможностей, здесь великое будущее. Может быть, именно поэтому прошлое Дальнего Востока на первый взгляд и кажется только прошлым молодого развивающегося края. В действительности, это неверно. История Дальнего Востока достаточно длинна, интересна и поучительна» (АРАН. Ф. 693. Оп. 3. Д. 53. Л. 1).

Михаил Николаевич коротко охарактеризовал вопросы, которые требовали пристального научного изучения: история освоения и заселения Дальнего Востока с того времени, как «храбрые землепроходцы XVII века дошли до Тихого океана, открыв «конец и край Сибирской земли»; великие мировые открытия в Тихом океане, сделанные русскими мореплавателями, их трудами и мужеством; великая культурная миссия русского народа на берегах бурного океана; история гражданской войны и борьба против интервентов; история советского Дальнего Востока. «Едва ли я ошибусь, – продолжал М.Н. Тихомиров, – если скажу, что ряд вопросов первоначальной истории человечества будет освещен новым светом... после тщательного археологического изучения Дальнего Востока. Также замечательны и те перспективы, которые открываются перед нашими учеными в изучении этнографии Дальнего Востока» (АРАН. Ф. 693. Оп. 3. Д. 53. Л. 1). Не забыл академик и о том, что «Дальний Восток теснейшим образом связан с великими культурами Китая, Японии, Кореи». И это – тоже исследовательское поле историков, археологов, этнографов. В заключение руководитель ОИИ пожелал активных исторических познаний Дальнего Востока.

Первый пленарный доклад на тему «Основные вопросы древней истории Дальнего Востока» сделал А.П. Окладников. Он сообщил об итогах археологических работ в Приморье и Приамурье, которые вела Дальневосточная археологическая экспедиция Института материальной культуры АН СССР в 1953-1956 гг. Через много лет участница заседания Е.А. Баляба

писала: «Когда объявили о предоставлении слова Окладникову, из зрительного зала на сцену поднялся ладно скроенный загорелый мужчина, облаченный в робу и сапоги, и без единой бумажки коротко рассказал, что археологи сделали в Приморье. Шквал аплодисментов в ответ» [2, с. 11].

Далее прозвучал доклад А.В. Ефимова «Из истории картографии Дальнего Востока» с массой новых и интересных сведений о географических открытиях русских землепроходцев и мореплавателей в северной части Тихого океана в XVII-XVIII вв.

Вечернее заседание состоялось в зале Дома политического просвещения Владивостокского горкома КПСС. Аудитория включала около 200 человек. С докладом на тему «Этнический состав и расселение народов Амура в XVII веке» выступил Б.О. Долгих. Большой интерес у присутствовавших вызвала продемонстрированная карта расселения народов Приамурья, подготовленная Борисом Осиповичем во время его экспедиций на Дальнем Востоке. Заключительный доклад на тему «Источники истории освоения Сибири и Дальнего Востока в XVII веке» сделал В.В. Томашевский. Выступавшие ответили на вопросы участников совещания [4; 8].

В течение следующего дня, 28 сентября 1956 г. шла работа по трем направлениям [5; 7]. Секция археологии и этнографии работала под председательством А.П. Окладникова. На ней выступили сотрудники Дальневосточного филиала Ю.А. Сем по теме «Из истории нанайского народа» и Э.В. Шавкунов по теме «Некоторые вопросы истории Приморья и Приамурья в VII-XII вв.»; научный сотрудник Магаданского областного краеведческого музея А.В. Беляева раскрыла вопрос «Результаты археологических раскопок в Ольском районе»; лектор Магаданского обкома партии М.И. Куликов остановился на характере экономических (производственных) отношений у чукчей в конце XIX в. и начале XX в.; аспирант Института этнографии АН СССР В.Г. Ларькин осветил экономическое положение удэгейских артелей и перспективы их дальнейшего развития.

Секция истории Дальнего Востока феодализма и капитализма проходила под руководством А.В. Ефимова. На ней заслушали доклады преподавателя Благовещенского пединститута Е.П. Сычевского «К вопросу о формировании рабочего класса в Амурской области»; доцента Хабаровского пединститута Н.И. Рябова «О некоторых нерешенных проблемах исто-

рии Приамурья» и научного сотрудника отдела истории ДВФАН В.Г. Щебенкова «Из истории русско-китайских отношений XVII в. (Об источниковедении и историографии русско-китайских отношений в XVII в.).»

На секции истории советского общества (председательствовал И.М. Разгон) были представлены материалы Н.В. Свердлова (доцента Хабаровского пединститута) «Экономическая экспансия США на северо-востоке России в XIX – начале XX веков»; А.А. Мильштейна (доцента Комсомольского-на-Амуре пединститута) «Из истории революционного движения в 1905–1907 гг. на Дальнем Востоке»; В.Л. Левицкого (научного сотрудника отдела истории ДВФАН) «Первый Владивостокский Совет рабочих и солдатских депутатов (1917–1918 гг.)»; Е.В. Яковлева (доцента Хабаровского пединститута) «Особенности установления советской власти у народов Приамурья»; Б.М. Шерешевского (доцента Читинского пединститута) «О некоторых исторических предпосылках основания ДВР» и другие.

Таким образом, на трех секциях прозвучало около полутора десятков докладов, а в прениях по ним выступили Б.О. Долгих, А.П. Окладников, Ю.А. Сем, Н.И. Богданова, А.В. Ефимов, Н.К. Кольцова, Е.А. Кравцова и другие участники заседаний. Из-за дефицита времени некоторые доклады перенесли на общее заседание 29 сентября 1956 г.

Последний день работы сессии открылся пленарным выступлением И.М. Разгона «Основные проблемы истории гражданской войны на Дальнем Востоке». Внимание присутствовавших было обращено на необходимость выявления особенностей и специфики гражданской войны в отдельных районах страны в целях более полного и объективно правильного освещения хода событий этого периода. И.М. Разгон говорил и о том, что важнейшие задачи историков, занимающихся изучением проблем гражданской войны на Дальнем Востоке, – это задачи выявления социально-экономических предпосылок революции и гражданской войны; создание объективной истории дальневосточной партийной организации; раскрытие участия в борьбе за власть Советов китайского, корейского населения, местных народностей; значительно шире и глубже должна быть показана роль народных масс и руководителей освободительной борьбы.

Заинтересованность присутствовавших на сессии специалистов ярко проявилась в дискуссии по проблемам и вопросам исторической науки, затронутым в основных и секционных

выступлениях [11, с. 343-349]. Участник партизанского движения на Дальнем Востоке, главный санитарный врач Владивостока М.А. Шпайчук говорил о необходимости привлечения к изучению истории гражданской войны бывших партизан. Начальник военно-исторического музея Тихоокеанского флота Б.А. Сушков остановился на необходимости более активного использования богатых фондов дальневосточных музеев. А.В. Ефимов обратил внимание на неправомерное освещение некоторыми историками колониационного процесса на востоке России. А.И. Захаров, научный сотрудник Якутского филиала АН СССР, рассказал собравшимся об исследовательской работе, ведущейся историками Якутии. Об изучении вопросов прошлого Сахалина и Курильских островов сообщила доцент Южно-Сахалинского пединститута Л.С. Грибанова. Капитан первого ранга в отставке, доцент М.М. Карпинский высказал критические замечания по организации сессии. В частности, он обратил внимание на то, что на сессии не прозвучал доклад о роли Тихоокеанского флота в истории Дальнего Востока. В прениях выступили заместитель председателя Президиума ДВФАН А.А. Беляев, доцент Южно-Сахалинского пединститута В.Я. Столяров, зав. отделом культуры Приморского крайкома КПСС С.А. Иванов.

Позднее М.Н. Тихомиров вспоминал: «Участники сессии выступали с большим энтузиазмом, многие доклады были интересными, содержательными, заслуживающими всяческого внимания» (АРАН. Ф. 693. Оп. 6. Д. 11. Л. 132). «Больше всего меня поразили две особенности нашей сессии. Как-то странно и в то же время радостно было слышать, когда выступавшие с мест с докладами называли тот город или район, откуда они приехали: из Камчатки, из Магадана, из Сахалина и т.д. Для меня это казалось чем-то сказочным, так как я привык к мысли о том, что Камчатка, Сахалин находятся где-то на краю света. Поражала и другая особенность – до меня никто из академиков, кроме Комарова, не был во Владивостоке, и это как бы вознаграждало меня за те трудности, которые я испытал, когда ехал в этот, все еще в те времена, далекий город» (АРАН. Ф. 693. Оп. 6. Д. 11. Л. 133).

При подведении итогов сессии академик М.Н. Тихомиров подчеркнул, что, несмотря на внимание научной общественности к археологии, этнографии и новейшей истории Дальнего Востока, дел здесь оставалось «еще непочатый край» (АРАН. Ф. 693. Оп. 3. Д. 53. Л. 4). По

мнению руководителя ОИИ АН СССР, научные исследования по указанным направлениям нельзя осуществить «только силами ученых Москвы и Ленинграда». Необходимо широко развивать и популяризировать научную работу на Дальнем Востоке. Поэтому, – замечал далее М.Н. Тихомиров, – так радостно отметить активное участие в сессии историков Хабаровска, Благовещенска, Читы, Магадана, Владивостока, Сахалина, Камчатки. Это – залог дальнейшего развития исторической науки на Дальнем Востоке, в разработке которой видное место, несомненно, займет восстановленный Дальневосточный государственный университет» (АРАН. Ф. 693. Оп. 3. Д. 53. Л. 5-6).

По неоднократно высказанным мнениям М.Н. Тихомирова и его коллег, научное мероприятие историков в столице Приморского края прошло «с громадным успехом» [14, с. 13], послужило серьезным фактором активизации работы по изучению местной истории, истории Дальнего Востока [15, с. 199], «общие оценки сессии плодотворны и обнадеживающие. Они говорят о том, что на Дальнем Востоке имеются все условия для дальнейшего развития исторической науки» (АРАН. Ф. 693. Оп. 3. Д. 53. Л. 6).

На наш взгляд, одним из таких важных условий можно считать внимание руководителей Приморского края к научному мероприятию историков, факт участия в нем секретарей крайкома КПСС Т.Ф. Штыкова и П.А. Антохина, председателя крайисполкома Д.Я. Умняшкина и других ответственных лиц. Они дали высокую оценку роли ОИИ в становлении и развитии науки в регионе [7] и подчеркнули, что оно «делает действительно нужное и полезное дело, устанавливая связи на местах» (АРАН. Ф. 693. Оп. 3. Д. 55. Л. 6). Вместе с тем руководители Приморского края указали на недостаточное внимание сессии к вопросам истории советского общества, хотя «многие научные работники Владивостока и других городов Дальнего Востока могли бы выступить с докладами по этому важнейшему разделу советской исторической науки» [7].

Отличительной чертой выездной сессии стал ее объединенный характер – Отделение исторических наук АН СССР проводило мероприятие совместно с Дальневосточным филиалом АН СССР. С одной стороны, данное обстоятельство подчеркивало влияние, приобретаемое филиалом в научном сообществе Советского Союза, а с другой – позволяло выработать общие шаги, направленные на развитие исторической науки на Дальнем Востоке. Весьма красноречивым

подтверждением этому являются несколько документов: во-первых, резолюция, принятая 29 сентября 1956 г. объединенной сессией ОИИ АН СССР и ДВФАН СССР, во-вторых, постановление бюро ОИИ от 16 октября 1956 г. «Об итогах работы сессии Отделения исторических наук и Дальневосточного филиала АН СССР по истории Дальнего Востока» и, в-третьих, постановление Президиума ДВФАН СССР от 10 октября 1956 г. «Об итогах сессии Отделения исторических наук АН СССР во Владивостоке 27-29 сентября 1956 г.» (АРАН. Ф. 693. Оп. 3. Д. 55. Л. 7-8, 13-14; Архив ДВФАН СССР. Ф. 1. Оп. 13. Д. 44. Л. 197-198).

Во всех указанных документах признавалось необходимым в следующем, 1957 г. провести научную сессию или конференцию, посвященную 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции и 35-летию освобождения Дальнего Востока от интервентов. Через издательство Академии наук планировалось напечатать материалы проведенного мероприятия в виде отдельного сборника под общей редакцией академика М.Н. Тихомирова, а в перспективе – добиться ежегодного издания Дальневосточным филиалом трудов «Серия историческая». Попутно заметим, что со временем стала обычной практикой организация научных конференций историков-дальневосточников и публикация сборников статей, таких как, например, «Дальний Восток за 40 лет Советской власти» [9] или «Сборника статей по истории Дальнего Востока», подготовленного по материалам объединенной сессии ОИИ ДВФАН СССР (сентябрь 1956 г.) [11] и получившего высокую оценку на страницах журнала «История СССР» [14]. И доклады на конференциях, и печатные работы не только позволяли выявлять недочеты и пробелы в изучении истории Дальнего Востока, но и давали новый, серьезный исследовательский материал по огромному и своеобразному региону нашей страны и намечали проблематику для будущих исследований. Они способствовали объединению специалистов-историков и ускоряли решение многих важных вопросов.

Следует заметить, что в указанных выше документах специальным пунктом проходил кадровый вопрос. Так, бюро ОИИ ходатайствовало перед Президиумом АН СССР о выделении Дальневосточному филиалу в 1956-1957 гг. семи штатных единиц – старших и младших научных сотрудников и старших лаборантов; в свою очередь Президиум ДВФАН при распределении ставок на 1957 г. предусматривал

выделение отделу истории и археологии двух штатных единиц для развертывания работ по истории Дальнего Востока в советский период и трех штатных единиц для этнографических исследований.

В резолюции объединенной сессии, состоявшейся во Владивостоке, а затем и в решениях бюро ОИН содержалась позиция о ежегодном дополнительном финансировании в сумме 200-250 тыс. руб. полевых археологических и этнографических исследований на Дальнем Востоке.

По вполне понятным причинам документы имели и отличия. Допустим, Президиум ДВФАН давал несколько поручений своему отделу истории и археологии, в том числе «в самое ближайшее время подготовить совместно с управлением культуры Приморского краевого совета материал по охране памятников прошлого, прежде всего ценнейших археологических комплексов» и «усилить координацию научно-исследовательской работы центральных институтов с дальневосточными организациями координацию научной деятельности местных историков и оказание им помощи в работе».

Интересно, что только в резолюции объединенной сессии содержалась задача по возвращению во Владивосток из Томска архивных документов, так как географическая отдаленность Центрального государственного исторического архива³ от региона препятствовала развитию исторических и краеведческих исследований на Дальнем Востоке. Архив был перемещен в Приморье к началу 2006 г.

Таким образом, в первой половине 1950-х гг. активизировалось внимание к развитию исторической науки на Дальнем Востоке страны, что подтверждалось созданием в Дальневосточном филиале Академии наук СССР (г. Владивосток) отдела истории и археологии. Чтобы новая структура окрепла, стала региональным центром исторической науки, ей требовалась всесторонняя помощь. Существенное научно-методическое и организационное содействие отделу было оказано Отделением исторических наук АН СССР. Это выразилось в проведение трехдневной выездной сессии ОИН, проходившей во Владивостоке с 27 по 29 сентября 1956 г. Сессия собрала вместе историков-дальневосточников, с одной стороны, и представителей исторической науки из Москвы, Ленинграда, Томска – с дру-

гой, и продемонстрировала уровень и потенциал отечественной исторической науки.

Сессия постановила перед Академией Наук СССР, ее Дальневосточным филиалом кадровые, финансовые, материально-технические, научные и другие насущные вопросы, без решения которых невозможно было успешное развитие отдела истории и археологии во Владивостоке. Существенную поддержку отдел истории и археологии получил со стороны Президиума ДВФАН, местных партийных и советских органов.

Особо следует отметить роль академика-секретаря Отделения исторических наук АН СССР, академика Михаила Николаевича Тихомирова. Несмотря на солидный возраст и незавидное здоровье, он не только инициировал организацию выездной сессии, но и приехал во Владивосток лично, руководил ее проведением. Сессия прошла успешно и послужила солидным фактором успешного становления исторической науки на Дальнем Востоке и создания в 1971 г. в Дальневосточном научном центре Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока.

Рис. 1. Почетная грамота М.Н. Тихомирову от Президиума ДВФАН СССР

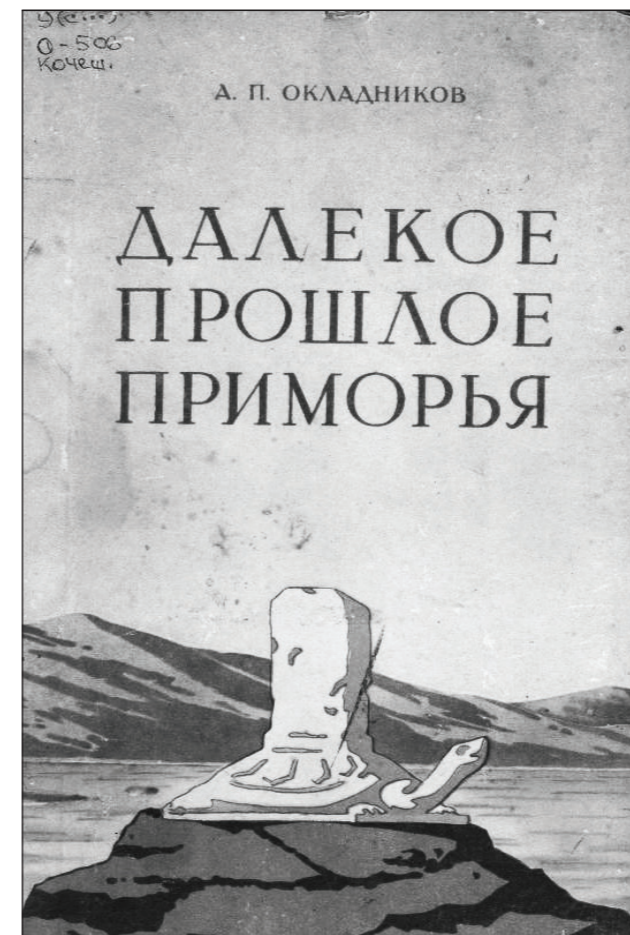

Рис. 2. Обложка книги А.П. Окладникова «Далекое прошлое Приморья», написанной на материалах доклада во Владивостоке 27 сентября 1956 г.

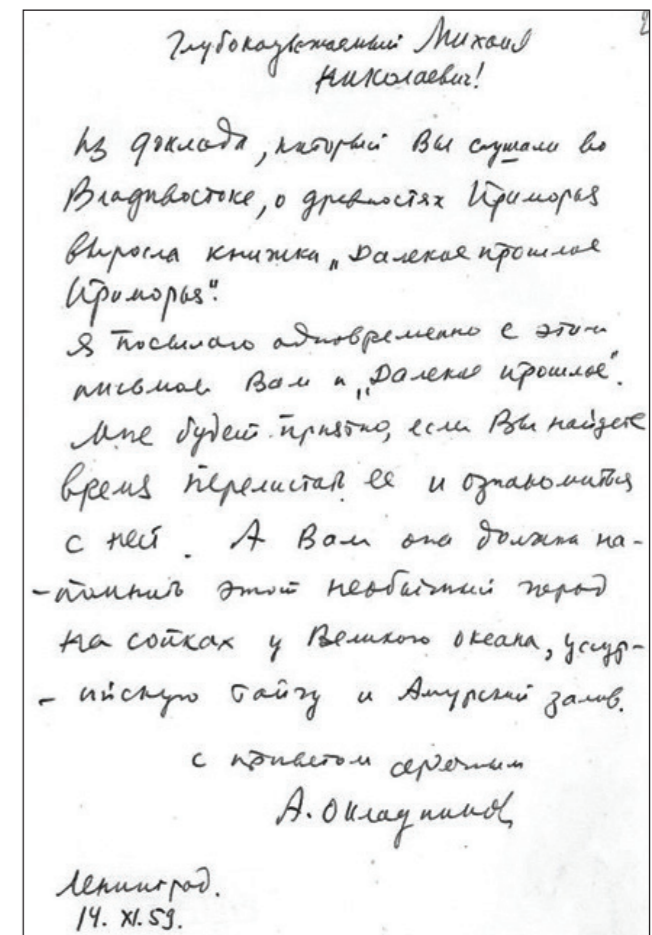

Рис. 3. Записка А.П. Окладникова академику М.Н. Тихомирову с пояснениями к подаренной книге «Далекое прошлое Приморья»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров Б. Юбилей. 50 лет со дня создания отдела истории и археологии – предшественника Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН // Россия и АТР. 2003. № 1. С. 5-7.
2. Баяба Е.А. Дарственные надписи на книгах из библиотеки М.Н. Тихомирова как отражение личности академика и его научных интересов // Дальневосточный ученый. 2008. 25 июня. С. 11.
3. В Отделении исторических наук // Вестник Академии наук СССР. 1957. № 3. С. 46-49.
4. Выездная сессия Отделения исторических наук Академии наук СССР во Владивостоке // Красное знамя. 1956. 28 сентября. С. 1.
5. Выездная сессия Отделения исторических наук Академии наук СССР во Владивостоке // Красное знамя. 1956. 29 сентября. С. 2.
6. Выездная сессия Отделения исторических наук Академии наук СССР во Владивостоке // Красное знамя. 1956. 30 сентября. С. 1.

7. Выездная сессия Отделения исторических наук Академии наук СССР во Владивостоке // Красное знамя. 1956. 2 октября. С. 2.
8. Выездная сессия Отделения исторических наук Академии наук СССР во Владивостоке // Тихоокеанский комсомолец. 1956. 28 сентября. С. 2.
9. Дальний Восток за 40 лет Советской власти: сборник статей / под ред. В.А. Шварева и др. Комсомольск-на-Амуре, 1958.
10. Окладников А.П. Далекое прошлое Приморья (очерки по древней и средневековой истории Приморского края). Владивосток: Приморское книжное изд-во, 1959.
11. Сборник статей по истории Дальнего Востока: материалы объединенной сессии Отделения исторических наук и Дальневосточного филиала им. В.Л. Комарова, 27-29 сент. 1956 г. / отв. ред. М.Н. Тихомиров. М.: Изд-во АН СССР, 1958.
12. Староверова И.П. Фонд М.Н. Тихомирова в Архиве АН СССР // Археографический ежегодник за 1968 год. М.: Наука, 1970. С. 304-314.

³ С 1991 г. архив стал носить другое название: Российский государственный исторический архив Дальнего Востока.

13. Шавкунов Э.В. Как создавался наш институт // Россия и АТР. 2001. № 2. С. 96-99.

14. Шунков В.И. Рецензия на Сборник статей по истории Дальнего Востока / отв. ред. академик М.Н. Тихомиров. М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 351 с. // История СССР. 1959. № 1. С. 199-202.

15. Шмидт С.О. Издание и изучение наследия М.Н. Тихомирова. Тихомировские традиции // Сибирское собрание М.Н. Тихомирова и проблемы археологии: сб. науч. трудов. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 1981. С. 5-21.

REFERENCES

1. Aleksandrov, B., 2003. Yubiley. 50 let so dnya sozdaniya otdela istorii i arkheologii – predshestvennika Instituta istorii, arkheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN [Jubilee. 50th anniversary of the establishment of the Department of History and Archaeology – the predecessor of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS]. Rossiya i ATR, no. 1, pp. 5-7. (in Russ.)

2. Balyaba, E.A., 2008. Darstvennyenadpisi naknigakh biblioteki M.N. Tikhomirova kak otrazhenie lichnosti akademika i ego nauchnykh interesov [Presentation inscriptions on the books from M.N. Tikhomirov library as a reflection of his personality and research interests], Dal'nevostochnyy uchenyy, 25 iyunya, p. 11. (in Russ.)

3. V Otdelenii istoricheskikh nauk [In the Department of Historical Sciences], Vestnik Akademii nauk SSSR, 1957, no. 3, pp. 46-49. (in Russ.)

4. Vyezdnyaya sessiya Otdeleniya istoricheskikh nauk Akademii nauk SSSR vo Vladivostoke [Visiting session of the Department of Historical Sciences of the USSR Academy of Sciences in Vladivostok], Krasnoe znamya, 28 sentyabrya 1956, p. 1. (in Russ.)

5. Vyezdnyaya sessiya Otdeleniya istoricheskikh nauk Akademii nauk SSSR vo Vladivostoke [Visiting session of the Department of Historical Sciences of the USSR Academy of Sciences in Vladivostok], Krasnoe znamya, 29 sentyabrya 1956, p. 2. (in Russ.)

6. Vyezdnyaya sessiya Otdeleniya istoricheskikh nauk Akademii nauk SSSR vo Vladivostoke [Visiting session of the Department of Historical Sciences of the USSR Academy of Sciences in Vladivostok], Krasnoe znamya, 30 sentyabrya 1956, p. 1. (in Russ.)

7. Vyezdnyaya sessiya Otdeleniya istoricheskikh nauk Akademii nauk SSSR vo Vladivostoke [Visiting

session of the Department of Historical Sciences of the USSR Academy of Sciences in Vladivostok], Krasnoe znamya, 2 oktyabrya 1956, p. 2. (in Russ.)

8. Vyezdnyaya sessiya Otdeleniya istoricheskikh nauk Akademii nauk SSSR vo Vladivostoke [Visiting session of the Department of Historical Sciences of the USSR Academy of Sciences in Vladivostok], Tikhookeanskiy komsomolets, 28 sentyabrya 1956, p. 2. (in Russ.)

9. Shvarev, V.A. et al. ed., 1958. Dal'niy Vostok za 40 let Sovetskoj vlasti: sbornik statey [The Far East for 40 years of Soviet power: a collection of articles]. Komsomol'sk-na-Amure. (in Russ.)

10. Okladnikov, A.P., 1959. Dalekoe proshloe Primor'ya (ocherki po drevney i srednevekovoy istorii Primorskogo kraja) [The distant past of Primorye (essays on ancient and medieval history of Primorsky Krai)]. Vladivostok: Primorskoe knizhnoe izd-vo. (in Russ.)

11. Tikhomirov, M.N. ed., 1956. Sbornik statey po istorii Dal'nego Vostoka: materialy ob'edinennoy sessii Otdeleniya istoricheskikh nauk i Dal'nevostochnogo filiala im. V.L. Komarova, 27-29 sent. 1956 g. [A collection of articles on the history of the Far East: the materials of the joint session of the Department of Historical Sciences and the V.L. Komarov Far Eastern Branch of the Academy of Sciences, September 27-29, 1956]. Moskva: Izd-vo AN SSSR. (in Russ.)

12. Staroverova, I.P., 1970. Fond M.N. Tikhomirova v Arkhive AN SSSR [M.N. Tikhomirov fonds in the archives of the USSR Academy of Sciences]. In: Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1968 god. Moskva: Nauka, pp. 304-314. (in Russ.)

13. Shavkunov, E.V., 2001. Kak sozdavalsya nash institut [How our institute was created], Rossiya i ATR, no. 2, pp. 96-99. (in Russ.)

14. Shunkov, V.I., 1959. Retsenziya na Sbornik statey po istorii Dal'nego Vostoka / отв. red. akademik M.N. Tikhomirov. М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 351 с. [Review of «A collection of articles on the history of the Far East (edited by M.N. Tikhomirov)»], Istoriya SSSR, no. 1, pp. 199-202. (in Russ.)

15. Shmidt, S.O., 1981. Izdanie i izuchenie naslediya M.N. Tikhomirova. Tikhomirovskie traditsii [Publishing and studying the heritage of M.N. Tikhomirov. Tikhomirov's traditions]. In: Sibirskoe sobranie M.N. Tikhomirova i problemy arkheologii: sb. науч. трудов. Novosibirsk: GPNTB SO RAN, pp. 5-21. (in Russ.)

УДК 32.019.5(571:73):94(73)''19''
DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2017-3/105-110

К.Т. Тихий*

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 1920-х – СЕРЕДИНЫ 1940-х гг. В АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И ВОСПОМИНАНИЯХ АМЕРИКАНСКИХ СОВРЕМЕННОКОВ

В статье представлены основные направления в изучении истории советского Дальнего Востока периода 1920-х – середины 1940-х гг. в историографии и мемуарной литературе США. Автор анализирует, какие сюжеты из истории советского Дальнего Востока этого периода привлекали наибольшее внимание американских журналистов и исследователей и приходит к выводу, что среди приоритетных тем всегда присутствовало приграничное сотрудничество дальневосточного региона СССР со странами тихоокеанского бассейна.

Ключевые слова: советский Дальний Восток, американская историография, американские журналисты, мемуары,

The History of the Soviet Far East of 1920s – mid-1940s in the American historiography and memoirs. KONSTANTIN. T. TIKHIY (Far Eastern Federal University)

The article focuses on the main directions of American historiography and memoir literature in the study of the history of the Soviet Far East in the 1920s and the mid-1940s. The author analyzes the issues from the history of the Soviet Far East of this period that attracted the main attention of the American journalists and researchers. It is concluded that among the priority themes there has always been cross-border cooperation of the Far Eastern regions of the USSR with Pacific Rim countries.

Keywords: Soviet Far East, American historiography, American journalists, memoirs

Современная зарубежная историография истории советского Дальнего Востока межвоенного периода формировалась в сложных условиях и под воздействием различных факторов. Большое значение имели социально-экономические, политические и духовные последствия Первой мировой войны, мировой экономической кризис и депрессия в конце 1920-х – начале 1930-х гг., строительство тоталитарного государства в Советском Союзе, углубление противоречий между ведущими державами мира, приведших ко Второй мировой войне. Окончание Второй мировой войны ознаменовалось развязыванием новой «холодной» войны. Кри-

зис неолиберальной модели государства, повсеместное укрепление неоконсервативных идей в западном обществе наряду с распадом Советского Союза и становлением на его месте новых государственных образований на демократической основе обусловили формирование очередного этапа в изучении зарубежными исследователями истории советского Дальнего Востока в 1920-1940-е гг. Зарубежным исследованиям по истории советского Дальнего Востока присущи те же особенности и периодизация, что и историографии истории Советского Союза.

В отечественных исследованиях, посвященных анализу работ советологов, выделяют два

* ТИХИЙ Константин Теодорович, доктор исторических наук, профессор кафедры исторического образования Школы педагогики Дальневосточного федерального университета.

E-mail: tihij.kt@dvfu.ru

© Тихий К.Т., 2017

больших этапа. В основе такой градации лежит внешняя критика источников. В соответствии с этим выделяют два больших периода: с 1920-х гг. по 1950-е гг. и с 1960-х гг. по настоящее время. Первый этап представлен в основном публицистикой и мемуарными произведениями. Эта литература нередко носит полужурналистский характер, но не претендует на роль научной историографии. Второй этап связан с появлением комплексных работ по конкретным темам, основанных на привлечении самых разнообразных материалов, в том числе и тех, которые по ряду причин ранее были недоступны для зарубежных исследователей.

Следует также учитывать особенности зарубежных школ советологии. Так, например, отличие американской и английской советологии заключается в том, что антикоммунизм наложил отпечаток, прежде всего, на американское советоведение. Не случайно поэтому, что консервативные историки, такие, например, как Р. Конквест, покидали Англию и уезжали работать в США. Особенность американской методики исследования источников заключалась в привлечении ограниченного круга источников для поддержки заранее сформулированных идеологических концепций.

В советологии условно можно выделить два основных направления: «государственническое» и «новая социальная история». Последователи первого признают определяющую роль государства в российской истории. Отсюда их интерес к органам новой власти, партиям, политическим лидерам и т.п. Сторонники второго направления делают акцент на значимости социальных сил, культуры, традиций в становлении советского общества. При этом они часто обращаются к источникам неофициального происхождения.

Оба эти направления присутствуют в разной пропорции в исследованиях по истории Советского Союза на всех этапах развития советологии. Преобладание того или иного направления определялось действием различных – как внутренних, так и внешних – факторов. Так, в американской историографии советской истории межвоенного периода первая половина 1920-х гг. характеризовалась обращением, прежде всего, к вопросам государственного строительства, эффективности управления страной, роли большевистской партии в политической жизни СССР и т.д. С началом «великой депрессии» западные обозреватели и исследователи стали больше уделять внимания проблемам со-

циального развития советского общества, его культурной, духовной жизни. Начало очередной волны массовых политических репрессий в СССР с середины 1930-х гг., заключение договоров Советского Союза с Германией в 1939 г. советско-финская война поставили вопрос о сущности советского государства, его внутреннем сходстве с другими тоталитарными государствами.

Становление зарубежной историографии истории Дальнего Востока России, подчиняясь общим закономерностям становления и развития советологии, имеет ряд характерных особенностей. Во-первых, большую роль играла отдаленность Дальнего Востока от центральных областей России. Основная масса иностранцев, как правило, прибывала в Советский Союз с западного направления. Поэтому события на Дальнем Востоке не нашли должного внимания в зарубежной мемуаристике и публицистике.

Вторая причина заключалась в том, что за исключением непродолжительных периодов в середине 1920-х гг. и на рубеже 1920-х – 1930-х гг. въезд в страну иностранных граждан был искусственно ограничен. Приезжие интересовались, прежде всего, социальными проблемами. При этом круг их путешествий традиционно ограничивался посещением центральных областей России с городами Москва, Ленинград, Киев, Горький [19, р. 219].

Дальний Восток удалось посетить немногим иностранцам. Дальневосточный регион не относился к районам с развитой инфраструктурой. Его научно-культурные центры были несопоставимы с теми, которые имелись в европейской части СССР. Планы второй пятилетки предусматривали строительство большого количества оборонных предприятий к востоку от Урала, в том числе и на Дальнем Востоке. Запретный режим для посещения иностранцами крупных промышленных центров советского Дальнего Востока сохранился на многие десятилетия.

Большая часть иностранцев ехала на Запад по Транссибирской железной дороге, что предоставляло ограниченные возможности для полноценного ознакомления с советским Дальним Востоком. Отрывочные, поверхностные сведения о том, что собой представлял этот отдаленный край, характерны для большинства публицистических и мемуарных произведений межвоенного периода [3; 5; 7; 14; 17; 18; 21].

Многие из туристов по определенным причинам остались вполне удовлетворенными поезд-

кой. Так, например, афроамериканцы Хуанита Харрисон и известный поэт Джеймс Хьюз (Юз) стали объектами особого внимания со стороны местных властей, которые в силу своего положения не могли не подчеркивать своих симпатий к ним как к представителям «наиболее угнетаемой капиталом» части американского общества [8; 10]. Линтона Уэллса, корреспондента информационного агентства У.Р. Херста, ранее побывавшего в России в 1914 г. и 1919-1920 гг., в 1926 г. приятно удивила чистота и порядок на железнодорожных вокзалах и перронах [27, р. 25]. Всем без исключения иностранцам организаторы туров предоставляли вполне сносные условия для поездок.

Однако основу первых зарубежных исследований по истории советского Дальнего Востока составили не столько путевые заметки этих случайных заезжих очевидцев, сколько работы профессиональных зарубежных журналистов, проживавших в Москве. Приехав в Советскую Россию для освещения деятельности Американской администрации помощи (*American Relief Administration*) в 1921 г., некоторые из них пробыли здесь с небольшими перерывами до второй половины 1930-х гг. Ограниченные возможности передвижения по стране не способствовали всестороннему освещению событий во всех регионах России. Преимущество отдавалось темам общего характера: внутрипартийная борьба, отношения между государством и церковью, советская внешняя политика и Коминтерн и т.д.

Оценки событий в СССР во многом определялись не только позицией редакции или владельца издания, но и личным отношением авторов к проблеме. Они, в свою очередь, могли варьироваться от консервативного до умеренного либерального и даже радикального спектра. Деятельность советского правительства в социально-экономической, политической, духовной сфере вызывала крайне противоречивые оценки в межвоенные годы.

Соответствующим был и вклад таких публицистов в зарубежную историографию. Примером могут служить работы корреспондента газеты «Крисчен Сайенс Монитор» У.Г. Чемберлина. В своем раннем произведении «Советская Россия. Современная хроника и история» он не отрицал возможности применения террора для достижения целей коллективизации. Автор полагал, что национализация земли создаст фундамент экономической свободы, которая гораздо важнее, чем ограничение индивиду-

альной свободы [1, р. 396-397]. Несколько лет спустя в своем основном труде о Советском Союзе У.Г. Чемберлин уже утверждал, что именно гражданские свободы имеют жизненную важность, а их наличие или отсутствие служит критерием цивилизованности государства [2, р. 377].

Зарубежные исследователи рассматривали различные сюжеты из истории советского Дальнего Востока. Для работ 1920-х – 1940-х гг. приоритетными были такие темы, как приграничные политические отношения Советского государства с Китаем, Японией и Соединенными Штатами, а также перспективы экономического сотрудничества дальневосточного региона России со странами тихоокеанского бассейна. Сами западные исследователи объясняют это следующим образом: «История советского Дальнего Востока, как предмет исследования российской и советской исторической науки, относительно малоизвестна, за исключением тех областей, на которых оставили свой отпечаток иностранные державы. То, что происходит на советском Дальнем Востоке, понимается сквозь призму взглядов Москвы на положение в бассейне Тихого океана и ее влияния на будущее СССР в целом» [13, р. XI].

Вторая причина пристального внимания зарубежных исследователей к советскому Дальнему Востоку заключается в понимании важности этого региона в масштабах международной экономической интеграции. Особенно ясным это стало в годы Второй мировой войны. «Признание Советского Союза частью Дальнего Востока, – писал профессор У. Мандель, – основывается не только на нуждах военного времени и том географическом факте, что советская территория лежит к северу от Амура, но также и на взаимодействии экономик, которое поможет, наконец, закрыть разрыв между Востоком и Западом» [13, р. VIII].

Одним из направлений в исследованиях зарубежных авторов был анализ социально-экономического положения в различных регионах советского Дальнего Востока. Так, например, межвоенному развитию Сахалина посвятили свои работы Полтни Байглоу, Уильям Г. Чемберлин, Маргарет Харрисон. Хотя в целом следует признать, что эти работы не оставили серьезного следа в зарубежной историографии истории советского Дальнего Востока. Позиция авторов по ряду проблем носит предвзятый характер. Это особенно очевидно в оценке японской оккупации Южного Сахалина. Как

известно, в советской историографии она неизменно оценивалась критически. Однако в трудах западных авторов, особенно в 1920-е – 1940-е гг. нередко встречались высказывания противоположного характера. Так, в русле японской историографии может расцениваться утверждение американской журналистки М. Харрисон о том, что «высшие слои польского и русского населения» Сахалина «приняли японцев как наименьшее из двух зол, т.к. они, по крайней мере, восстановили закон и порядок» на острове [9, р. 40].

Вторая мировая война оставила значительный след в англоязычной историографии советского Дальнего Востока. Поставки Советскому Союзу по линии ленд-лиза, в том числе и через советский Дальний Восток, отразились в большом количестве воспоминаний американских современников [4; 6; 12; 13; 15; 20; 26]. Американцев интересовало, что Советская Россия может предоставить американцам в плане расширения двусторонней торговли, индустриализации Сибири, приведет ли открытие и разработка новых сырьевых ресурсов к повышению уровня жизни населения советского Дальнего Востока [16, р. 3].

Большой интерес представляли возможности выгодного воздушного сообщения США с Европой через советский Дальний Восток. Рассматривались возможности строительства туннеля через Берингов пролив. Из всех субъектов Дальнего Востока особенно выделялся Приморский край в силу умеренного климата и наиболее развитой по сравнению с другими дальневосточными регионами промышленностью. Примечательно, что уже в то время зарубежные исследователи отмечали, что в силу конкуренции едва ли возможны торговые отношения между США и СССР в лесной и рыбной промышленности [16, р. 11].

После окончания Второй мировой войны, с началом «холодной войны» возникла огромная лакуна в зарубежных исследованиях по истории советского Дальнего Востока межвоенного периода. Как о Сахалине, так и о других регионах дальневосточного материка до начала 1970-х гг. первоисточники для зарубежных исследователей были закрыты.

В связи с этим большим вкладом в зарубежную историографию можно считать исследование известного американского специалиста по истории Дальнего Востока Дж. Стефана «Сахалин: история», вышедшее в свет в 1971 г. [22]. В этом труде была предпринята попытка

взвешенного анализа исторического развития Сахалина. На основе современных публикаций на японском, русском, китайском, немецком, английском и польском языках автору удалось представить многогранную историю Сахалина. Дж. Стефан подверг справедливой критике советскую историографию, которая по политическим причинам всячески принижала роль Японии в истории освоения Сахалина [22, р. 2]. Автор приводит свидетельства вклада Японии в развитие рыболовства, угольной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности в южной части острова. Показательно, что начиная с 1924 г. японское правительство ужесточило контроль над массовой вырубкой леса [22, р. 88-89]. С другой стороны, Дж. Стефан не идеализирует и японское правление: в школах повсеместно вводилось изучение японского языка, выкупались русские дублирующие производства, ввозилась дешевая рабочая сила из Кореи и т.д. [22, р. 104]. Символична оценка, данная американским исследователем выводу японских войск из Северного Сахалина без использования военной силы. Это событие рассматривается им как «блестящая победа советской дипломатии» [22, р. 106]. Работа Стефана о Сахалине впервые опиралась одновременно и на советские, и на японские публикации. Следует отдать должное американскому специалисту, которому пришлось преодолевать практически полный разрыв между советской и японской школами изучения истории Сахалина [22, р. V].

Три года спустя Дж. Стефан опубликовал интересное исследование, посвященное Курильским островам [23]. В нем автор утверждает, что Курилы изначально рассматривались Японией как составная часть метрополии. Хотя морепродукты были основой экономики для айнов, японцев и русских в равной степени, именно японцы рационально эксплуатировали эти ресурсы, регулярно инвестируя в эту отрасль капитал, привлекая людские ресурсы и современную технологию. 1930-е гг., по замечанию Стефана, стали «золотым веком» рыболовства на Курилах [22, р. 119, 122-123].

Начиная с середины 1980-х гг. существенно меняется тематика зарубежных исследований. Авторы отдают предпочтение анализу перспектив экономического и политического взаимодействия СССР и США в бассейне Тихого океана. Одной из таких работ, исследующих историю российско-американских отношений на протяжении двух столетий, стала коллектив-

ная монография отечественных и американских ученых «Советско-американские горизонты на Тихом океане» [25]. В одной из статей сборника рассматриваются различные сюжеты советско-американских торгово-экономических контактов на Дальнем Востоке, динамика и номенклатура экспорта и импорта в товарообороте между США и советским Дальним Востоком в межвоенный период [25, р. 61-83].

В 1994 г. из под пера профессора Стэнфордского университета Дж. Стефана вышла очередная работа «Российский Дальний Восток. История» [24]. Большая часть этого исследования посвящена истории Дальнего Востока в межвоенный период. Характерно, что в отличие от предыдущих работ зарубежных исследователей автор значительное внимание уделил политическим процессам, происходившим в Советской России. Он анализирует взаимоотношения между центром и дальневосточной периферией, особенности политических репрессий на Дальнем Востоке, хозяйственное строительство и т.д. Вероятно, на сегодняшний день это единственный американский обобщающий труд по истории советского Дальнего Востока.

Условия «перестройки» в СССР позволили зарубежным авторам привлечь ранее не опубликованный статистический и фактический материал и отойти от традиционных стереотипов и идеологической ангажированности. Исторические сюжеты взаимоотношений российского Дальнего Востока с соседями по азиатско-тихоокеанскому региону рассматриваются в совместном российско-американском сборнике «Вновь открывая Россию в Азии. Сибирь и русский Дальний Восток» [11]. Таким образом, в американской историографии накоплен довольно большой круг исследований по истории советского Дальнего Востока, который может представлять значительный интерес для отечественных специалистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Chamberlin, W.H., 1930. Soviet Russia. A living record and a history. Boston: Little, Brown and Co.
2. Chamberlin, W.H., 1934. Russia's Iron Age. Boston: Little, Brown and Co.
3. Cravath, P.D., 1931. Letters home from the Far East and Russia. Garden City.
4. Davies, R. and Steiger, A.J., 1942. Soviet Asia: democracy's first line of defense. New York: Dial Press.

5. Goldman, B., 1934. Red road through Asia. A journey by the Arctic Ocean to Siberia, Central Asia and Armenia; with an account of the peoples now living in those countries under the hammer and sickle. London: Methuen.

6. Gruber, R., 1944. I went to the Soviet Arctic. New York: Viking.

7. Harris, A., 1939. Eastern visas. London: Collins.

8. Harrison, J., 1936. My great, wide, beautiful world. New York: Macmillan.

9. Harrison, M.E., 1924. Red bear, yellow Dragon, and American lady. Literary Digest, April 19, pp. 38-44.

10. Hughes, J.L., 1956. I wonder as I wander. An autobiographical journey. New York: Hill and Wang.

11. Kotkin, S. and Volf, D. eds., 1995. Rediscovering Russia in Asia. Siberia and the Russian Far East. New York: Routledge.

12. Lenguel, E., 1943. Siberia. New York: Random House.

13. Mandel, W. ed., 1944. The Soviet Far East and Central Asia. New York: Institute of Pacific Relations.

14. Matters, L., 1932. Through the Kara Sea. The narrative of a voyage in a tramp steamer through arctic waters to the Yenisei River. London: Skeffington & son, Ltd.

15. Moore, H.L., 1945. Soviet Far Eastern policy, 1931-1945. Princeton: Princeton University Press.

16. Mosse, R. ed., 1944. Soviet Far East and Pacific Northwest. Seattle: University of Washington Press.

17. Munday, M.C., 1935. Far East. London: Stanley Paul and Co.

18. Murchie, G., 1932. Men in the horizon. Boston: Houghton Mifflin.

19. Nerhood, H.W., 1968. To Russia and return. An annotated bibliography of travelers' English-language accounts of Russia from the ninth century to the present. Columbus: Ohio State University Press.

20. Rhodes, H.W., 1944. Russia: the coming power in the Pacific. Wellington: Progressive Publishing Society.

21. Smolka, H.P., 1937. 40,000 against the Arctic: Russia's polar empire. New York: William Morrow and Co.

22. Stephan, J.J., 1971. Sakhalin: a history. Oxford: Oxford University Press.

23. Stephan, J.J., 1974. The Kuril Islands: Russian-Japanese frontier. Oxford: Oxford University Press.

24. Stephan, J.J., 1994. The Russian Far East: a history. Stanford: Stanford University Press.

25. Stephan, J.J. and Chichkanov, V.P. eds., 1986. Soviet-American horizons on the Pacific. Honolulu: University of Hawaii Press.

26. Wallace, H., 1946. Soviet Asia mission. New York: Reynol & Hitchcock.

27. Wells, L., 1937. Blood on the moon. The autobiography of Linton Wells. Boston: Houghton Mifflin.

PHILOSOPHIA PERENNIS

УДК 165.24

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2017-3/111-119

А.В. Катунин*

КОГНИТИВНОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НЕОСОЗНАВАЕМОГО ПОЗНАНИЯ

Проблематика познания является актуальной для философии уже не одно тысячелетие. Последние достижения в области когнитивной науки отчетливо показали, что процесс человеческого познания может протекать не только в области осознанного, но и неосознаваемого. В наши дни все неосознаваемые процессы получения, обработки и использования информации обобщают с помощью понятия «когнитивное бессознательное», которое становится одним из самых обсуждаемых в наши дни. В статье рассмотрены особенности концепций неосознаваемого познания. Автор обращается к исследованиям Ж. Пиаже, Г. Эббингауза, В.А. Снегирева, а также к работам в области современной психофизиологии и когнитивной психологии.

Ключевые слова: когнитивное бессознательное, познание, сознание, имплицитное научение, имплицитная память, эпистемология

The cognitive unconscious: on some aspects of unconscious cognition.
ALEXANDR V. KATUNIN (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences)

The problems of cognition have been relevant in philosophy for ages. The latest achievements in the field of cognitive science have clearly shown that the process of human cognition could not only occur in the conscious but also unconsciously. Nowadays, all the unconscious processes of receiving, processing and applying of information are generalized under the concept of "cognitive unconscious", which becomes one of the most widely discussed concepts in cognitive science. The article examines several aspects and possibilities of unconscious cognition. The author focuses on the experiments and studies of J. Piaget, H. Ebbinghaus, V. Snegirev and the discoveries of modern psychophysiology and cognitive psychology.

Keywords: cognitive unconscious, cognition, consciousness, implicit learning, implicit memory, epistemology

* КАТУНИН Александр Викторович, младший научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН.

E-mail: alexandrkatunin@gmail.com

© Катунин А.В., 2017

*Быть может, прежде губ уже родился шепот
И в бездревесности кружились листья,
И те, кому мы посвящаем опыт,
До опыта приобрели черты.*

О. Мандельштам

*Есть одна и только одна вещь во всей Вселенной,
о которой мы знаем больше, чем могли бы узнать
из наблюдений извне, – эта вещь – мы сами.
Можно сказать, что мы обладаем внутренней информацией.*

К.С. Льюис

Днем рождения когнитивной науки принято считать 11 сентября 1956 г., когда на симпозиуме в Массачусетском технологическом институте прозвучали доклады Дж. Миллера, Н. Хомского и А. Ньюэлла, которые обозначили когнитивную науку и ее предмет – познание [12, с. 3], рассматриваемое как совокупность процессов получения, обработки, использования информации, знаний об окружающем мире и формирования навыков человеческой жизнедеятельности. С тех пор количество дисциплин, включенных в когнитивные исследования, возросло, а их междисциплинарные взаимосвязи продолжают укрепляться и расширяться. Сегодня когнитивная наука – это серьезное направление, охватывающее ряд как научных (science), так и гуманитарных (humanities) дисциплин. Однако, несмотря на популярность данного направления и вовлеченность в него немалого количества исследователей, многие вопросы остаются открытыми и требуют уточнений. Для философии когнитивная наука предоставляет важные экспериментальные и аналитические данные, так как философские исследования сознания сегодня не могут оперировать исключительно теоретическими построениями, они опираются на данные когнитивной науки и позволяют философски формулировать новые вопросы, вводить новую проблематику исследований, а также находить другие ракурсы рассмотрения уже известных проблем. Более того, обращение к когнитивной науке с позиций эпистемологии неизбежно ввиду совпадения предметов их исследования – познания и сознания. На сегодняшний день одной из ведущих тем исследования когнитивной науки становятся сознание и неотъемлемо следующее с ним когнитивное бессознательное.

Известно, что в первую очередь исследователи фокусируются на моделях познания осознаваемых, напрямую связанных с сознанием. Однако многие векторы исследования сознательных стратегий обработки информации,

познания зашли в тупик или столкнулись с непреодолимыми сложностями (парадокс Китайской комнаты Серла или мысленный эксперимент Зенона Пылышина относительно природы носителя сознания и проч.) [12, с. 8-9]. Вскоре стало ясно, что в познавательной деятельности важную роль играют не только сознательные, но и бессознательные процессы. Таким образом, внимание сфокусировалось на стратегиях и процессах познания, проходящих на неосознаваемом уровне, вне фокуса сознания, сумму которых принято сейчас называть собирательным понятием «когнитивное бессознательное».

Важно сделать акцент на том, что большое количество ученых из разных областей науки избрали проблему бессознательного предметом своих исследований. Междисциплинарность данного понятия послужила причиной наделения его рядом смыслов: от обыденного, содержанием которого является то, «что выше сознания (над – или сверх-сознание, интуиция, духовность) или ниже сознания (под-сознание, с которым имеют дело иногда художники, но чаще – врачи)» [2], до сложных трактовок в психиатрии, социологии, медицине и физиологии (состояние сна, комы, амнезии), юриспруденции (невменяемость, недееспособность) и др. В данной статье бессознательное будет рассматриваться исключительно в рамках когнитивной науки и трактоваться как сумма феноменов и процессов, сопряженных с переработкой информации на неосознаваемом уровне. Каким же образом мы можем получать, хранить и воспроизводить информацию без участия сознания и какую роль в этих процессах играет память?

Около пятидесяти лет назад А.М. Пятигорский в беседе с М.К. Мамардашвили высказал интересную мысль: «Мы могли бы сказать, что везде, где есть сознание (это не есть пример распознавания сознания), там есть память, но мы не можем сказать, что везде, где есть память, там есть сознание» [8]. За последнее столетие ученые далеко продвинулись в изучении сознания и процессов познания, но, тем не менее, специфика ряда процессов остается пока под покровом тайны, да и вопросов по мере изучения становится скорее больше, чем меньше. Когнитивное бессознательное объединяет в себе комплекс бессознательных процессов, направленных на получение, обработку использование информации на неосознаваемом уровне. Данные процессы в той или иной степени изучены психологами, философами, но единой позиции на этот счет в наши дни не существует. Из-

за подобного рода рассогласованности мнений дать точное определение термину «когнитивное бессознательное» также сложно, как и понятию «сознание» [7, с. 163-167]. «Ученые так и не смогли получить знание о том, что же является тем связующим элементом, который из разрозненных нейронов или даже их сетей создает то, что мы называем сознанием» [11, с. 786]. Сам термин был введен в научный оборот сравнительно недавно. В 1970-х гг. появляются работы Ж. Пиаже (1970) и американского профессора психологии Пола Розина (1976), в которых термин употребляется впервые [3, с. 10].

На данный момент не существует однозначного и точного определения феномена «когнитивное бессознательное», однако наиболее точно оно выражено проф. В.М. Аллахвердовым: «На сегодняшний день под общим понятием когнитивного бессознательного объединяются практически все психологические феномены, которые так или иначе могут свидетельствовать о возможности неосознаваемой переработки информации. Среди явлений, относимых к сфере когнитивного бессознательного, можно назвать имплицитное научение, имплицитную память, подпороговое восприятие, прайминг-эффекты, автоматичность, экспертное знание, установку, интуитивные компоненты мыслительной деятельности» [3, с. 10].

В данной статье речь пойдет о процессах познания, преимущественно связанных с основной и, пожалуй, самой популярной формой проявления когнитивного бессознательного – имплицитным научением и имплицитной памятью. Память (эксплицитная) определяется как способность к осознанному запечатлению, сохранению и воспроизведению прошлого опыта. Однако имплицитная, скрытая память – это вид памяти, который работает с информацией, полученной в результате прошлого опыта, который не осознан человеком. Имплицитной памяти также свойственно сохранение и воспроизведение прошлого опыта, но только на неосознаваемом уровне – ниже порога психики. Имплицитное научение – «приобретение знания, которое совершается в значительной степени независимо от сознательных попыток что-либо заучивать и в значительной степени при отсутствии эксплицитного знания о том, что выучено» [1, с. 5], а также «способность использовать информацию в когнитивной деятельности без осознанного знания о наличии этой информации или в чем она состоит» [6, с. 166]. В результате неосознанного познания

происходит фиксация новых знаний и поведенческих моделей у человека, который, казалось бы, специально и осознанно ничему не учился.

Сразу важно отметить, что имплицитное научение и имплицитная память находятся в неразрывной связи друг с другом – имплицитное научение находится в прямой зависимости от запоминания (имплицитного) результатов прошлого опыта. И изменение процесса научения (как правило, в лучшую, более эффективную сторону, см. опыты Пиаже) [3] вносит коррективу в состояние имплицитной памяти. Результатом имплицитного научения, как правило, становится модификация поведения человека, а о памяти мы можем говорить как о сохранении этой модификации.

Рассмотрим некоторые первые опыты научной фиксации подобного неосознаваемого обучения в истории. Одним из первых ученых, предпринявших осознанную попытку изучить и систематизировать имплицитные формы познания, был немецкий экспериментальный психолог Герман Эббингауз. Отечественному читателю наиболее известны две его монографии: «Очерк психологии» и «О памяти», в каждой из которых он уделяет внимание получению, обработке, хранению информации, которая происходит вне области осознаваемого. Мировую известность Эббингауз получил благодаря эксперименту, условно называемому «бессмысленным запоминанием». Суть его заключалась в том, что испытуемым для заучивания предъявлялись карточки с трехбуквенными слогами из двух согласных и гласной посередине. Семантически эти слоги не несли никакого значения (например, «ВЫП», «ФЭР», «НЯП» и т.д.) и не вызывали никаких ассоциаций. Бессмысленные слоги были взяты для того, чтобы работе памяти не мешало мышление (в первую очередь ассоциативное) и эксперимент был лишен погрешностей. Карточки давались в случайном порядке и заучивались под звук метронома. Среди прочих результатов Эббингауз обратил внимание на то, что некоторое количество информации сохранялось подсознательно, поскольку, когда тот же испытуемый через установленное время пытался выучить тот же самый набор последовательностей, выяснилось, что для этого ему необходимо меньшее число повторений, меньшее количество времени. Тем самым подтверждается, что «... человек уверен, что он ничего не помнит, на самом деле он все же вполне может что-то хранить... в своей памяти. Даже когда наше сознание забывает, оно на самом

деле помнит что-то из забытого, помнит то, что как бы не помнит» [4, с. 117].

Более того, таким следам памяти свойственно сохраняться на протяжении достаточно долгого промежутка времени. Каждый может похвастаться тем, что в голове в тот или иной момент всплывают строки произведений, заученных еще в школьные годы. «...Я мог спустя более двадцати лет точно доказать следы от однократного заучивания стихотворения. Следовательно, для души не легко что-нибудь пропадает вполне, хотя возможность воспроизведения по собственному желанию теряется очень скоро» [14, с. 104]. Кто-то вслух читает первые строки стихотворения и оно как по волшебству возникает в сознании, хотя сами вы его могли не вспоминать десятилетиями.

Примерно в то же самое время, что и Эббингауз, факты неосознаваемой обработки и использования информации фиксирует отечественный психолог и философ, проф. В.А. Снегирев. Рассматривая сохранение подобной информации с ракурса нравственного, он полагает, что считать душевные возбуждения (он рассматривает память как удержание и сохранение в душе всех ее изменений) [10, с. 280] способными уничтожаться полностью – большое заблуждение. Так, например, большинство людей не обращают внимания на то, какие впечатления переживает человек в младенчестве, какие чувства формируются средой, а ведь все они «...возникают в нем с пробуждением сознания личности» [10, с. 284]. Также Снегирев фиксирует ряд многочисленных явлений, когда «...люди необразованные, всего чаще женщины, под влиянием нервной болезни, начинают произносить фразы на разных языках, им неизвестных, выражать чужие им идеи и понятия в формах, недоступных им в нормальном состоянии, языком ученым и т.п.» [10, с. 286]. Объясняется это законом сохранения психической энергии, чаще всего в случаях больных людей, но все же «...ничто, раз изменившее душу, ... не исчезает из нее, самые мельчайшие и так называемые бессознательные возбуждения со всею определенностью» [10, с. 286] проявляются наружу.

Наиболее ярко проявление имплицитной памяти и способность к имплицитному научению прослеживается у людей с нарушениями здоровья. Знаменитый британский нейрофизиолог Крис Фрит приводит несколько подобных случаев из своей практики. Он работал с человеком, который страдал сильной потерей памяти и которого он учил определенному моторному

навыку. С каждым разом результаты этого человека становились все лучше. Но потеря памяти прогрессировала настолько, что каждый день им приходилось знакомиться заново, а про задачу испытуемый вообще не слышал. Важно отметить, что у этого больного «...приобретенный ранее опыт явно оказывал долгосрочное влияние на мозг, потому что у него получалось день ото дня все успешнее выполнять поставленную задачу. Но эти долгосрочные изменения, происходящие в мозгу, не действовали на сознание. Он не мог вспомнить ничего из того, что происходило с ним вчера» [13, с. 53]. Этот пример показывает, что знаем мы гораздо больше, чем осознаем.

Еще более интересный пример связан с исследованием Мела Гудейла и Дэвида Милнера. У их пациентки D.F. в результате отравления угарным газом произошел сбой зрительной системы (в части, связанной с восприятием формы) – не удавалось узнавать объекты, потому что она не различала их форму, что означало практически полную слепоту. Когда экспериментатор предъявлял ей палочку, она не могла ответить, держит ли он ее горизонтально или вертикально. Однако, когда ей эту палочку протягивали, D.F. заранее поворачивала кисть руки таким образом, чтобы эту палочку было удобнее взять. «Мозг D.F. “знает”, под каким углом расположена палочка и может воспользоваться этой информацией, управляя движениями ее руки» [13, с. 54].

Не менее важно рассмотреть данный вопрос с позиций психофизиологии памяти. Если исследователи сто и более лет назад могли только строить гипотезы относительно имплицитного знания, то современные достижения в области науки и технологий (в частности – изобретение томографии) позволили совершить прорыв в психофизиологии и объяснять внутреннюю механику данных процессов. Как известно, одних знаний фактов мало, важно понимать внутренние механизмы, позволяющие эти факты констатировать. Известно, что ряд психологических законов в большинстве случаев не сводим к физиологии, равно как далеко не все законы физиологии проявляются в сознании. Тем не менее, учеными выявлен ряд взаимосвязей психических процессов и их отражения в физиологии мозга.

Рассмотрим механизмы памяти и процесса научения. В психофизиологии научение рассматривается как «последовательность сложных процессов, вовлекаемых в приобретение, хра-

нение и воспроизведение информации. В результате научения происходит модификация поведения, а память проявляется как сохранение этой модификации» [9, с. 99]. В процессе обучения на нейронах головного мозга происходят изменения, так называемые «следы». Такие «следы» памяти после научения называют энграммой. Существует несколько концепций рассмотрения проблемы памяти:

1. Концепция временной организации памяти, оперирующая понятиями кратковременной и долговременной памяти, а также рассматривающая динамику формирования и развития энграмм;
2. Концепция состояний памяти, рассматривающая память с позиций готовности воспроизведения энграммы из активной и пассивной формы;
3. Концепция распределенной памяти, анализирующая нейронный и молекулярный механизмы памяти, специфику консолидации;
4. Концепция информационного содержания памяти – соотношение декларативной (эксплицитной, осознаваемой) памяти и недеklarативной (имплицитной, неосознаваемой) [9, с. 99-112].

С позиций изучения феномена когнитивного бессознательного по-своему интересен каждый из подходов. В рамках первой концепции временной организации рассматриваются такие виды памяти как кратковременная и долгосрочная, которые различаются формами существования энграммы (формируемого следа памяти в процессе научения).

Кратковременная память физиологически подкрепляется процессом реверберации – прохождении электрической активности по замкнутым цепям нейронов: «При многократном действии одного и того же стимула происходит формирование замкнутого «клеточного ансамбля»» [9, с. 100], тем самым закрепляется энграмма. Если реверберация продолжается определенное количество времени, то в синапсах происходят биохимические и морфофункциональные изменения, которые позволяют говорить о процессе консолидации – более прочном физическом закреплении энграммы и формировании долговременной памяти. Интерес заключается в том, что формирование энграммы может происходить как на осознанном уровне, так и на неосознаваемом. Вопрос в том, будет ли процесс реверберации достаточно продолжителен для того, чтобы научение в результате консо-

лидации закрепилось в мозге: для разного рода информации необходимо несколько секунд или минут [9, с. 100]. Особенно важно подчеркнуть тот факт, что опыты с использованием метода экспериментальной ретроградной амнезии (разрушение энграммы электрошоком) не подтвердили тезис о полном физическом уничтожении следа. Экспериментальным путем было установлено, что при использовании методов напоминания и ознакомления память восстанавливалась. Эти методы доказывали, что причиной амнезии может быть временное подавление воспроизведения энграмм. Таким образом, бессознательное состояние вследствие амнезии может быть у человека временно. Информация хранится в мозге, но недоступна к осознанному воспроизведению.

Здесь общую картину дополнит вторая концепция – концепция состояний памяти, которая заключается в следующем: «Память выступает как единое свойство, поэтому ее невозможно разделить на кратковременную и долговременную, ... существует в активной форме, готовой к реализации в данный момент времени, и пассивной (или латентной), не готовой к непосредственному воспроизведению» [9, с. 102]. Когнитивное бессознательное напрямую связано с существованием пассивных энграмм в латентной форме, которые недоступны для реализации. Новые следы памяти могут поступать и в неактивном состоянии, это зависит от условий формирования энграмм. Данное свойство лежит в основе важного феномена – латентного (бессознательного) обучения [9, с. 102]. Сформированная (активная) энграмма существует на уровне электрических процессов и может быть блокирована в результате внешнего воздействия (например, электрошок). Современной наукой доказано, что в основании электрического процесса в мозге лежит «молекулярный субстрат» (биохимические и биофизические взаимодействия). Поэтому энграмма актуализируется при переводе молекулярного кода на уровень электрической активности, т.е. из бессознательного состояния в осознаваемое. Функция коммуникации между нейронами осуществляется благодаря их электрической активности. Амнестический электрошок, не затрагивая молекулярной основы следа, временно блокирует его воспроизведение, нарушая перевод молекулярного носителя на уровень электрической активности. О том, как происходит «оживление» следа при переходе из латентной формы в активную, известно мало.

Третья концепция (распределенной памяти) интересна тем, что память не локализована в каком-то конкретном участке мозга, она есть результат взаимодействия многих структур мозга, а след памяти реализуется разными мозговыми структурами и их частями. Опыты показали, что нервные клетки разных структур мозга вовлечены в процесс воспроизведения следа из памяти, причем временной отрезок после обучения может быть разным. Следовательно, след распределен по нервным клеткам, принадлежащим разным мозговым структурам, информация, хранящаяся в них, доступна для считывания через определенное время после фиксации. Качество следа обеспечивается через разное время после его создания разными нейронными системами.

Согласно результатам исследований последних 5-10 лет, кратковременная и долговременная память являются самостоятельными процессами. Осуществление их требует участия определенных систем мозга, способных взаимодействовать в течение микросекунд. Сопоставление активностей на синоптическом уровне показало, что «после обучения большая часть постсинаптических ответов достигает максимального значения спустя 30-40 минут после первой серии. Такие нейроны как бы демонстрируют латентное обучение. Менее 14% нейронов формируют следы, которые актуализируются сразу после обучения» [9, с. 106].

Как уже упоминалось, процесс консолидации закрепляет энграмму на физическом уровне, тем самым фиксируя информацию в памяти. Консолидация заключается в «развертывании молекулярного каскада и в морфологических изменениях, благодаря которым модификации в синапсах после обучения становятся стабильными» [9, с. 107]. Благодаря консолидации кора головного мозга изменяется постепенно, позволяя объединять различные факты внешнего воздействия.

Однако самый большой интерес с точки зрения рассмотрения когнитивного бессознательного представляет достаточно новая четвертая концепция – измерение памяти по содержанию сохраняемой информации. С точки зрения концепции информационного содержания памяти последняя делится на декларативную (эксплицитную) и недеklarативную (имплицитную). Это связано с разного рода содержанием информации, обрабатываемой человеком. Обработку такой информации можно условно разделить на запоминание (преимущественно

осознанный процесс) и усвоение (неосознаваемый процесс). И если запоминать мы можем любые лингвистически выраженные факты, то усвоение связано с определенного рода моторным научением – выработкой умений, привычек, навыков.

Недекларативная (имплицитная) память выражается в изменении деятельности человека, проходящем неосознаваемо. «Она хранит собрание неосознаваемых способностей к обучению, которые проявляются в умениях, навыках, формах обусловливания, привыкании. Примеры недеklarативной памяти включают способности к заучиванию зрительных категорий при помощи запоминания прототипа образца и облегчение способности детектировать и определять недавно встреченные стимулы» [9, с. 110]. Особую роль в процессе получения, обработки, использования информации на неосознаваемом уровне играет процедурная память (часть имплицитной), которая формирует специфику человеческих реакций и поведения, так называемое «знание о действии». Процедурная память – это сумма навыков, усвоенных человеком и выполняемых автоматически, среди которых – умение ездить на велосипеде, набирать текст слепым десятипальцевым методом, исполнение музыкального произведения «с листа». Если говорить о более ранних цивилизационных навыках – это умение стрелять из лука, скакать на коне или же управлять кораблем в шторм. Когда человек использует какое-то орудие, его мозг начинает воспринимать это орудие, контролировать его и управлять им как частью тела – рукой или ногой [13, с. 102-105]. В процессе эволюции процедурная память развивается раньше декларативной и основывается на «биохимических и биофизических изменениях, происходящих только в тех нервных сетях, которые непосредственно участвуют в усвоении нового материала» [9, с. 110-111]. В процедурную память также входит система знаний человека, включающая в себя базовые знания о мире, грамматику и пр.

О когнитивном бессознательном также можно говорить, рассматривая один из видов воспроизведения – воспоминание как извлечение из долговременной памяти образов прошлого, идеально локализуемых в пространстве и времени. Речь идет о непроизвольном (спонтанном) воспроизведении (возникновении) в сознании персеверированных образов прошлого. Степень несовпадения воспоминания и прошлого события зависит от особенностей развития личности – ее

установок, целей, мотивов, значимости события для человека, а так же его давности. В одной из гипотез предполагается, что мозг хранит различные моменты воспоминания даже об одном предмете или явлении в разных местах, причем каждое понятие связано с областью мозга, которая специализируется на его восприятии. Таким образом, обычно вспоминаются детали события. О тонких механизмах воспроизведения известно немного. Известно, что воспоминания активируют области мозга, ответственные за обработку сенсорного опыта.

Ключевым вопросом является вопрос о влиянии имплицитной (недекларативной) памяти на воспроизведение. Узнавание частично может основываться на суждении о сходстве, определяемом имплицитной памятью, действующей относительно самостоятельно. При воспроизведении из семантической памяти активность мозга увеличивалась в задних кортикальных областях.

Проблема заключается в том, как информация, хранимая в разных системах (недекларативной или декларативной памяти), интегрируется таким образом, что может воспроизводиться и влиять на поведение человека. При этом ненужная информация не используется. Мозг сохраняет не память, а следы информации, которые используются для создания энграмм, т.е. следы хранятся, а память создается, причем не всегда правильно отражает картины прошлого реального опыта [9, с. 118]. Это в определенной степени подтверждает гипотезу о том, что основная функция сознания состоит в том, чтобы создавать догадки о правильных идеях, хранящихся в сфере неосознанного, сличая с ними свои догадки [3, с. 6-7]. Корректируя мысль Платона, авторы предполагают, что деятельность механизма сознания состоит в построении различных догадок об устройстве окружающего мира и их проверке. Если сознание перестает работать с информацией, то она перестает восприниматься, оставаясь неизменной, она ускользает.

Другой аспект изучения неосознаваемого познания – это прайминг, явление, связанное с качественным, эффективным изменением решения определенных задач, при условии предварительного предъявления информации, некоторым образом связанной с этой задачей, либо вероятность более быстрого воспроизведения полученной информации при попадании в те же условия, в которых был предъявлен прайм. Прайминг способствует сохранению информации, которая в дальнейшем облегчает вос-

приятие новой или воспроизведению прошлой информации. Прайминг обеспечивает влияние опыта из прошлого на действия, операции, решения в настоящем. Так, например, объекты, с которыми человек уже ознакомился ранее, идентифицируются быстрее и точнее, чем незнакомые. В качестве иллюстрации можно привести реакцию водителя на знаки дорожного движения. Находясь за рулем и передвигаясь по дорогам родной страны, опытный водитель не заостряет внимание на пролетающих мимо знаках. Он их видит, он на них реагирует, но происходит это не в фокусе внимания. Другое дело, если он окажется за границей. Содержательно похожие дорожные знаки в Европе имеют немного другое формальное исполнение в сравнении с, например, российскими. Водитель их видит, и они находятся уже в фокусе внимания, чтобы иметь возможность соотнести их с более привычными, знакомыми. Но после одно-двух дней путешествия восприятие европейских дорожных знаков снова доходит до автоматизма. Примерно таким же имплицитным образом происходит воспроизведение из семантической памяти (хранилища прочитанных текстов, сообщений, увиденных рекламных материалов и пр). Накопленное человечеством знание воспроизводится при отсутствии осознания событий прошлого по усвоению и знакомству с конкретными знаниями.

Известный отечественный когнитивный психолог Б.М. Величковский, анализируя специфику работы имплицитной памяти, приводит в пример задачу на дополнение фрагментов слова, например, «_р_к_ди_», чтобы получилось осмысленное слово. Если среди слов, с которыми работал испытуемый предварительно, попалось слово «крокодил», то эта задача решалась быстрее, таким образом, прайминг можно определить как «облегчение решения задачи дополнения слова в результате его предварительного показа на стадии кодирования» [5, с. 362]. Но при этом Б.М. Величковский отмечает существенное отличие между имплицитной и эксплицитной ситуациями: «Во-первых, показатели прайминга и прямого воспроизведения не коррелируют друг с другом, что трудно объяснить в рамках предположения о существовании единого для них формата сохранения информации (следа памяти). Во-вторых, прайминг часто оказывается более стабильным показателем памяти, чем сознательное воспроизведение: он может сохраняться в течение более длительного времени и почти не меняться при варьировании

условий кодирования, радикально влияющих на уровень воспроизведения (таких, как отвлеченные внимание)» [5, с. 362]. Более того, известны случаи, когда прайминг-эффекты фиксируются у людей с временной амнезией или же полной потерей памяти, в том числе связанной с возрастными изменениями психики.

Таким образом, мы видим, что на неосознаваемом уровне протекают процессы получения, обработки, усвоения и воспроизведения информации. Когнитивное бессознательное безусловно влияет не только на усвоение данных, но и на формирование навыков, привычек, форм реакции на то или иное событие. Предварительное неосознаваемое усвоение информации может качественно изменить решение определенных задач в более эффективную сторону, либо обеспечить более быструю реакцию на уже известную ситуацию. Это может быть важным в ряде профессий, сопряженных с риском и максимальной концентрацией, – водитель грузовика или же машинист локомотива, военный. Если же сознание по каким-то причинам дает сбой, когнитивное бессознательное может модифицировать поведение и реакции соответственно сложившейся ситуации.

Более того необходимо уделять внимание тому, что человек познает неосознанно, в каком контексте он находится, поскольку именно неосознаваемое усвоение норм, правил, привычек, моделей поведения (особенно в раннем возрасте) того контекста, в котором он пребывает, может формировать его личность.

Из вышеописанного можно сделать вывод, что существуют две системы, деятельность которых ответственна за процесс познания. Одна – сознание, другая – когнитивное бессознательное. Являются ли эти системы полностью автономными друг от друга или же они работают на условиях некоторого взаимодействия и взаимоконтроля еще предстоит исследовать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Reber, A., 1993. *Implicit learning and tacit knowledge: an essay on the cognitive unconscious*. Oxford: Oxford University Press.
2. Автономова Н.С. *Бессознательное* // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/0400.html>
3. Аллахвердов В.М., Воскресенская Е.Ю., Науменко О.В. *Сознание и когнитивное бессознательное* // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. №2. С. 10-20.

4. Аллахвердов В.М. *Сознание и познавательные процессы* // Психология / под ред. А.А. Крылова. М.: ПРОСПЕКТ, 1998.

5. Величковский Б.М. *Когнитивная наука. Основы психологии познания*. В 2-х т. Т. 1. М.: Издательство Юрайт, 2017.

6. Крюкова А.П. *Знание без осознания: опыт исследований имплицитного научения* // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 166-170.

7. Лекторский В.А. *Эпистемология классическая и неклассическая*. М.: URSS, 2001.

8. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. *Три беседы о метатеории сознания*. (краткое введение в учение виджнянавады) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ligis.ru/psylib/090417/books/mampg01/txt01.htm>

9. *Психофизиология* / Под ред. Ю.И. Александрова. СПб.: Питер, 2012.

10. Снегирев В.А. *Психология*. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2008.

11. Труфанова Е.О. *Социально-конструкционистский подход к сознанию в контексте классической и современной философии* // Философия и культура. 2016. №6. С. 785-796.

12. Фаликман М. *Когнитивная наука: основоположения и перспективы* // Логос. 2014. № 1. С. 1-18.

13. Фрит К. *Мозг и душа: как нервная деятельность формирует наш внутренний мир*. Москва: Астрель; CORPUS, 2016.

14. Эббингауз Г. *Очерк психологии*. СПб: Издательство О. Богдановой, 1911.

REFERENCES

1. Reber, A., 1993. *Implicit learning and tacit knowledge: an essay on the cognitive unconscious*. Oxford: Oxford University Press.
2. Avtonomova, N.S., 2010. *Bessoznatel'noe* [The unconscious]. In: *Novaya filosofskaya ehntsiklopediya*. URL: <http://iph.ras.ru/elib/0400.html> (in Russ.)
3. Allahverdov, V.M., Voskresenskaya, E.Yu. and Naumenko, O.V., 2008. *Soznanie i kognitivnoe bessoznatel'noe* [Consciousness and the cognitive unconscious], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, no. 2, pp. 10-20. (in Russ.)
4. Allahverdov, V.M., 1998. *Soznanie i poznavatel'nye protsessy* [Consciousness and cognitive processes]. In: Krylov, A.A. ed., 1998. *Psikhologiya*. Moskva: PROSPEKT. (in Russ.)
5. Velichkovskiy, B.M., 2017. *Kognitivnaya nauka. Osnovy psikhologii poznaniya*. V 2-kh t. T. 1 [Cognitive science. Fundamentals of psychology

of knowledge. In 2 volumes. Vol. 1]. Moskva: Izdatel'stvo Yurait. (in Russ.)

6. Kryukova, A.P., 2016. *Znanie bez osoznaniya: opyt issledovaniy implitsitnogo naucheniya* [Knowledge without awareness: the experience of exploring implicit learning], *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4, p. 166-170. (in Russ.)

7. Lektorskiy, V.A., 2001. *Epistemologiya klassicheskaya i neklassicheskaya*. [Epistemology: classical and non-classical]. Moskva: URSS. (in Russ.)

8. Mamardashvili, M.K. and Pyatigorskiy, A.M. *Tri besedy o metateorii soznaniya (kраткое введение v uchenie vidzhnyanavady)* [Three conversations about the metatheory of consciousness (A brief introduction to the teachings of vijñānavāda)]. URL: <http://ligis.ru/psylib/090417/books/mampg01/txt01.htm> (in Russ.)

9. Aleksandrov, Yu.I. ed., 2012. *Psikhofiziologiya* [Psychophysiology]. Sankt-Peterburg: Piter. (in Russ.)

10. Snegiryov, V.A., 2008. *Psikhologiya* [Psychology]. Sankt-Peterbutg: Obshchestvo pamyati igumenii Taisii. (in Russ.)

11. Trufanova, E.O., 2016. *Sotsial'no-konstruktsionistskiy podkhod k soznaniyu v kontekste klassicheskoi i sovremennoi filosofii* [Socio-constructionist approach to consciousness in the context of classical and modern philosophy], *Filosofiya i kul'tura*, no. 6, pp. 785-796. (in Russ.)

12. Falikman, M., 2014. *Kognitivnaya nauka: osnovopolozheniya i perspektivy* [Cognitive science: foundations and perspectives], *Logos*, no. 1, pp. 1-18. (in Russ.)

13. Frit, K., 2016. *Mozg i dusha: kak nervnaya deyatel'nost' formiruet nash vnutrenniy mir* [Making up the mind. How the brain creates our mental world]. Moskva: Astrel'; CORPUS. (in Russ.)

14. Ebbingauz, G., 1911. *Ocherk psikhologii* [Essay on psychology]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo O. Bogdanovoy. (in Russ.)

УДК 124.1
DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2017-3/120-125

И.А. Аполлонов*

ЛОГОС ГЕРАКЛИТА КАК МЕРА ЛИЧНОСТНОЙ САМОТОЖДЕСТВЕННОСТИ**

В статье исследуются истоки философского рассмотрения проблемы личностной идентичности. Автор выявляет экзистенциально-герменевтический потенциал дельфийского изречения «Знай себя», эксплицирующего двойственность человеческой природы и побуждающего к поиску меры подлинной самотождественности. В контексте подобного поиска исследуется учение Гераклита о логосе. Логос устанавливает смысловую определенность, являющуюся границей онтологического равенства вещи самой себе во всеобщем потоке изменений. Эта граница представляет собой тайную гармонию, внутреннее напряжение всех сторон вещи, позволяющее ей с максимальной полнотой присутствовать в мире. Личностное измерение самотождественности основано на сопряжении субъективной и объективной сторон логоса, истолковании и утверждении универсальной человеческой природы в конкретных жизненных обстоятельствах.

Ключевые слова: идентичность личности, логос, Гераклит, самопонимание, тайная гармония

The logos of Heraclitus as a measure of personal self-identity. IVAN A. APOLLONOV (Kuban State Technological University)

The article examines the origins of philosophical consideration of the personal identity issue. The author focuses on the existential-hermeneutic potential of the Delphic dictum "Know thyself", which reveals the duality of human nature and encourages the search for genuine measure of self-identity. In the context of this search the author explores the doctrine of logos developed by Heraclitus.

Keywords: identity, logos, Heraclitus, self-understanding, covert harmony

На рубеже тысячелетий рассуждения об идентичности становятся модным трендом в области общественных и гуманитарных дисциплин. Такая «мода», безусловно, связана с процессами глобализации, которые стремительно меняют конфигурацию и содержание социокультурного ландшафта мира, принимающего форму мультикультурализма, а вместе с ним трансформируют и социокультурную сущность человека. Подобная трансформация актуализирует фундаментальную, стержневую

для западной философской традиции проблему тождества и различия в модусе личностной самотождественности человека как диалектического единства неизменности человеческой природы и подвижного многообразия форм ее проявлений. В этой статье мы попытаемся рассмотреть основные идеи, формирующие философскую проблематику тождества и самотождественности, выявить их эвристический потенциал и вневременную значимость для постижения сути личностной идентичности.

Вопросы личностной идентичности: «Кто Я?», «Что значит быть собой?», артикулированные в знаменитой дельфийской максиме «Знай себя», можно считать истоком философской традиции Европы. Аккумулированный в этой максиме призыв эксплицирует скрытую двойственность человеческого «Я», различает в том, кто входит в храм, еще и того, кого необходимо узнать. Такое различие срывает с человека покров самоочевидной житейской понятности собственного тождества (я это я) и обнажает его потаенную проблемность себя, собственной самотождественности: «А действительно ли я тот, кого я знаю как себя?»

Вместе с тем, заключенная в изречении проблема личностной самотождественности не сводится лишь к установлению соответствия себя как субъекта самосознания с собой как фактом объективной реальности, от физических особенностей и социального положения до интимных глубин своей душевной жизни. Казалось бы, я знаю свое имя, место жительства и род занятий, свои сокровенные мечты, желания и страхи. На таком знании зиждется очевидность моего повседневного опыта, моих жизненных устремлений. Очевидность этого знания и влечет меня в Дельфы, к оракулу бога Аполлона, чтобы получить ответы для своих насущных нужд: «Стоит ли жениться, заняться ли земледелием, будет ли победа?» [10]. Но у входа в храм я сталкиваюсь с требованием узнать не для себя, но самого себя, свое «само»: что есть я как таковое, отличное от того, что мне лишь принадлежит [8, с. 254-257]. Такое требование имплицитно предполагает меня как нечто по сути своей неизвестное и тем самым выталкивает меня из привычной самопонятности, выводит в иной бытийный регистр. И с высоты такого регистра я познаю себя не через простое сопоставление знаний о себе с собственной наличностью, но, прежде всего, в стремлении различить подлинность и мнимость собственного существования, правильность своих мнений, надежд и желаний.

Тем самым для меня открывается новое, экзистенциальное измерение проблемы личностной самотождественности: чтобы узнать себя необходимо найти ту меру, в границах которой я обрету себя и останусь тем же самым, а преступив которую, напротив, себя потеряю. Именно к этому призывает следующая дельфийская максима: «Ничего через меру». Эта максима, конечно, призывает не к «умеренности и аккуратности» грибоедовского Молчалина, а тре-

бует блюсти меру собственной подлинности перед лицом богов, определяющих меру космического мироустройства.

В начале европейской философии исследование подобной меры происходит в контексте поиска архэ: первого начала и первого начальника космоса, гаранта его самотождественности – и на макро-, и на микроуровнях. Для нашей темы особый интерес представляет позиция Гераклита, поскольку он выявляет принцип тождественности в предельно заостренном рассмотрении радикальности различий и изменчивости как мира в целом, так и каждой вещи. При этом свой философский поиск Гераклит подчиняет рассмотренному выше императиву дельфийской максимы: «Я искал самого себя» [11, с. 194], замыкая тем самым свои космологические и натурфилософские построения на проблему обретения личностной самотождественности.

В историко-философском взгляде на учение Гераклита общим местом является указание на его стихийную диалектику, утверждение неустрашимой динамичности мира, наиболее отчетливо выраженное в смыслообразе реки [5, с. 82]. Поэтому принцип тождества эфесский мыслитель изучает в неразрывной связи с относительностью, множественностью и текучестью космической жизни, всячески подчеркивая пребывание в смене, постоянство в изменении, тождество в перемене, меру в становлении, единство в раздвоении, вечность в преходящем [7, с. 368]. Соответственно, тождество космоса потайное, темное. Оно является предметом напряженной экзегезы, поскольку на поверхности видимого мира открывается лишь взаимопереход отдельных противоречий (жизнь-смерть, день-ночь, красота-безобразие, избыток-неужда), прямое отождествление которых превращает мыслителей в «племя пустоголовых двуголовых». Ведь жизнь не может быть смертью, соответственно, их тождество лежит в другой плоскости, нежели простое неразличение их различий, или же указание на их взаимный переход. Так, день и ночь не становятся одним и тем же от того, что они сменяют друг друга. Постулирование такого тождества превращает вещи в «потоки», размывающие их предметную самотождественность: «Ничто никогда не есть, но становится» [9, с. 204].

Как известно, космическое тождество и предметную устойчивость вещей Гераклит связывает со стихией огня, как единого первоначала мира, имманентное движение которого

* АПОЛЛОНОВ Иван Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Кубанского государственного технологического университета.

E-mail: obligo@yandtx.ru

© Аполлонов И.А., 2017

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ. Проект № 16-13-23020 а(р).

(мера возгорания, путь вверх, и мера затухания, путь вниз) порождает множество противоположностей, их изменчивость и взаимопереход. В данном контексте огонь рассматривается как субстратная основа телесности вещей. Метафорически огонь предстает той глиной, из которой скульптор может вылепить различные фигурки, а затем их смять и лепить вновь, продолжая такую лепку попеременно и непрестанно [11, с. 213-214].

Однако подобное рассмотрение огненного первоначала растворяет принцип личностного тождества в цепи таких взаимопревращений. Вряд ли стоит считать человека тождественным свинье, на том лишь основании, что человек питается свининой (ведь по субстрату сегодняшней я – это вчерашняя свинья). Поэтому в смыслеобразе указанного фрагмента важно подчеркнуть, что процесс лепки направлен на создание определенности формы, в которой воплощается центральная добродетель скульптора – цельность видения. Такая цельность предполагает определенность образа, что, в свою очередь, предполагает существование не только субстратного единства вещей, но и их цельности в качестве осмысленных единиц, противостоящих текучести субстрата. Такая устойчивость выводит рассмотрение огненного первоначала из плоскости пульсирующего потока, придает ему качество устойчивой, постоянно равной себе твердой валюты. Эту сторону своего первоначала Гераклит раскрывает в совершенно иной метафоре: огонь, аналогично отношению золота и товаров, является залогом всех вещей, а вещи, соответственно, возмещением огня [11, с. 222]. Тем самым, огонь как космическое архэ означает не слепое к различиям субстратное тождество вещей, а, напротив, отмеряет их определенность, как меновую стоимость в границах единого космоса.

Здесь открывается другая плоскость рассмотрения основания самоидентичности: от взаимоперехода противоположностей в самих вещах, определяющих их текучесть, к твердо отмеренному соотношению вещи и ее огненного эквивалента. Проблема тождественности вещи при этом рассматривается в соотношении неопределенности и предела. Подобную двойственность природы вещей открывает Пифагор, противопоставляющий монаду (как принцип предела, цельности вещи) и диадду (как принцип ее делимости и неопределенности). Гераклит, обвиняющий Пифагора в многозначности, старается рассмотреть такую двойственность, из-

бегая сущностного противопоставления. В данном контексте им подчеркивается смысловая определенность вещи, пребывающая во всех ее изменениях. Тем самым, огонь предстает Логосом: мыслью, разумным словом, которое отмеряет тождество вещей, определяет структуру сущего, порядок всего происходящего [4, с. 106].

В истории философии огненный логос Гераклита традиционно рассматривается в качестве мирового начальника, имманентного универсальному космическому закону. Такой закон, с одной стороны, определяет меру вещей, устанавливает их бытийные границы, в которых вещь есть «то же самое», с другой стороны, определяет динамичную процессуальность, как мирового становления, так и становления вещи как именно этой вещи.

Будучи таким начальником, огненный логос предстает тождеством, выходящим за рамки различий, единством, объемлющим многообразие мира: «из всего – одно, из одного – все»; «все как одно» [11, с. 198-199]. Принцип подобного тождества раскрывается в со-относительности отдельного, которое равно себе не как самодостаточное, обособленное, но лишь в отношении той целостности, которая достигается в соединении противоположностей.

Вместе с тем, чрезмерное акцентирование данного аспекта Логоса может превратить учение Гераклита в идеологию тотальности, при которой тождественность отдельной вещи возможна лишь в качестве части целого, наподобие пчелы в улье или сословий идеального государства Платона, смысл существования которых определяет их общественная функция. Определяет ли меня учение Гераклита о Логосе в качестве необходимого, но взаимозаменяемого «винтика» космической механики? Как необходимый момент в становления мировой идеи (или же социальной материи, в зависимости от того, поставить огненный Логос «на голову» или «на ноги»)? И Гераклит – это лишь наивный диалектик, недо-Гегель (недо-Энгельс)?

Этот вопрос конкретизирует рассмотрение Логоса в качестве тотальности распри, порождающей иерархичную структуру космоса: «Воина отец всех и царь всех: одних она объявляет богами, других – людьми, одних творит рабами, других свободными» [11, с. 202]. На первый взгляд, перед нами в наивном виде обнаруживается идея дарвинизма о естественном отборе, определяющем происхождение видов. Тогда Логос – это то, что побуждает меня завоевы-

вать себе место в мире, работая локтями, или же приспособливаться, утверждаться за счет других?

Подобные подходы упрощают и уплощают учение Гераклита. Ведь борьба не просто соединяет отдельные элементы в целостные структуры. Распря, прежде всего, является порождающим принципом определенности вещей в универсальной космической целостности, суть которой скрывается в тайной гармонии, представленной в смыслеобразе лука и лиры [11, с. 199]. В подобных образах тождественность рассматривается не просто как соединение взаимонезависимых частей единого целого, но, прежде всего, в качестве целостности самих этих частей, которая являет себя в том напряжении которое образует задевающий тебя Другой. Такое напряжение заставляет прочувствовать как собственную границу, так и свою связанность с Другим: ведь задевает только то, что составляет с тобой определенную целостность. Именно взаимное натяжение открывает упругость дуги лука и прочность его тетивы. И именно такое натяжение позволяет луку быть собственно луком, устанавливает меру его бытия, его природу и смысловую определенность. Наглядной иллюстрацией принципа тайной гармонии самотождественности является статуя дискобола, которую создал Мирон из Элевфер, младший современник Гераклита. В своей скульптуре ваятель передает миг динамического равновесия, в котором сконцентрирован весь цикл движения атлета: усилие закинутой назад руки с диском и неизбежность разворота согнутой фигуры [6, с. 55]. В созерцании искусного зрителя эта фигура продуцирует образ туго натянутого лука – метафору тайной гармонии [3, с. 144].

В данном контексте Логос завязывает узлы космического натяжения, стягивает многообразие мира к такому единству, в котором раскрывается потаенная природа каждой вещи, выявляется ее самотождественность. Тем самым космическая война проводит размежевание, которое позволяет каждой вещи произойти из своего истока, обрести и утвердить собственное место в мире. Но такое размежевание в борьбе не разрушает единство, а, наоборот, образует мир: полемос и логос одно и то же [12].

В таком тождестве Логос уже не просто мировой закон, устанавливающий космическую целостность из продуктов распада огненного архэ в фазе его затухания: он открывается как Слово, определяющее предметность мира вещей в его осмысленности и понятности. Такое

Слово не сводится лишь к описанию и систематизации всего сущего, оно схватывает суть вещи в ее смысловой определенности, определяет ее как именно эту вещь. И такое определение придает ей нечто от всеобщей значимости [13, р. 280]. Подобное схватывание раскрывает В.В. Бибахин в философском анализе фрагментов 11 DK и 64 DK: «всякая тварь бичем пасется»; «всем этим-вот правит Перун» [11, с. 237]. В них власть Логоса являет себя внезапным ударом, озарением, вспышкой, которые противоположны рефлексии ползучего дискурса. Логос молниеносно захватывает все одним, открывает высшую возможность, тайную истинность, и вместе с тем простую сущность вещи. Здесь Логос оборачивается полемосом, разворачивает состязание между вещами, чтобы стать максимально верным изъяснением божественной молнии [1, с. 136-141].

Таким образом, Логос являет собой принцип тождества, определяет устойчивость вечно живой текучести мира. Такой принцип не просто отмеряет границы вещей и устанавливает закон борьбы, соединяющей мировые противоположности в подвижную целостность космической стратификации. Он обращается к личности вещи, раскрывает ее уникальный лик. Наиболее ярко данная особенность учения Гераклита проявляется в рассмотрении личностной самотождественности человека.

Прежде всего, такое тождество связано с отношением личности к космическому Логосу, как мере человеческого в человеке. Причем здесь проблематику личностной идентичности можно рассмотреть в двух плоскостях. С одной стороны, человек представляет собой космическую реальность и в силу этого объективно причастен к космическому Слову, состоит с ним «в самом непрестанном общении» [11, с. 191]. Такая причастность проявляется в едином для всех разумном законе, который составляет природу самого Логоса, «знающего все как одно» [11, с. 199]. В этой плоскости самотождественность человека зиждется на его причастности к Логосу, как имманентной данности собственной природы как природы человеческой, и проблема личностной идентичности разворачивается в соотношение индивидуального как отдельного с общим как целым, индивид и его родовая суть.

Но, с другой стороны, человек обладает собственным субъективным логосом, который, являясь умом, сознанием, пониманием, мнением и убеждением, управляет жизнью человека [5,

с. 230-231]. Субъективный логос, с одной стороны, подобен логосу объективному и представляет собой огонь [11, с. 231], но, вместе с тем, он незрелый, подобно разуму ребенка, который может стать глупостью для взрослого [11, с. 242]. Проблема идентичности в данном контексте разворачивается в плоскости соотношения субъективного самосознания и объективной природы личности.

Несовершенство субъективного логоса Гераклит видит в обособленности человека, удержании своих отличий, собственной самобытности: «Хотя логос общ, большинство людей живет так, как если бы у них был особый рассудок» [11, с. 198]. Такое обособление, стремление замкнуться в своей отличительности Гераклит рассматривает в оппозиции здоровье – болезнь: «Здравый рассудок у всех общий» [11, с. 198]; «самоумнение – падучая болезнь» [11, с. 250]. И именно здравый рассудок сопрягает отдельного человека с единством мирового Логоса. Г.В. Драч усматривает в таком сопряжении предвосхищение теории коэволюции, где человек, будучи субъективным носителем объективной космической разумности, становится соучастником происходящих в мире процессов [2, с. 229]. Такое соучастие и открывает человеку путь к собственной самостождественности в контексте космической целостности.

Приобщение человека к объективному космическому логосу Гераклит рассматривает как состояние бодрствования, которое включает его в реальное единство мира. Различного рода различения себя с другими, напротив, погружают человека в сон, а спящий выпадает из общего мира, погружаясь в мнимый мир своих сновидений [11, с. 198]. Причем общность разума нельзя сводить к общепринятому усредненному мнению толпы. Наоборот, такая общность максимально противоположна подобным мнениям, представляет собой аристократическое по своей сути приобщение к универсальности. Приобщение к Логосу оборачивается напряженным поиском меры себя, той меры, которая, как лезвие бритвы, отсекает всякого рода обособляющие различия, поскольку требует преодоление себя обособленного. Тем самым проблема личностной идентичности разворачивается в плоскости универсального (как единое, цельное) и обособленного (как раздельное, разобщенное).

Таким образом, проблема соотношения субъективного и объективного сторон логоса, – это проблема подлинности человеческого присутствия в мире. И такая подлинность не гносе-

ологический акт соответствия субъективного мнения объективной данности, но экзистенциальная насыщенность жизни, единство слова и дела, умение говорить и действовать сообразно объективному логосу [5, с. 231]. В таком совпадении субъективного и объективного измерений человеческого существа субъективный логос не сводится лишь к его адекватному представлению о реальности. Этот логос предстает онтологическим основанием личностной самостождественности, основанием, которое определяет его умение быть, понимать и утверждать собственную меру, как динамичное единство различных граней человечности в космической целостности бытия. Такое умение и составляет индивидуальную природу личности, его этос (нрав), который становится его демоном [11, с. 243], то есть определяет состоятельность человека в мире, и, как следствие, драматизм его судьбы.

Таким образом, учение Гераклита об огненном логосе намечает основные векторы философского постижения личностной идентичности. Прежде всего, это поиск собственной определенности, целостности и сущностной устойчивости в потоке изменений. Такая определенность представляет собой тайную гармонию динамичного напряжения борющихся противоположностей, сопрягающую общее и обособившееся; целое и части. Тайная гармония определяет личностную идентичность как напряженный путь самоопределения через самопреодоление, путь, пробуждающий человека от сна сомнений и мнимых обособлений, ведущий его к присутствию в общем мире, соучастию в его жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бибихин В.В. Язык философии. М.: Языки славянской культуры, 2002.
2. Драч Г.В. Рождение античной философии и начало антропологической проблематики. М.: Гардарики, 2003.
3. Жуковский В.И., Пивоваров Д.В. «Дискобол» Мирона как репрезентант диалектики Гераклита // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2015. № 1. С. 142-147.
4. Кессиди Ф.Х. Гераклит. СПб.: Алетея, 2004.
5. Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу: Становление греческой философии. СПб.: Алетея, 2003.
6. Колпинский Ю.Д. Искусство Эгейского мира и Древней Греции. М.: Искусство, 1970.
7. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. М.: Высшая школа, 1963.

8. Платон. Алкивиад I / пер. С.Я. Шейнман-Топштейн // Собрание сочинений в 4 т.: Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 220-267.

9. Платон. Теэтет / пер. Т.В. Васильевой // Собрание сочинений в 4 т.: Т. 2. М.: Мысль, 1993. С. 192-274.

10. Плутарх. Об «Е» в Дельфах // Исида и Осирис. М.: Эксмо, 2006. С. 71-96.

11. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989.

12. Хайдеггер М. Введение в метафизику / пер. Н.О. Гучинской. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1997.

13. Robinson, T.M., 2013. Heraclitus and Logos – again. ΣΧΟΛΗ, Vol. 7, no. 2, pp. 276-284.

REFERENCES

1. Bibikhin, V.V., 2002. Yazyk filosofii [The language of philosophy]. Moskva: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (in Russ.)

2. Drach, G.V., 2003. Rozhdenie antichnoi filosofii i nachalo antropologicheskoi problematiki [The birth of antique philosophy and the beginning of anthropological perspective]. Moskva: Gardariki. (in Russ.)

3. Zhukovskiy, V.I. and Pivovarov, D.V., 2015. «Diskobol» Mirona kak reprezentant dialektiki Geraklita ["The discus thrower" by Myron as a representant of the dialectics of Heraclitus], Intellect. Innovatsii. Investitsii, no. 1, pp. 142-147. (in Russ.)

4. Kessidi, F.H., 2004. Geraklit [Heraclitus]. Sankt Peterburg: Aleteiya. (in Russ.)

5. Kessidi, F.H., 2003. Ot mifa k logosu: Stanovlenie grecheskoi filosofii [From myth to logos: the formation of Greek philosophy]. Sankt Peterburg: Aleteiya. (in Russ.)

6. Kolpinskiy, Yu.D., 1970. Iskusstvo Egeiskogo mira i Drevnei Gretsii [The art of the Aegean world and Ancient Greece]. Moskva: Iskusstvo. (in Russ.)

7. Losev, A.F., 1963. Istoriya antichnoi estetiki. Rannaya klassika [The history of ancient aesthetics. Early classic period]. Moskva: Vysshaya shkola. (in Russ.)

8. Plato, 1990. Alkiviad I [Alcibiades I]. In: Platon, 1990. Sbranie sochineniy v 4 t.: T. 1. Moskva: Mysl', pp. 220-267. (in Russ.)

9. Plato, 1993. Teetet [Teeter]. In: Platon, 1993. Sbranie sochineniy v 4 t.: T. 2. Moskva: Mysl', pp. 192-274. (in Russ.)

10. Plutarch, 2006. Ob "E" v Del'fakh [On the E at Delphi]. In: Plutarch, 2006. Isida i Osiris. Moskva: Eksmo, pp. 71-96. (in Russ.)

11. Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov. Ch. 1. Ot epicheskikh teokosmogonii do vznikoveniya atomistiki [Fragments of the early Greek philosophers. Part 1. From epic teocosmogony to the emergence of atomic theory]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

12. Heidegger, M., 1997. Vvedenie v metafiziku [Introduction to metaphysics]. Sankt Peterburg: Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola. (in Russ.)

13. Robinson, T.M., 2013. Heraclitus and Logos – again. ΣΧΟΛΗ, Vol. 7, no. 2, pp. 276-284.

Д.И. Небольсин*

ИНТЕГРАЦИЯ АНАЛИТИЧЕСКИХ
И ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ
ВИЗУАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
В ФИЛОСОФСКОМ ПРОЕКТЕ ПОЛА КРОУТЕРА

В статье анализируются ключевые аспекты предложенной П. Кроутером теории, объединяющей интерес к семантике и структуре изобразительной репрезентации с оригинальными тезисами об онтологической, телесной и темпоральной специфике изображений. Несмотря на ряд спорных моментов (эссенциализм и отвержение историзма, последовательная ориентированность на нормативную эстетику, общий теоретический эклектизм), эта концепция может рассматриваться в качестве примера продуктивности взаимодействия достижений аналитической и феноменологической традиций философии изображений.

Ключевые слова: изображение, репрезентация, теория образа, аналитическая философия, феноменология

Integrating analytic and phenomenological approaches to pictorial representation: Paul Crowther's philosophical project. DANIIL I. NEBOLSIN (National Research University Higher School of Economics)

Paul Crowther's theory of depiction combines such diverse issues as visual media ontological qualities, planar structure and non-referential semantics of pictures (described in terms of modal plasticity) as well as various modes of their relations to human identity. By virtue of interpreting (instead of imitating) the pre-given external world pictorial representations acquire the quality of distinctive ontological impact on visible reality: they literally transform it in unpredictable ways. Analyzing the temporal, spatial, body-oriented and perceptual conditions of depiction, Crowther postulates its "phenomenological depth": pictures visibly exemplify the various modes of our interactions with our world and thus obtain cognitive, intersubjective, aesthetic and even metaphysical significance. At the same time Crowther explicitly rejects the relevance of historical, social, political and other contextual matters for his methodology, which therefore tends to bear essentialist presuppositions closely related to traditional normative aesthetics. Despite this controversies and overall eclecticism of this philosophical system, Crowther's project provides an instructive case demonstrating how cultivation and elaboration of relevant theoretical interrelations between analytic and phenomenological traditions may be heuristically fruitful for the philosophical understanding of pictorial representation.

Keywords: depiction, pictorial representation, image theory, analytic philosophy, phenomenology

* НЕБОЛЬСИН Даниил Игоревич, аспирант школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

E-mail: daniil.nebolsin@gmail.com

© Небольсин Д.И., 2017

Различия между аналитической и феноменологической традициями исследования изображений весьма существенны, а возможность взаимодействия этих школ зачастую представляется утопической. Существует немного попыток их интеграции или сравнительного анализа, и теория Пола Кроутера выделяется среди них как, возможно, наиболее развернутая. Позиционируя свой проект как «пост-аналитическую феноменологию», Кроутер пытается объединить наработки этих философских традиций таким образом, чтобы они «не только сообщались друг с другом, но и объединялись в метод, чьи аспекты комплементарны друг другу» [5, р. 41]. В данной статье предлагается разбор ключевых особенностей, противоречий, преимуществ, недостатков и перспектив этого синтеза.

Кроутер обосновывает необходимость интегрального подхода следующим образом: большинство известных в англоязычной академической среде теорий образа «инфицированы» семиотическим, социальным или историческим редукционизмом, в силу чего их методология либо фатально упрощена, либо ориентирована на «характерную для западного инструментального разума модель товарного производства, дистрибуции и потребления» [6, р. 18]. В свою очередь, в качестве отправной точки для своей теории Кроутер выбирает идею внеисторического характера механизмов понимания образов. Он также исходит из того, что в семантических, структурных и онтологических характеристиках изобразительной репрезентации заложены предпосылки для ее художественного или эстетического использования. Поэтому он, сторонясь любых форм контекстуализма, обращается к исследованию «структур, фундаментальных для онтологии визуальных медиа» [6, р. 11].

Но перед их рассмотрением необходимо уточнить, что именно в его работах подразумевается под «образом» и «изображением» (поскольку не существует однозначной трактовки этих терминов, принимаемой всеми исследователями). Кроутер периодически использует понятие образа как ментального состояния, обладающего «изоморфной консистентностью» (isomorphic consistency) по отношению к феноменальной структуре своего референта [3, р. 101]. Однако в рассматриваемых текстах речь идет о материальных изображениях, причем в первую очередь художественных – картинах, рисунках и т.п. Кроутер называет их как изображениями, так и образами, а также картинами. В структурном отношении они отлича-

ются специфической «четырёхсложностью»¹, включающей в себя физическую основу (материальная поверхность), формальные особенности (текстура, цвет и т.п.), физиогномические свойства и репрезентационное содержание [3, р. 139]. Однако для Кроутера исследование элементов этой структуры вторично по отношению к экспликации семантических и онтологических характеристик образов, разворачиваемой из перспективы создателя изображения – путем рассмотрения того, как именно осуществляется процедура изображения видимого мира на плоскости².

Эта перспектива позволяет Кроутеру обратиться к семантической специфике изображений в обход более распространенных стратегий³: «В самом акте создания образа (вне зависимости от практических намерений и последующих использований образа) человек в буквальном смысле воздействует на мир, и тем самым изменяет свое когнитивное отношение к репрезентированному объекту, к себе, а также к существованию в более общем смысле» [6, р. 18]. Этот достаточно радикальный тезис можно признать «ядром» рассматриваемого философского проекта. Как ни странно, он восходит к работам Нельсона Гудмена [8]. Вслед за последним Кроутер постулирует в качестве одной из ключевых характеристик визуальной репрезентации то, что она «не воспроизводит механически свой предмет, но скорее является его интерпретацией» [6, р. 37]. Это значит, что для изображений конститутивно не сходство с изображаемым предметом (для Гудмена оно является мифом, для Кроутера – фактором отнюдь не первой важности), но отличие от него – и то, какими средствами (перцептивными, символическими и т.д.) осуществляется это отличие.

Выступая интерпретациями видимого мира, изображения могут придавать своим объектам физически невозможные свойства (к примеру, приписывать упитанным путти с крохотными крыльями способность летать), а также репрезентировать невозможные либо неизвестные в обыденной практике объекты, действия и ситуации. По большому счету, они имеют

¹ Здесь Кроутер полемически отталкивается от теории двусложности Ричарда Уоллхейма [13].

² Среди авторов, работавших в схожей перспективе, необходимо упомянуть Майкла Подро [10].

³ Сконцентрированных, к примеру, на проблемах сходства изображения с референтом, распознавания реципиентом объекта изображения или специфики восприятия визуальных репрезентаций.

дело прежде всего с областью возможного, а не наличного: «Изображение репрезентирует только возможный объект визуального восприятия» [4, р. 39]. Другими словами, какая бы то ни было корреляция изображения и объекта не имеет обязательного характера, а вопрос об онтологическом статусе референта оказывается нерелевантным. Если изображения не ограничены в выборе объектов и способов их представления, то любая визуальная репрезентация становится «визуальной альтернативой» миру, и ее когнитивная ценность обуславливается именно предположительно безграничной вариативностью интерпретации мира визуальными средствами. В отличие от Гудмена, Кроутер считает эту «модальную пластичность» изображений в большей мере онтологической, чем семантической характеристикой, ведь именно она позволяет реорганизовывать не только изображаемый предмет или сцену, но и видимый мир в целом. В конкретном же переживании модальная пластичность сочетается с отрывом от привычных концептуальных условий восприятия, что приводит к прерыванию естественной установки реципиента в отношении элементов видимого мира, тем или иным образом представленных в изображении, а зачастую и в отношении самих изображений и видимого мира как такового [6, р. 41].

Как возможна модальная пластичность и ее обозначенные выше следствия? Кроутер полагает, что визуальная репрезентация – конструкция, слагаемая из двух «векторов»: схематического и партикулярного [6, р. 37-38]. Схематическое содержание придает ей, грубо говоря, «формальные» свойства (линии, цвета, комбинации и т.д.), позволяющие зрителю распознавать составляющие партикулярный вектор и подводимые под понятия визуальные частности (объекты, сцены, действия и т.д.), а также определяют оригинальность и перцептивную отличительность того или иного изображения в ряду прочих. Распознавание изображенных объектов обычно не требует сознательной актуализации схематического, конструирующего уровня, но именно он предоставляет необходимые условия для того, чтобы некоторый объект мог считаться именно изображением, а не нейтральной плоскостью. В этом аспекте Кроутер снова сближается с Гудменом и его последователями (такими, как Джон Кульвицки [9] или Оливер Шольц [11]), рассматривающими «дореференциальный» уровень семантики изображений и то, как их синтаксические характеристики

«конвертируются» в значащую репрезентацию. Но в отличие от этих авторов, Кроутер выступает против рассмотрения изображений в символической перспективе: с его точки зрения, «в строго пикториальных терминах» [6, р. 36] изображения могут создаваться без денотативной интенции и восприниматься без отсылки к чему-либо (для Гудмена же денотация является неустранимым «ядром» репрезентации [8, р. 5]). Более радикальное расхождение с этой традицией заключается в том, что на основе идеи сконструированности изображений Кроутер формулирует тезис о внеисторическом и транскультурном характере их интерпретации: «Образ всегда пикториально интеллигибелен на базовом уровне без необходимости «декодировать» его посредством отсылки к внешним обстоятельствам, связанным с контекстом его создания или использования» [6, р. 38-39]. По большому счету это полная противоположность радикальному конвенционализму Гудмена.

Кроутер возводит когнитивные, онтологические и эстетические свойства изображений не только к их семантике, но и к пространственной организации их репрезентационного содержания. В ее основе лежит пикториальный синтаксис, под которым подразумеваются визуальные отношения, устанавливаемые между двумя крайними точками изобразительного пространства⁴ – фоном и «поверхностной плоскостью» (наиболее «близкими» к зрителю элементами содержания визуальной репрезентации) [6, р. 42-43]. Визуальный синтаксис не только способствует организации схематического и партикулярного векторов изображения в легко схватываемое единство, но и конституирует специфическую двухмерность изобразительной репрезентации. Локализация объектов видимого мира в неподвижном двухмерном пространстве изобразительной плоскости неизбежно требует их представления со стационарной фронтальной позиции, что еще сильнее отделяет объект репрезентации от обыденных условий его восприятия [6, р. 46].

Предполагая необходимость трансформации изображаемых объектов, пространственно-плоскостная специфика изображений лишний раз демонстрирует, насколько визуальная репрезентация этих объектов неизоморфна их данности в опыте, – и это влечет за собой важное онтологическое следствие, связанное с темпоральным аспектом визуальной репрезен-

⁴ В этом аспекте Кроутер снова сближается с теорией Уоллхейма. См.: [12].

тации. Помещаясь в описанные выше условия, изображаемое вырывается из потока актуального времени реципиента: время перестает быть значимым фактором, даже если в изображении представлено некоторое движение или процесс. Кроутер обозначает данное свойство термином “presentness”, указывающим как на присутствие изображаемого в настоящем, так и на радикальное отделение этого настоящего от привычного хода вещей, опять-таки способствующее прерыванию естественной установки [6, р. 44; 4, р. 40-42]. Здесь ход мысли Кроутера пересекается с идеей Готфрида Бема о том, что «вырывание» объекта изображения из временной последовательности в акте пикториального показа меняет и онтологический статус самого объекта, предоставляя ему особое «место в мире»: интенсифицированное присутствие, нередуцируемое к денотативным или «чисто» перцептивным функциям [2].

Среди наиболее близких феноменологии элементов рассматриваемой теории необходимо выделить проблематизацию телесного и пространственного характера восприятия изображений: здесь Кроутер эксплицитно следует мысли Мориса Мерло-Понти. «Обыденное» визуальное восприятие укоренено в привычной сенсомоторной активности тела по отношению к окружающей среде. Изображения же направляют внимание реципиента на собственное место в пространстве, экзemplифицируя интерактивный характер отношений тела и окружающего мира. Поскольку Кроутер считает расположение в пространстве ключевой характеристикой существования в мире, эта функция изображений признается им одной из конститутивных [4, р. 4-5; 6, р. 25]. Объединяя в едином визуальном опыте физическое и виртуальное, изображения предоставляют экстермальную по отношению к телу реципиента модель субъективного видения. Это придает им качество «феноменологической глубины», предполагающей онтологическую реципрокность субъекта и объекта переживания [6, р. 3].

По мысли Кроутера, феноменологическая глубина изображений не является неким отвлеченным свойством, а может оказывать сильное и непосредственное влияние на человеческую идентичность. Он обосновывает это тем, что понимание человеком себя в существенной степени конституируются способностью воображения – в том числе регулярными представлениями прожитых или знакомых «из вторых рук» ситуаций с тех или иных пространственных то-

чек обзора, включая чужие и альтернативные. Визуальная репрезентация дает возможность непосредственно столкнуться с этой множественностью и вариативностью видения в экстернализованном виде: «Это зрение, созданное на публично доступном уровне и освобожденное от непосредственных экзистенциальных давлений, как и от превратностей времени» [6, р. 56]. Благодаря этому изображения также задействуют значимый интересубъективный компонент, предоставляющий доступ к чужим «способам видения». Собственно, Кроутер считает главной функцией изображений то, что они различными способами и в различных модальностях «экзemplифицируют факторы, базовые для нашей когнитивной и метафизической укорененности в мире» [6, р. 31], что и составляет «внутреннюю значимость образа», раскрытию и обоснованию которой посвящается большая часть рассматриваемой философской системы.

В некоторых работах Кроутер уделяет отдельное внимание абстрактным изображениям, снабжая свою теорию дополнительным концептуальным аппаратом [6, р. 99-119; 3, р. 90-98; 7, р. 201-250]. С его точки зрения, восприятие абстракций чаще всего случается в заведомо художественном (музейном, галерейном) контексте. Это заметным образом трансформирует установку реципиента: в нее включается «презумпция виртуальности» [6, р. 104], заставляющая хотя бы в фоновом режиме полагать, что все абстрактные изображения должны быть «о чем-то». За неимением существующих референтов кандидатом на роль «чего-то» оказывается контекстуальное пространство, которое одновременно и служит сырым материалом визуального опыта, и способствует организации последнего, включая в себя, помимо прочего, случайные цветовые соотношения, сны и не поддающиеся концептуализации визуальные частности и случайности. Способствуя нашей ориентации в мире, оно исключительно редко становится объектом нашего внимания [3, р. 94-95]. По мысли Кроутера, именно представление и интерпретация контекстуального пространства обуславливает когнитивную ценность абстрактных изображений. Последние при этом понимаются как «аллюзивные образы» [3, р. 97], предоставляющие не прямой доступ к ускользающим от обыденного внимания нюансам и аспектам взаимодействия человека с видимым миром. Грубо говоря, абстракции наиболее эффективно показывают, как можно видеть *так-то*, а не *то-то*. Понятие контексту-

ального пространства в значительной степени совпадает с трактовкой невидимого в работе Мерло-Понти «Око и дух» [1]. Однако Кроутер предлагает достаточно развернутую классификацию семи уровней контекстуального пространства, относя к нему в том числе и горизонт представлений о возможных изменениях в видимом [6, р. 108], а Мерло-Понти обнаруживает способность проявлять «то, что обычное зрение полагает невидимым» [1, с. 19] в любой живописи, не только и не столько в абстрактной. То есть подход Кроутера оказывается более нюансированным, но и более узким.

Анализ абстрактных изображений добавляет несколько продуктивных деталей к кратко изложенной выше теории Кроутера, но вступает в некоторое противоречие с ней. По большому счету, автор использует институциональный критерий определения абстрактного искусства: чтобы увидеть некоторый объект в качестве аллюзивного образа, мы для начала должны знать, что это именно художественный объект, а раз это художественный объект, то предполагается, что он должен быть «о чем-то» и т.д. Однако в остальных работах Кроутер не только отвергает большинство контекстуальных объяснений визуальной репрезентации, но и настойчиво утверждает, что рассматриваемые им характеристики последней независимы от исторических, социальных или культурных детерминаций и контекстов; исключение делается только для абстрактных изображений. С одной стороны, такой эссенциализм служит способом заявить, что создание и восприятие изображений – практика немалой антропологической значимости. С другой стороны, он ведет к затруднениям при использовании или развитии теории Кроутера авторами, не претендующими на окончательное объяснение «фундаментальной сущности» изображений.

Одна из главных сложностей с подходом Кроутера состоит в том, что в нем содержится целый ряд ценностно-окрашенных импликаций (с выходом последней на данный момент книги автора среди них возобладала религиозная [4]). Так, Кроутер – один из немногих современных англоязычных философов, открыто разрабатывающих нормативную эстетическую теорию с большинством сопутствующих ей атрибутов: ранжированием объектов по «универсальным» ценностным критериям, повышенным вниманием к фигуре творца, сосредоточением на институционализированных художественных практиках без учета их институциональной специфики

и даже пониманием эстетического по модели органического единства [6, р. 24-25]. Как правило, эти особенности наиболее заметны в его сочинениях по эстетике, но и в текстах по философии изображений более чем достаточно вызывающих вопросы моментов. Это, во-первых, преимущественное рассмотрение изображений из перспективы их создателя, вследствие чего перцептивные и креативные акты производителей изображений представляются как имеющие больший объяснительный и ценностный потенциал, чем соответствующие акты реципиентов. Во-вторых, бросается в глаза фокусировка анализа на художественных изображениях – невзирая на то, что обычно они составляют пренебрежительно малую часть повседневного визуального опыта. В-третьих, вызывает ряд сомнений утверждение о внутренней связи выделяемых Кроутером характеристик изобразительной репрезентации с условиями, позволяющими изображениям становиться объектами искусства с сопутствующей им культурной валоризацией⁵. Упомянутые проблемы заставляют поставить вопрос о том, применим ли подход Кроутера к изображениям, не имеющим каких-либо связей с художественными практиками.

Этот вопрос важен по следующей причине: ограничение теории визуальной репрезентации областью искусства автоматически понизило бы целесообразность самой идеи интеграции аналитической и феноменологической традиций, ведь одна из центральных установок аналитической философии изображений – это поиск теорий, способных очертить условия базового понимания любых изображений во всем их многообразии. И здесь снова бросается в глаза «неравномерность» проекта Кроутера. Когда он, например, анализирует логические и семантические характеристики изображений, его теория выступает в качестве достаточно аккуратного инструмента анализа практически любых образцов и вариаций визуальной репрезентации. Но при обращении к онтологической и экзистенциальной проблематике она становится излишне контринтуитивной (сходу не очень легко допустить, что любое изображение может способствовать трансформации идентичности человека в силу экземплификации базовых условий его пребывания в мире), недостаточно информативной (не вполне ясно, как именно этот тезис может способствовать теоретическому пониманию конкретного изображения), а

⁵ Этот тезис несколько раз воспроизводится в статье «Фигура, плоскость и рама» [6, р. 35-59].

также ориентированной скорее на «шедевры», чем на обыденные визуальные практики.

Удалось ли Кроутеру объединить аналитическую и феноменологическую традиции органичным и убедительным способом? На наш взгляд, об этом можно говорить лишь с определенными уточнениями и оговорками. Проект Кроутера крайне эклектичен, в нем не только задействованы представители аналитической и феноменологической традиций (чьи теории, конечно, не так легко выстроить в один ряд без искажений или упрощений), но и окказионально привлекаются сравнительно неожиданные в данном контексте авторы в диапазоне от Иммануила Канта до Жюль Делеза. Использование этой теории во всех ее измерениях (не стоит забывать, что она сообщена и с более широкими эстетическими, метафизическими и религиозными представлениями автора) может быть затруднено рассмотренными выше нормативными импликациями и противоречиями. По отдельности же составляющие ее идеи и концепты в большинстве своем либо напрямую восходят к Мерло-Понти, Гудмену и др., либо достаточно легко заменяются альтернативными моделями. Вместе с тем, в концепции Кроутера нельзя не выделить ряд интуиций и предложений, демонстрирующих, как аккуратное совместное задействование феноменологических и аналитических теорий изобразительной репрезентации может привести к крайне продуктивным и перспективным результатам.

В первую очередь обращает на себя внимание трактовка семантики визуальной репрезентации, в которой денотативная и миметическая функции признаются не обязательными, а опциональными. Сочетание сконструированного характера и модальной пластичности с плоскостной спецификой изображений предоставляет возможности для понимания их семантических характеристик в «автономном», нерепрезентационном ключе. Этому также способствует и концепция контекстуального пространства, которую, полагаем, можно применить не только к абстрактной живописи.

Во-вторых, представляется удачным сочетание восходящей к Гудмену трактовки когнитивного потенциала изображений с нерепрезентационным, телесно-ориентированным и почти активистским подходом к восприятию. Это позволяет совместить структурно-когнитивистский метод с рассмотрением визуальной и телесной составляющих изобразительного опыта, заведомо исключенных из теории Гуд-

мена. Здесь Кроутер, в общем-то, предлагает одно из наиболее многообещающих и, главное, реализуемых направлений для интеграции аналитической и феноменологической традиций.

Кроме того, рассматриваемую теорию можно признать ярким примером трактовки визуальной репрезентации через его перцептивное и концептуальное отличие от восприятия мира «лицом к лицу»: изображение осмысливается как радикально противоречащее и референту, и обыденному визуальному опыту реципиента, и обыденным представлениям последнего о темпоральности, мире и самости. Столь настойчивое указание на различия и асимметрии, выявляемые в ходе анализа семантических, структурных и онтологических характеристик изображений, иногда ведет Кроутера к излишне радикальным метафизическим выводам, но в целом представляется продуктивной стратегией для теоретиков визуальной репрезентации.

Философская система Кроутера выделяется из числа прочих во многом благодаря отлаженной системе дополнений и отсылок, формирующей из отдельных идей комплексную и разностороннюю теорию. Элементы этой системы, как правило, наглядно и убедительно дополняют друг друга: так, трактовка семантики изображений влечет за собой выводы онтологического и структурного характера и подкрепляется трактовкой темпоральных и пространственных качеств изображений. Но важна не «красивость» теоретической подгонки, а получаемое на выходе понимание изображений: оно становится нередукционистским, избегающим прямолинейных объяснений и сфокусированным как на многоаспектности и процессуальности восприятия, так и на сложностях и нюансах материальных, семантических и других аспектов изобразительной репрезентации. Интуиции, предложения и импликации теории Кроутера предоставляют множество поводов для дальнейших разработок и убедительно демонстрируют, что отсутствие налаженной интеракции между аналитической и феноменологической версиями философии изображений – это, возможно, следствие академической конъюнктуры, но явно не признак несовместимости разрабатываемых в рамках данных традиций подходов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мерло-Понти М. Око и дух. М.: Искусство, 1992.
2. Boehm, G., 2012. Representation, presentation, presence: tracing the Homo Pictor. In: Alexander,

J.C., Bartmanski, D. and Giesen, B. eds., 2012. Iconic power: materiality and meaning in social life. New York: Palgrave Macmillan, pp. 16-23.

3. Crowther, P., 2007. Defining art, creating the canon: artistic value in an era of doubt. Oxford: Oxford University Press.

4. Crowther, P., 2016. How pictures complete us: the beautiful, the sublime, and the divine. Stanford: Stanford University Press.

5. Crowther, P., 2013. Imagination, language, and the perceptual world: a post-analytic phenomenology. *Continental Philosophy Review*, Vol. 46, no. 1, pp. 37-56.

6. Crowther, P., 2009. Phenomenology of the visual arts (even the frame). Stanford: Stanford University Press.

7. Crowther, P., 2012. The phenomenology of modern art: exploding Deleuze, illuminating style. London-New York: Continuum.

8. Goodman, N., 1968. Languages of art. Indianapolis: Bobbs-Merill Co.

9. Kulvicki, J., 2006. On images: their structure and content. New York: Oxford University Press.

10. Podro, M., 1997. Depiction and the golden calf. In: Harrison, A. ed., 1997. *Philosophy and the visual arts: seeing and abstracting*. Dordrecht: D. Reidel Publishing Co., pp. 3-22.

11. Scholz, O., 2000. A solid sense of syntax. *Erkenntnis*, Vol. 52, no. 2, pp. 199-212.

12. Wollheim, R., 2001. On formalism and pictorial organization. *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*, Vol. 59, no. 2, pp. 127-137.

13. Wollheim, R., 1980. Seeing-as, Seeing-in and pictorial representation. In: Wollheim, R., 1980. *Art and its objects*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 205-226.

REFERENCES

1. Merleau-Ponty, M., 1992. *Oko i dukh [Eye and mind]*. Moskva: Iskusstvo. (in Russ.)

2. Boehm, G., 2012. Representation, presentation, presence: tracing the Homo Pictor. In: Alexander, J.C., Bartmanski, D. and Giesen, B. eds., 2012. *Iconic power: materiality and meaning in social life*. New York: Palgrave Macmillan, pp. 16-23.

3. Crowther, P., 2007. Defining art, creating the canon: artistic value in an era of doubt. Oxford: Oxford University Press.

4. Crowther, P., 2016. How pictures complete us: the beautiful, the sublime, and the divine. Stanford: Stanford University Press.

5. Crowther, P., 2013. Imagination, language, and the perceptual world: a post-analytic phenomenology. *Continental Philosophy Review*, Vol. 46, no. 1, pp. 37-56.

6. Crowther, P., 2009. Phenomenology of the visual arts (even the frame). Stanford: Stanford University Press.

7. Crowther, P., 2012. The phenomenology of modern art: exploding Deleuze, illuminating style. London-New York: Continuum.

8. Goodman, N., 1968. Languages of art. Indianapolis: Bobbs-Merill Co.

9. Kulvicki, J., 2006. On images: their structure and content. New York: Oxford University Press.

10. Podro, M., 1997. Depiction and the golden calf. In: Harrison, A. ed., 1997. *Philosophy and the visual arts: seeing and abstracting*. Dordrecht: D. Reidel Publishing Co., pp. 3-22.

11. Scholz, O., 2000. A solid sense of syntax. *Erkenntnis*, Vol. 52, no. 2, pp. 199-212.

12. Wollheim, R., 2001. On formalism and pictorial organization. *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*, Vol. 59, no. 2, pp. 127-137.

13. Wollheim, R., 1980. Seeing-as, Seeing-in and pictorial representation. In: Wollheim, R., 1980. *Art and its objects*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 205-226.

УДК 1(091)

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2017-3/133-138

В.А. Чалый*

КРИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ КАНТА КАК «АНАЛИТИЧЕСКИЙ АРГУМЕНТ» В ТРАКТОВКЕ П.Ф. СТРОСОНА

В статье рассматривается предпринятая классиком школы лингвистического анализа П.Ф. Стросоном интерпретация «Критики чистого разума» Канта как основанного на постулатах аналитической философской традиции «аналитического аргумента», отделенного от метафизики трансцендентального идеализма. Автор следует критику Стросоном трансцендентального идеализма и его интерпретации в более поздних работах по аналитическому кантианству (Элисон, Ханна и др.). На основании работ зарубежных и отечественных авторов предлагается попытка решения проблемы ноуменального аффицирования. Автор также выявляет трудности предложенного Стросоном аналитического аргумента в трактовке эпистемологической операции синтеза.

Ключевые слова: И. Кант, П.Ф. Стросон, трансцендентальный идеализм, вещь в себе, синтез, априори, ноуменальное аффицирование

Kant's critical theory as an «analytical argument» in P.F. Strawson's interpretation. VADIM A. CHALIY (Immanuel Kant Baltic Federal University)

The author analyzes the interpretation of Kant's «Critique of pure reason», undertaken by P.F. Strawson, who attempts to reinvent Kant's theory on the principles of analytic tradition as an «analytical argument» separated from metaphysical doctrine of transcendental idealism. Strawson's criticism is compared to later and more sympathetic interpretative efforts made by H. Allison and R. Hanna. These efforts together with arguments provided by L. Abramyan and L. Kalinnikov forms the basis for the proposed solution for the problem of noumenal affection. Strawson's analytical argument is shown to meet problems trying to explain synthetic cognitive operations.

Keywords: I. Kant, P.F. Strawson, transcendental idealism, thing in itself, synthesis, a priori, noumenal affection

В 1960-х гг. аналитическая философия обратилась к освоению Канта. В свете прежних революционных устремлений поворот этот казался неожиданным, однако имел глубокие основания. Доминировавшая на тот момент витгенштейнианская парадигма анализа обычного языка исчерпала первоначальный импульс и нуждалась в усложнении теоретического аппарата, а это в свою очередь подталкивало

к пересмотру позитивистских установок в отношении бессмысленности метафизики. Особенности нового «метафизического поворота» были обусловлены кругом актуальных для аналитиков того времени проблем эпистемологии, лингвистики, философии науки. Совершая этот поворот, философы стремились сохранить «аксиоматическое ядро», «культурный код» своей традиции, восходящей к британскому эмпи-

* ЧАЛЫЙ Вадим Александрович, кандидат философских наук, доцент Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени И. Канта.

E-mail: vadim.chaly@gmail.com

© Чалый В.А., 2017

ризму начала Нового времени. Это во многом предопределило характер и исход попытки reinterpretации наследия прошлого.

Нет ничего удивительного в том, что именно философия Канта оказалась в фокусе внимания одной из первых. Масштаб и глубина критической системы, ее эмпирические аргументы, обогащенные «континентальным» рационализмом и гениальными находками кенигсбергского философа, открывали возможности для ее адаптации к решению фундаментальных для аналитической традиции проблем. Канта необходимо было переписать иным языком, и эта работа началась сразу несколькими авторами в начале 1960-х гг. Ключевыми стали следующие работы: Г. Берд «Кантова теория познания» (1962) [6], Дж. Беннет «Кантова аналитика» (1966) [5], П.Ф. Стросон «Пределы смысла: очерк о «Критике чистого разума»» (1966) [9]. Последняя из них, написанная тогдашним лидером оксфордской школы лингвистического анализа, стала классической для аналитической философии и легла в основу движения, которое можно назвать «аналитическим кантианством».

Давшая радикально новое прочтение философии Канта, стросоновская интерпретация оставалась доминирующей до 1980-х гг., когда целым рядом англо-американских философов были выдвинуты аргументы, предлагающие более полно переосмыслить трансцендентальный идеализм в рамках аналитической традиции. Наиболее глубоко и последовательно критиковали редукционистскую интерпретацию Стросона американские философы Г. Элисон [4] и П. Гайер [7]. Одновременно внимание англоязычных философов обратилось к другим работам Канта. Стало складываться комплексное прочтение критической системы. Последующие десятилетия явили новые достижения на этом пути. Среди работ, исследующих влияние идей Канта на аналитическую традицию, можно назвать книгу Р. Ханна «Кант и основания аналитической философии» (2001) [8]. Параллельно с теоретико-философскими исследованиями, а в последние десятилетия, возможно, даже более интенсивно, идет работа по интерпретации морально-политической философии Канта.

Адаптация идей Канта к контексту аналитической традиции осложнена целым рядом обстоятельств. Первое и наиболее очевидное из них – язык. Сочинения Канта предельно техничны, избилуют специальной философской терминологией, которая поддается только приблизительному переводу. Переводческая

работа, блестяще осуществленная А. Вудом, П. Гайером, М. Грегор, Н. Кемпом-Смитом, Р. Лауденом, Э. Мэттьюсом, П. Хитом и др., сталкивается с объективными различиями философского немецкого и философского английского. Неспециалистам, не обращающимся к немецкому оригиналу, трудно понять, например, важнейшую разницу между кантовскими *Objekt* и *Gegenstand*, переводимыми одним английским словом *object*. Приходится отметить, что эта трудность свойственна и интерпретации Стросона. Во-вторых, адаптация идей Канта проходит на фоне уже отмеченного конфликта эмпирических оснований аналитической школы и трансценденталистской парадигмы Канта. Он означает невозможность охватить, «втянуть» в аналитический контекст доктрину немецкого философа целиком. Эту работу приходится разделять с частями теории, которые, однако, теряют в функциональности за пределами целого. Следует отметить важную разницу между первыми и последующими интерпретациями кантовской системы, связанными, как можно предположить, с парадигмальными изменениями в преобладающем в англоязычном мире способе философствования. Интерпретациям, например, Элисона и Лаудена присущ известный органицизм, плюрализм, в то время как попытка Стросона выделить из трансцендентальной системы «аналитический аргумент» более механистична. «Аналитический аргумент» в ней подобен ценному узлу, который из неработающего двигателя переносится в работающий, чтобы усовершенствовать его. Однако оказывается, что конфликт с пресуппозициями делает «вживание» теоретического органа в инородный философский контекст проблематичным.

Обратимся к содержанию этой интересной попытки. Основной тезис «Пределов смысла» таков: все философское рассуждение «Критики» успешно делится на две неравные части, «аналитический аргумент» и «доктрину трансцендентального идеализма». Аналитический аргумент выявляет предпосылки и концептуальную структуру знания. Это позитивная часть кантовской системы, суммирующая ее достижения. Трансцендентальный идеализм, согласно Стросону, это обширное и запутанное собрание метафизических заблуждений, паразитирующих на эпистемологическом ядре и подлежащих элиминации. Задача «Пределов смысла» – реконструировать «аналитический аргумент» и очистить его от ложной метафизики. Позитивная часть кантовской доктрины ис-

черпывается «Трансцендентальной эстетикой» и «Аналитикой». Его основное содержание можно выделить в шести тезисах [9, р. 24]:

- тезис пространственности/темпоральности: опыт есть длящееся во времени;
- тезис необходимой целостности сознания: фрагменты длящегося во времени опыта (восприятия) должны быть объединены так, чтобы допускать возможность самоатрибуции или, что то же самое, самосознания, составляющего основание субъективности;
- тезис объективности: опыт предполагает восприятие объектов, допускающих демаркацию между этими восприятиями и самими объектами для логической возможности суждений о существующем как об имеющем место вне зависимости от индивидуальных восприятий;
- тезис пространственности: объекты выступают как пространственные сущности;
- тезис единства пространства и времени: в основе воспринимаемой реальности лежит структура, вмещающая все ее объекты, их свойства и отношения;
- тезис «Аналогий опыта»: некоторые неизменные принципы причинности и постоянства необходимо действуют в эмпирически воспринимаемом объективном пространственно-временном мире.

Стросон утверждает, что в этот аналитический аргумент Кантом произвольно добавлена метафизическая «трансцендентальная психология», полученная путем необоснованного выведения набора из двенадцати категорий из форм суждения [9, р. 117]. Столь же сомнительной является представленная там же теория, объясняющая синтетические процедуры сознания. Логически избыточным является и учение о вещах в себе, в особенности – противоречивое утверждение об их непознаваемости. Добавляя эти построения в аналитический аргумент, Кант сам нарушает собственный главный принцип исследования, запрещающий эмпирическим понятиям оставлять область опыта, обеспечивающего их «понятность» [9, р. 225]. Что касается укорененного в «трансцендентальной психологии» вопроса о возможности синтетических суждений априори, который Кант, как известно, использует в качестве одной из лаконичных формулировок своей эпистемологической программы, то он, по мнению Стросона, так и не получил сколь-либо внятного ответа. Это свидетельствует о бессмысленности вопроса и самого понятия «априорного синтеза» [9, р. 44]. Ввиду этого Стросон отрицает достаточ-

ность оснований для решения принципиального вопроса об эмпирическом либо трансцендентальном происхождении концептуальной схемы, признавая, однако, что сам вопрос является осмысленным и представляет собой предел нашего разума, на котором нам следует удерживаться от соблазна пуститься в обреченные на неудачу метафизические спекуляции [9, р. 44].

Таким образом, если Кант полагает трансцендентальную теорию своим главным достижением, решающим целый набор взаимосвязанных проблем, то Стросон находит ее главной и наиболее драматической кантовской ошибкой, ведущей к разрушающим систему противоречиям [9, р. 21]. Предпринятая Стросоном интерпретация имеет целью избавиться от результатов данной ошибки. Создается весьма примечательная ситуация, когда интерпретатор предлагает элиминировать из теории то, что ее создатель с гордостью объявляет центральным достижением. Наша задача – выяснить, может ли аналитический аргумент, отделенный Стросоном от трансцендентальной доктрины, функционировать в качестве самостоятельной теории.

Обратимся к стросоновской интерпретации и критике трансцендентального идеализма. Британский философ приводит четыре возможные трактовки этой фундаментальной кантовской теории, и ни одна из них, как он считает, не может выстоять под напором критики. Выводы аналитика решительно утверждают провал трансцендентального проекта: во-первых, допущение сверхчувственной реальности является в нем произвольным и, по-видимому, имеет в виду создать основу для будущих моральных спекуляций о «практическом разуме»; во-вторых, с самого появления «Критики» вменяемая ей трудность с «ноуменальным аффицированием», т.е. с объяснением процесса воздействия умопостигаемой реальности на воспринимаемую в опыте, является неразрешимой и фатальной; в-третьих, из последнего следует, что у Канта вообще нет внятной теоретической модели внешней реальности, и он остается с теорией, представляющей собой субъективный идеализм берклианского толка. Анализ приведенных критических аргументов, их рецепции в англоязычной литературе показывает возможность связной и текстологически обоснованной реконструкции трансцендентального идеализма, объясняющей без явных противоречий отношения явлений и вещей в себе и не несущей сложностей, свойственных берклианству.

Первым шагом к построению такой конструкции должен стать анализ смыслов, в которых Кант употребляет фундаментальные понятия своей теории: «феномен», «явление», «ноумен», «вещь в/сама по себе», «трансцендентальный предмет», «объект» и др. Высказывается несколько позиций в отношении этой задачи. Наиболее распространенная состоит в допущении синонимичности понятий «ноумен», «вещь в себе», «трансцендентальный предмет», «вещь, как она существует сама по себе», используемых в одном смысле – сущности сверхчувственной и непознаваемой. Стросон – один из многих стоящих на такой позиции. В такой трактовке существуют два мира: непознаваемый ноуменальный мир (при этом онтологически первичный) и познаваемый феноменальный мир, зависящий от первого, представляющий собой кажущуюся нам реальность. Характер отношений между этими мирами остается у Канта без внятных объяснений. Однако высказывались и альтернативные точки зрения. Например, Г. Элисон говорит о двух значениях понятий «вещь в себе» и перечисленных выше смежных с ним, полемическом и неполемическом. Кант использует эти понятия полемическим способом, когда пытается ограничить область чувственно воспринимаемого: «понятие ноумена есть только *пограничное* понятие, служащее для ограничения притязаний чувственности и потому имеющее только отрицательное применение». Неполемическое значение этих понятий – внешний объект, который «соответствует нашим представлениям, но в то же время отличается от них» [3, р. 241]. Данное значение указывает на принципиальную невозможность помыслить полноту явленного в чувствах опыта. Предложенную Г. Элисоном трактовку разрабатывает Р. Ханна, различающий негативное и позитивное значения понятия вещи в себе и предлагающий называть ее «теорией двух взглядов», отличая от обычно вменяемой Канту «теории двух миров». В негативном значении «ноумен» это всякая мыслимая сверхчувственная сущность, в позитивном – это предмет, открытый вводимому Кантом «интеллектуальному восприятию», т.е. гипотетическому восприятию разумом без посредничества чувств, которым человек не обладает, но могут обладать иные разумные существа. Ханна выделяет еще одно значение специально для «трансцендентального предмета»: «базисный формальный конституент ... во всяком опыте вообще» [8, р. 107], представляю-

щий собой необходимое основание опыта. При этом трансцендентальный предмет сам не входит в пределы опытного знания. Предложенные Г. Элисоном и Р. Ханной трактовки центральных понятий трансцендентального идеализма открывают иные перспективы реконструкции кантовской философии.

Интересные результаты получены и в отечественном кантоведении. Так, Л.А. Абрамян предлагает различать два статуса вещи в себе, онтологический и гносеологический, что позволяет различать вопросы существования и вопросы познаваемости. Эта дистинкция обогащает только что изложенную концепцию американских философов, работающих преимущественно в эпистемологическом/гносеологическом плане [1]. Л.А. Калинин выдвигает интерпретацию вещи в себе, призванную ответить от трансцендентальной теории подозрения в агностицизме. Пользуясь имеющим более широкое значение понятием «вещь вообще», мы можем разделить его на «вещи для нас» и «вещи вообще» [2]. Первые можно трактовать в двух аспектах: как полностью непознаваемые, но аффицирующие чувственность вещи в себе (что соответствует «традиционной» трактовке, разделяемой, в частности, Стросоном) и как основание для ограниченного проникновения в непознаваемое, возможного как бесконечный процесс расширения познания.

Приведенные трактовки вскрывают неравнозначность понятий «вещь в себе», «трансцендентальный предмет», «ноумен». Как представляется, можно говорить о по меньшей мере трех значениях:

1. Негативном значении, отсылающем к множеству сущностей, необходимо либо случайно закрытых для человеческого чувственного восприятия. Это значение используется для критики соперничающих теорий, а также для введения потенциальной неограниченности процесса познания.

2. Значении, указывающем на мысленные сущности, идеи, имеющие логическую форму, мыслимые признаки, входящие в область действительного, воображаемого и т.д., но не обладающих предметными эквивалентами в опыте. Эти сущности служат проектированию деятельности, нацеленной на осуществление в виде предметов некоторых из них.

3. Значении, соответствующем сущностям, способным производить чувственные восприятия в сознании человека, т.е. являющимся в опыте. Эти сущности выступают как «вещи для

нас», в качестве предметов познания. Постольку, поскольку они производят явления, они познаются, однако эти знания нет и не может быть возможности полагать полными и окончательными, иными словами, приравнивать «вещь для нас» к «вещи самой по себе». Данный в чувствах опыт складывается только из тех свойств и отношений, которые различимы, распознаваемы для нашей когнитивной конституции или концептуальной схемы. Невозможно утверждать, что человеческое восприятие не упускает ни одной сущностной стороны являющихся нам «вещей для нас», по этой причине остающихся также «вещами в себе».

В тексте двух изданий «Критики», в заметках, текстах лекций и т.д. есть цитаты, в которых трансцендентальные понятия употребляются в одном из трех значений. Результаты работы по их сортировке представлены в нашем исследовании [3]. Следует признать, что эта интерпретация не решает всех текстологических противоречий, на которые указывают критики Канта, однако она дает симпатизирующее связное прочтение трансцендентального идеализма, исходящее из презумпции непротиворечивости кантовского текста.

Предлагаемая интерпретация трансцендентальных понятий отвечает на самые острые критические замечания в адрес теории Канта. Главное, она решает упоминавшуюся проблему ноуменального аффицирования, утверждая познаваемость реальности в пределах, открываемых нашей концептуальной схемой. Мир явлений оказывается частью реальности, так как не ограничен пределами сознания, имеет внешнее соответствие. При этом отсутствуют формальные основания для ограничения реального только действительным опытом, данным в чувствах, не учитывая при этом возможный опыт. Это позволяет заключить, что внутренняя напряженность трансцендентального идеализма по крайней мере не оборачивается катастрофической внутренней противоречивостью, которую вменяют ему в рамках традиционной линии критической атаки (в т.ч. Стросон).

Наметив контуры позитивной интерпретации трансцендентального идеализма, вернемся к аналитическому аргументу Стросона. Его шесть тезисов характеризуются тем, что не могут быть доказаны, а выявляются как необходимые условия знания. Кант имеет свой метод работы с подобным уровнем теории, который также относится к числу его важнейших изобретений. Американский философ Б. Страуд предложил

для этого метода название «трансцендентальный аргумент», или «трансцендентальное рассуждение» (argument) [9]. Именно его пытается адаптировать Стросон для обоснования выделенных им шести тезисов, деля их на три группы.

Первую группу составляют тезисы «Трансцендентальной эстетики» – временности и пространственности опыта. Согласно Стросону, кантовское доказательство их имеет одну форму, успешно работающую в случае временности не столь успешно в случае пространственности. Временная организация опыта необходима для осуществления фундаментальной когнитивной операции распознавания, т.е. подведения частных случаев под общие понятия, токенов под типы, узнавания предмета как того же самого и т.п. (подробнее эти операции проанализированы Стросоном в «Индивидах»). Ее необходимость подтверждается тем, что мы не можем вообразить альтернативный мир, в котором временная упорядоченность отсутствует или устроена иначе. Это не работает в случае пространства: Стросон утверждает, что Кант безосновательно принимает эксклюзивность евклидовой геометрии, что сегодня выглядит устаревшим. Однако соотнесенность предметов в едином пространстве какого-то типа все-таки оказывается необходимой для возможности связного опыта.

Вторая группа – это тезисы единства сознания, объективности и единства пространства-времени. Единое длящееся сознание, трансцендентальное единство апперцепции, возможно только как индивидуальная непрерывная траектория движения через единый пространственно-временной континуум, воспринимаемый как существующий независимо от содержания сознания субъекта. Тезис «Аналогий» рассматривается специально, в него входят адаптированные кантовские рассуждения о том, что единство мира в опыте возможно только при условии действия в нем причинно-следственных отношений.

Вопрос, с которым теперь необходимо обратиться к аналитическому аргументу, заключается в том, решает ли он проблемы (либо избавляется ли он от них), к которым была адресована теория Канта. И здесь наиболее сложной оказывается проблема синтеза, центральная для проблем единства сознания, единства опыта и единства мира. Примечательно, что Стросон избегает понятия «синтез». Там, где Кант использует его для объяснения соединения представлений, британский философ прибегает к аналитической процедуре подведения под понятия. Если у Канта многообразие опыта возникает благодаря

синтетической деятельности субъекта, для Стросона субъект получает его как данность и затем разделяет. Однако даже согласившись с таким объяснением этапов познавательной деятельности, мы сталкиваемся с проблемой активности сознания в порождении новых комбинаций полученных анализом фрагментов знания. Реконструкция Стросона нуждается в теории синтеза, которая в ней отсутствует. Как представляется, отвечая на вопрос об устройстве уже сформированного знания, ей недостает возможностей для ответа на важнейший вопрос о том, как формируется знание. Но именно в процессе формирования, соединения опытного многообразия и являет себя единство сознания. Таким образом, без теории синтеза Стросон средствами аналитического аргумента не может доказать того, что Кант устанавливает трансцендентальной дедукцией. Попытка включения кантианской теории синтеза в аналитический аргумент означала бы его глубокую реорганизацию, в частности, надления понятия «априори» синтетическим, трансцендентальным значением. Таким образом, изучая возможности аналитического аргумента в роли самостоятельной теории, мы установили, что, во-первых, их недостаточно для решения либо устранения некоторых фундаментальных проблем, решаемых трансцендентальной теорией Канта (в частности, описания синтетических процедур сознания); во-вторых, возможна непротиворечивая интерпретация трансцендентального идеализма, избегающая выдвинутой Стросоном критики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамян Л.А. Кант и проблема знания. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1979.
2. Калинин Л.А. Понятия «вещь вообще» и «вещь в себе» и их роль в системе кантовского «критицизма» // Кантовский Сборник. 1985. № 10. С. 3-11.
3. Чалый В.А. Критический анализ интерпретации Питером Стросоном философской системы Иммануила Канта: дисс. ... канд. филос. наук. Калининград, 2004.
4. Allison, H.E., 1983. Kant's transcendental idealism: an interpretation and defense. New Haven: Yale University Press.
5. Bennett, J., 1966. Kant's analytic. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Bird, G., 1962. Kant's theory of knowledge: an outline of one central argument in the Critique of pure reason. Routledge & Kegan Paul.
7. Guyer, P., 1987. Kant and the claims of knowledge. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Hanna, R., 2001. Kant and the foundations of analytic philosophy. Oxford: Clarendon Press.
9. Strawson, P.F., 1966. The bounds of sense: an essay on Kant's "Critique of pure reason". London: Methuen.
10. Stroud, B., 1968. Transcendental arguments. Journal of philosophy, Vol. 65, no. 9, pp. 241-256.

REFERENCES

1. Abramyan, L.A., 1979. Kant i problema znaniya [Kant and the problem of knowledge]. Erevan: Izd-vo AN Armyanskoi SSR. (in Russ.)
2. Kalinnikov, L.A., 1985. Ponyatiya «vesch' voobsche» i «vesch' v sebe» i ikh rol' v sisteme kantovskogo «krititsizma» [The notions of "thing in general" and "thing in itself" in Kant's "critical" system], Kantovskii Sbornik, no. 10, pp. 3-11. (in Russ.)
3. Chaliy, V.A., 2004. Kriticheskii analiz interpretatsii Piterom Strosonom filosofskoi sistemy Immanuila Kanta [Critical analysis of Peter Strawson's interpretation of Immanuel Kant's philosophical system], dissertatsiya kandidata filosofskikh nauk. Kaliningrad. (in Russ.)
4. Allison, H.E., 1983. Kant's transcendental idealism: an interpretation and defense. New Haven: Yale University Press.
5. Bennett, J., 1966. Kant's analytic. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Bird, G., 1962. Kant's theory of knowledge: an outline of one central argument in the Critique of pure reason. Routledge & Kegan Paul.
7. Guyer, P., 1987. Kant and the claims of knowledge. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Hanna, R., 2001. Kant and the foundations of analytic philosophy. Oxford: Clarendon Press.
9. Strawson, P.F., 1966. The bounds of sense: an essay on Kant's "Critique of pure reason". London: Methuen.
10. Stroud, B., 1968. Transcendental arguments. Journal of philosophy, Vol. 65, no. 9, pp. 241-256.